

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

4
'96

ЧЕРНОБЫЛЬ: КАТАСТРОФА ВЕКА

*Ушел
в разведку...*

Очерк
о Герое России
подполковнике
**Сергее
ПЕТРУШКО**
читайте
в номере.

Фото
О. СМЕРНОВА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

4'96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Издается с 1958 г.

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России.
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное управление
командующего
внутренними
войсками:
111250,
Москва, Е-250,
Красноказарменная
улица, 9а.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка
ГЕРАЩЕНКО В.П.,
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ИНЮШИНА И.Н.

На первой странице
обложки фото
А.АЛЕКСАНДРОВА.

В номере:

Актуальное интервью

Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II: "Мы молимся, чтобы Господь явил вас победительными, но прежде всего мы молимся, чтобы не было войны" 2

В особом районе

ПАНЧЕНКОВ В. Новогрозненский: горячий февраль 6
СИБИРЦЕВ Т. Ушел в разведку..... 10
КАЧУМ Н. Дуэль с "одиноким волком" 15
ЛЯБИК М.: "Войскам нужны спецназовцы, а не "спецназеры" 19
По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России. 24

Катастрофа века

СИМОНОВ А. "МВД — щит Чернобыля" 27
КАРПОВ Б. Сон в начале осени (рассказ). 30

Служба

МУЧАК И. Два майора на капитанских должностях .. 34
МАКАРОВ А. "Пошумели стрельцы" 38

Войска и общество

БЕЛИКОВ И. Вариации на конвойную тему 41
ЗАБРОДИН И. А. Кулаков. "Раненая весна" 44

Проза. Поэзия

КАСМЫНИН Г. Поле боя (стихи) 47
ЧЕРНЫХ И. Школа террористов (роман, окончание). .. 49
ПОРОХИН С. Сердцем прожито и пережито (стихи). .. 71

Калейдоскоп

ГОЛОДЕЦ А.: "Мы ставим перед собой самые высокие задачи" 72
Шахматный клуб 77
Рыболовам и охотникам 78

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету "Ситуация" и сборник учебно-методических материалов "Войсковой вестник".

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы.
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал "На боевом посту", 1996

Сдано в набор 26.02.1996 г. Подписано к печати 27.03.1996 г.
Формат бумаги 70x108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,0.
Зак. № 464. Тираж 5000.

Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 8000 руб. (индекс 70610), для предприятий и организаций — 10000 руб. (индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена "Знак Почета" типография "Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский
проспект, 8.
Телефон для справок:
361-81-71.

На вопросы журнала
 “На боевом посту”
 отвечает
 Святейший Патриарх
 Московский и Всея Руси
 Алексий II:

***“Мы молимся,
 чтобы Господь явил вас победительными,
 но прежде всего мы молимся,
 чтобы не было войны”***

— Ваше Святейшество! Долгое время церковь и армия, некогда связанные прочными духовными узами, были насильственно отлучены друг от друга. Теперь, слава Богу, возведенная между ними стена рухнула. Воины потянулись к храму, православной вере. И церковь, верная своему христианскому долгу и призванию, проявляет сегодня неустанную заботу о духовном воспитании защитников Отечества. Словом, мы идем навстречу друг другу. Но, будем откровенны, сделаны только первые шаги, и достигнутые результаты налаженного взаимодействия вряд ли могут удовлетворить: ведь души молодых людей в погонах — это, образно выражаясь, стратегическое поле, на котором идет борьба за будущее России. Каковы, по мнению Вашего Святейшества, перспективы дальнейшего сотрудничества?

— Да, духовные узы, скреплявшие некогда церковь и воинов, были прочными. Но не потому, что церковь до революции была государственной или предпочтала из всех государственных институтов именно армию, а потому, что сами военные люди были плотью от плоти народа, общества. И приходили они на службу уже возросшими в лоне церкви, воспитанными в народных традициях, основанных на православных христианских ценностях, среди которых важное место, безусловно, занимало и осознание долга по защите Отечества. В силу этого церковь присутствовала своим словом и своей проповедью столь многообразно и сильно в армии.

После того как рухнули преграды, которые тоталитарное атеистическое государство воздвигало между церковью и обществом, нравственные реформы и духовное возрождение общества в полной мере коснулись и воинов Вооруженных Сил. Взаимоот-

ношения церкви и армии приобретают достаточно устойчивый характер и вышли за рамки отдельного министерства. Прошли ряд конференций с общей тематикой: "Церковь и армия — перспективы взаимоотношений и сотрудничества".

Необходимо развивать все то, что способствует поднятию воинского духа, укрепляет лучшие традиции доблестного воинства. Весьма актуальна подготовка учебно-методических рекомендаций для центра религиозного образования Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Впереди также — решение вопросов учреждения молитвенных помещений, передачи зданий и сооружений культового назначения, занимаемых воинскими подразделениями.

— В минувшем году создан отдел московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Расскажите, пожалуйста, о первых результатах его деятельности.

— Ввиду необходимости особого попечения о защитниках Отечества в июле прошлого года был образован отдел московского патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными органами. Продолжая направления, развитые координационным комитетом и сектором по связям с армией отдела внешних церковных сношений, вновь созданный отдел начал свою деятельность с изучения и координации опыта сотрудничества в центре и на местах. В первую очередь рассматриваются вопросы учреждения и содержания молитвенных комнат, часовен и церквей на базе воинских формирований. Ведь известно, что в тех местах, где активно работают священнослужители, меняется в лучшую сторону и духовно-нравственное состояние служащих в армии людей. Отныне православные воины смогут получать духовное наставление и окормление во всех трудах и тяготах ратной службы.

Особое значение имеет духовное попечение в исправительно-трудовых учреждениях. Тут церковь должна помочь вернуть нравственные и духовные основы жизни оступившимся людям, дать им понимание ценности законов человеческого общежития. Больше тонкого внимания должно

уделяться и вопросам призыва и сознательного прохождения воинской службы, вопросам создания системы военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки. Православное пастырское попечение о воинах в нынешний момент истории направлено на возрождение веры и духовности, на то, чтобы ратный путь офицера и солдата был одухотворенным, озаренным светом высшей истины и подлинно человеческим, чтобы воинский труд укреплял основы служения государству обществу.

— В последнее время у нас все чаще вспоминают о существовавшем в Русской армии институте полковых священников. Может ли он возродиться в Вооруженных Силах, внутренних войсках обновляющейся России? Противники введения института полковых священников ссылаются на то, что он будет ущемлять религиозные чувства представителей других конфессий. Как разрешает это противоречие православная традиция?

— Помня о том, что религия есть главный источник, из которого российский солдат может черпать правила чистой нравственности, а с ними и духовное здоровье и все добродетели, которыми можно оправдать цель своего славного существования, при полках всегда старались иметь хороших, умных, кротких и человеколюбивых священников, которые были первыми наставниками в нравственности и утешителями в страданиях телесных и душевных. Полковые и флотские священники кроме богослужений и треб вели катехизаторские беседы, боролись с неграмотностью, невежеством, пьянством, содержали библиотеки, водили солдат на экскурсии, помогали врачам, всем своим поведением подавая пример христианской жизни. Православный священник становился духовным авторитетом не только для православных солдат, но и для воинов других исповеданий. Может быть, поэтому не возникали внутри армии конфликты между православными и мусульманами даже в период русско-турецкой войны.

Любовь и терпимость должны определять жизнь в частях и гарнизонах. Уже сейчас, анализируя первые результаты деятельности духовенства в Вооруженных Силах и внутренних

войсках, приходишь к выводу о положительном результате даже чисто психологического воздействия встреч военнослужащих и представителей церкви. Подобное общение вселяет в неокрепшее сознание молодого поколения веру в настоящее и будущее, в то, что ратный труд нужен людям. Воины должны иметь возможность жить полноценной общественной жизнью. Никто так близко, как священник, не может подойти к глубинам человеческой души и помочь ей, а потому и присутствие духовенства в воинских формированиях просто необходимо.

— Многие священнослужители прошли школу воинской службы. Отразилась ли, Ваше Святейшество, ратная наука на их служении христианской вере?

— Действительно, многие священнослужители прошли, а многие будущие пастыри проходят ныне действительную военную службу. Правда, существуют разные мнения о полезности для учащегося духовной школы прерывать процесс пастырской подготовки. Однако уже служившие в армии нынешние пастыри, безусловно, имеют преимущество личного опыта и знакомства с армейской жизнью и в своем служении более успешно могут учитывать ее специфику.

— Служба солдата правопорядка, как поется в песне, "и опасна, и трудна". При выполнении поставленных задач он нередко попадает в ситуации, когда жизнь висит на волоске (многие из тех, кто прошел Чечню, знают, что это такое) и уповать приходится только на Божию помощь. А земная жизнь отягощена большими и малыми грехами. Есть ли надежда, что будет услышана внутренняя мольба идущего на смерть воина?

— Вы, воины благочестивые, вступили в воинскую службу, чтобы защитить Отечество, и должны пребывать в постоянном бодрствовании и готовности встретить недруга.

Мне уже доводилось говорить о том, что жертвенная готовность в случае необходимости отдать ради жизни ближних самую высшую ценность, дарованную Богом человеку, — собственную жизнь — стоит в конце длительного и непростого пути духовного, гражданского и профессионального

развития человека-воина. И велика ответственность и церкви, и общества, и государства за то, чтобы укрепить воина в его готовности принести эту жертву, а также за то, чтобы были воины умелыми, были полностью оснащены всем, что потребно для жизни и службы. И, главное, воины должны ощущать, что люди, общество в целом и государство благодарны им за служение и уважают их верность ратному долгу.

Православные воины должны вступать в дело брани не с одним лишь плотским оружием, но и с духовным. Во-первых, необходимо оградить себя верою, вооружиться упованием. Примеры многих вошедших в историю полководцев говорят нам о живом уповании и вере. Александр Суворов, так много уделявший внимания духовности воинства российского, писал: "Идешь в битву — молись усердно!". Второе приготовление должно состоять в примирении со всеми. Разве достойно христианина вступать в страшный час со злобой в сердце? А поэтому надо отложить всякий гнев и злобу, со всеми примириться, всем простить и самому у всех испросить прощения. И, в-третьих, вступая в битву, нужно вооружиться смелостью и храбростью, но при этом полагаться не на собственные мужество и силу, а на помощь и силу "Единого крепкого во бранех Господа". Жизнь и смерть наша во власти Божией. Церковь же и общество не перестают сопровождать воина на его бранном поприще, и мы молимся, чтобы Господь явил вас победительными и чтобы Пресвятая Богородица хранила вас среди опасностей, но прежде всего мы молимся о мире всего мира, чтобы не было войны.

— Угрожают воину не только пули и снаряды супостата на поле брани. В последние годы к нам хлынули эмиссары многочисленных псевдорелигий и сект. Их работа по набору "рекрутов" под свои "хоругви" ведется напористо и коварно. В сети, расставленные всевозможными "братьями", иногда попадают призывники и военнослужащие. Что противопоставляет православная церковь чужому засылу?

— Весьма благовременным я нахожу предостережение относительно

всевозможных новых учений, которые так плодотворны в наше время. Учения человеческие изменчивы по самой своей природе, но Спаситель сказал: "Я с вами до скончания века". И это значит, что Он с нами тогда, когда мы мыслим в последовании Его учению, освящаемся Его силой. Значит, как мы веровали и как веруем православно, так и должно веровать до конца мира. Христос учредил церковь, которую и "врата адовы не одолеют" и узаконил, что кто церковь преслушает, будет как язычник и мытарь, т. е. погибший. Поэтому-то до конца времен мы не должны ожидать нового откровения. "Един Господь, едина вера, едино крещение", — учил Апостол. Чего же нам иного ожидать и принимать. Что за нужда слушать всякого встречного, проповедующего иной образ спасения и к иному "благовестию" склоняющего. В наше беспокойное время церковь предлагает всем, насильно отторгнутым за годы лихолетья от Истины и Веры, спасительное учение Христово. Она поясняет, что значит исповедь Иисуса Христа во плоти пришедшего, она научает различать правду от заблуждения, добро от зла. Святая церковь как сокровищница, в которую Господь и апостолы положили все, что истинно. И посему в первую очередь необходимо сохранить связь с этим источником истины. Именно на это должна быть направлена катехизация, проводимая сейчас в войсках, на это же направлено издание и распространение молитвословов с кратким катехизисом для воинов, распространение доступных брошюр, оберегающих от заблуждений.

— Наступило время возрождения христианских святынь. Яркий пример тому — восстановление Храма Христа Спасителя. В обществе это грандиозное строительство было воспринято неоднозначно. А каково мнение Вашего Святейшества по этому поводу?

— Возрождение Храма Христа Спасителя — многознаменательное событие нашего времени. Храм был задуман в 1812 году как памятник преданности и любви к вере и Отечеству, как память о воинах, ради этого отдавших свои жизни. Восстановление этого символа православной Руси стало зримым знаменем возрожде-

ния России. Государственное руководство, городские власти, предприниматели и все, кто чтит память ратников наших, павших на поле брани, помогают сегодня его воссозданию. Но много в деле этом противников, говорящих об отсутствии в стране средств, необходимых для ведения восстановительных работ. Я же могу сказать, что ни одного рубля не было взято из статей бюджета, предназначенных для помощи малоимущим, обездоленным, страждущим, для здравоохранения, культуры, социального обеспечения. Все средства поступают от жертвователей, и не стоит думать, что они были бы так же легко даны на что-то иное. Каждый, кто жертвует на Храм, делает богоугодное дело, которое очистит, просветит и наставит на путь покаяния.

— Наша беседа проходит накануне Пасхи. Что бы Вы, Ваше Святейшество, хотели пожелать воинам внутренних войск в светлый день Воскресения Христова?

— Завершается святое спасительное время Великого поста — дни поста покаяния. С особым чувством духовной радости поздравляю вас всех с приближающимся всерадостным и светлым праздником Воскресения Христова! Великая сила пасхальной радости укрепит недугующих, принесет утешение скорбящим и ослабит страдания страждущим, восстановит надежду отчаявшимся. Да укрепит вас радость о Христе воскресшем достойно переносить тяготы и трудности и быть источником примирения, терпимости и согласия в тяжелых процессах жизни. И обращайтесь к вам с дивным Пасхальным приветствием:

**ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!**

От редакции. Гонорар, предложенный за интервью, с благословения Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II перечислен в фонд помощи военнослужащим внутренних войск "Чужого горя не бывает".

НОВОГРОЗНЕНСКИЙ: ГОРЯЧИЙ ФЕВРАЛЬ

Новогрозненская операция, проведенная федеральными войсками в феврале сего года, стала заключительным этапом вытеснения дудаевских боевиков из Аргунского района, который ранее контролировался "непримиримыми". При подготовке к акции по уничтожению логова мятежников в полной мере был использован опыт, накопленный в борьбе с бандформированиями, учтены ошибки и просчеты в работе с населением Чечни.

В ходе войсковых мероприятий основное внимание уделялось переговорному процессу с представителями местной администрации, духовенства и наиболее авторитетными жителями населенных пунктов. Переговоры проводились с единственной целью — подвести население к однозначному решению вопроса: с кем быть, с бандитами или законным правительством Чечни?

Однако новогрозненские события, как, впрочем, и все, что связано с чеченской трагедией, были неоднозначно восприняты общественным мнением. А ограничение допуска к заблокированному поселку представителей средств массовой информации подогрело антиармейские настроения отдельных журналистов, публично заявивших, что "в Новогрозненском со стороны федералов не все чисто" — мелкая пакость сплетников, отлученных от основного источника слухов.

О том, что же на самом деле происходило в районе противостояния федеральных сил и дудаевских "волков", красноречиво говорят документы.

Если враг не сдастся...

Из журнала боевых действий.

...Ведутся переговоры с местной администрацией.

Дудаевцы упорно распространяют слухи о предстоящей депортации.

Местные жители не желают вступать в конфликт с военными. Однако в н.п. Шихой-Юрт, Кади-Юрт боевики продолжают подталкивать местную администрацию на противостояние федеральной власти.

Замечена переброска боевиков в Грозный.

...Началась специальная операция в н.п. Кошкельды.

Прибыли представители администраций н.п. Энгель-Юрт, Кади-Юрт. Заявили о готовности сдать оружие и подписать договор.

Представители н.п. Суворов-Юрт и Новогрозненский вели себя агрессивно, выдвигали необоснованные обвинения и угрожали представителям войск.

В ходе поиска в н.п. Кошкельды обнаружены окопы и блиндажи боевиков.

По приказанию Масхадова в районе н.п. Новогрозненский и Суворов-Юрт проводится блокирование дороги Ростов—Баку. В акции в основном участвуют старики, женщины и дети.

...Завершено блокирование н.п. Новогрозненский и Суворов-Юрт. Для переговоров прибыли представители администрации. Местному руководству были предъявлены жесткие требования по сдаче оружия, вытеснению боевиков из населенных пунктов. Соглашение на переговорах не достигнуто.

...Произошло столкновение с боевиками, прорвавшимися из заблокированного района. Бой длился 40 минут.

...На переговоры прибыли Д. Завгаев и А. Квашнин, командующий войсками СКВО.

...Представители н.п. Новогрозненский, Суворов-Юрт, Верхний Суворов-Юрт подписали протокол о мире и согласии.

Завершено блокирование н.п. Кади-Юрт, Энгель-Юрт.

...В течение дня проходили переговоры с администрацией н.п. Кади-Юрт, Энгель-Юрт. Подписан протокол о мире и согласии. Сдано оружие.

Обстановка в н.п. Новогрозненский остается сложной. Часть боевиков покинула поселок, но в целом местная администрация не смогла вытеснить всех пришедших бандитов.

...Началась специальная операция в н.п. Кади-Юрт.

По-прежнему ведутся переговоры с администрацией н.п. Новогрозненский. Противостояние между боевиками и местным населением продолжается.

По сообщениям пресс-центра объединенного командования федеральных сил в Чеченской Республике.

14 февраля. Жителями Кади-Юрта добровольно сдано 9 автоматов. Сотрудники федеральной и местной милиции во время выполнения служебных обязанностей не встретили противодействия. Претензий к правоохранительным органам местные жители не имеют.

Из журнала боевых действий.

Началась специальная операция в н.п. Энгель-Юрт.

Продолжались переговоры с администрацией н.п. Новогрозненский. По-прежнему наблюдается противостояние между бандгруппами "непримиримых" и местным населением.

По сообщениям пресс-центра объединенного командования федеральных сил в Чеченской Республике.

15 февраля. По мнению первого заместителя командующего внутренними войсками генерал-лейтенанта Виктора Гафарова, часть боевиков все еще держит в страхе жителей поселков Суворов-Юрт, Нижний Суворов-Юрт и Новогрозненский. Более того, боевики усиленно готовят эти населенные пункты к обороне.

Если предпринимаемые правоохранительными органами России и Чечни меры убеждения не возымеют действия, то не исключено проведение операции по уничтожению бандформирования.

16 февраля. Генерал-лейтенант В. Гафаров заявил протест в связи с тем, что ночью был обстрелян из минометов и стрелкового оружия пункт временной дислокации одной из воинских частей, расположенный в районе поселка Новогрозненский. В результате этой бандитской акции 6 военнослужащих погибли и 8 ранены.

Представители МВД Чечни и федеральных войск возложили вину за последствия срыва договоренностей на администрацию поселка Новогрозненский, которая своим потворством бандитам поставила под угрозу жизнь и здоровье многих ни в чем не повинных людей.

Проведенные очередные трехсторонние переговоры администрации населенного пункта Новогрозненский с представителями правительства Чеченской Республики, администрацией Гудермесского района и командованием федеральных войск зашли в тупик. Администрации поселка не удалось выдворить боевиков.

По имеющимся сведениям, в Новогрозненский стеклись вооруженные отряды "непримиримых" из Веденского, Ножай-Юртовского и Гудермесского районов численностью до 300 человек. Покидать поселок дудаевцы не собираются.

При попытке сотрудников МВД Чечни и России войти в населенный пункт они были встречены плотным огнем из автоматического оружия. Представители правоохранительных органов и военнослужащие были вынуждены открыть ответный огонь.

Столкновение продолжалось в течение всего светового дня.

Для жителей был открыт коридор, пролегший по дороге Ростов—Баку. Беженцы могли уходить в двух направлениях — на Хасавюрт и Гудермес. Старики, женщины и дети через КПП внутренних войск пропускались беспрепятственно.

В логове "черных волков"

"Непримиримые" не собирались сдавать Новогрозненский без боя. Ради своих амбиций они готовы были подста-

вить под удар кого угодно: детей, женщин, стариков. А потом, как это уже не раз бывало, обвинить федеральные войска в неправомерном применении оружия, всколыхнуть общественное мнение и на гребне этой мутной волны предстать "борцами за национальную независимость чеченского народа". Прием хорошо отработанный и до последнего времени действовавший безотказно.

Здолго до основных событий в Новогрозненский один за другим наведывались "герои национального сопротивления" Масхадов, Радуев, Басаев. Выступали на митингах, где пугали народ "неминуемой депортацией", призывали к борьбе с "неверными", вербовали новых рекрутов под знамена Дудаева. Подведя таким образом идеологическую базу, начали готовить поселок к обороне. Их мало смущало, что огневые точками становятся дома мирных жителей.

Тактику обороны дудаевцы построили на основе действий небольших прекрасно вооруженных маневренных групп численностью 5-7 человек. При хорошем знании местности это давало им возможность наносить ощутимые удары по штурмовым подразделениям федеральных войск и быстро уходить из-под ответного огня. Интересные сведения о составе и действиях таких бандгрупп дали пленные боевики.

Во главе каждой стаи "волков", куда рекруты набирались в основном из числа молодых фанатиков, стоял опытный профессионал или наемник. Его "работа" хорошо оплачивалась. Заключалась она в том, что главарь личным авторитетом, силой, оружием — чем угодно — гонит молодежь в бой. Естественно, что жаждущим крови "волчатам" поначалу обещают горы золотые. Но для того чтобы набить карманы обещанными баксами, нужно как минимум выжить. А тем, кому посчастливится уцелеть, просто покажут фигу.

В перехваченных радиодонесениях боевиков руководителям так называемого главного штаба во время боестолкновений несколько раз прозвучала фраза: "Раненых успокоили". Страшный смысл ее стал понятен значительно позже, когда федеральные войска, выбив дудаевцев из поселка, приступили к "зачистке". В подвале одного из домов были обнаружены пятеро мертвых бандитов. Раненых, их добились свои

же выстрелами в голову... Такова звериная сущность "черных волков".

Ловушка для стаи

Имея за плечами годовой опыт борьбы с незаконными вооруженными формированиями на территории Чеченской Республики, командование федеральных войск сделало все возможное для того, чтобы при проведении Новогрозненской операции добиться наибольшего успеха — уничтожить логово "черных волков" при минимальных потерях. Достичь этого можно было только при наличии единого руководства, которое могло гарантировать четкое взаимодействие подразделений, блокирующих район, штурмовых групп, артиллерии, танковых подразделений, вертолетчиков. Замысел удалось реализовать полностью.

Успех операции обусловлен тем, что боевикам не удалось втянуть военных в уличные бои, где бы "непримиримые" имели прекрасную возможность в полной мере использовать методы партизанской войны — действовать из засад, эффективно использовать снайперов. В боях за Новогрозненский дудаевцы практически были лишены возможности применять свою излюбленную тактику. Штурма поселка в прямом понимании этого слова не было. Как только передовые подразделения вступали в огневой контакт с противником, они выходили из-под обстрела и вызывали огонь артиллерии, давая при этом точные целеуказания. Если того требовала обстановка, в дело вступала авиация. Таким образом, огневые точки боевиков успешно подавлялись, а штурмовые отряды уверенно продвигались в глубь поселка.

Необходимо отметить ювелирную работу артиллеристов. "Ужасные разрушения" в Новогрозненском — вымысел журналистов. Да, есть сгоревшие и разрушенные дома, но их было бы значительно больше, если бы артиллерийский огонь велся вслепую, без четкой корректировки. Значительные разрушения — только на северной окраине поселка, которую дудаевцы превратили в мощный укрепленный район.

В первые двое суток боев с наступлением темноты штурмовые отряды оставляли поселок, уходили на исходные позиции, не давая тем самым боевикам возможности для ночных вылазок. На это, как известно, дудаевцы большие

мастера. Такие действия заставили "непримиримых" поверить в то, что федеральные войска не уверены в своих силах, боясь ночных столкновений. Боевики возвращались на оставленные днем позиции, а утром штурм начинался снова.

Но в ночь с 19 на 20 февраля войска с занятых рубежей не ушли, а только продемонстрировали отступление. Окопались, стали ждать. Как и предполагалось, дудаевцы клюнули на приманку и попали в засаду. Напоровшись на плотный пулеметно-автоматный огонь, в панике заметались. В это время по давно пристрелянным целям ударила артиллерия. Урон, нанесенный боевикам в ночном бою, оказался для них невосполнимым. Понимая, что сил удерживать поселок нет, "волки" в отчаянии предприняли две попытки вырваться из кольца окружения.

Первая группа "непримиримых" прорывалась в северо-западном направлении в районе фруктового сада, на стыке частей внутренних войск и Министерства обороны. Прорвать кольцо окружения боевикам не удалось. Понеся значительные потери, они откатились назад.

Вторая, более многочисленная группа дудаевцев прорывалась на юг, к горам,

на стыке армейских частей. Однако такой маневр противника предвиделся. На "волчьей" тропе "непримиримых" ждала засада. В ходе боя часть дудаевцев была уничтожена, однако банде численностью до 50 человек удалось таки вырваться.

К вечеру 20 февраля Новогрозненский был полностью освобожден от бандитов. Утром 21-го началась "зачистка".

В ходе боев противник потерял около 200 человек убитыми, была уничтожена БМП, захвачен БТР. Во время "зачистки" в поселке обнаружено около 300 выстрелов к гранатомету, 200 снарядов к пушке БМП, более 800 снарядов к зенитной установке, около 50 мин, стрелковое оружие.

Захваченные в Новогрозненском оперативные документы дают основание предполагать, что успешное завершение операции сорвало подготовку дудаевцев к проведению террористической акции в Астрахани.

Подполковник В. ПАНЧЕНКОВ.

Твои Герои, Россия

Ушел в разведку...

13 февраля в пригонской казачьей степи дуло студено, немилосердно. Над бедным русским погостом мела поземка, и даже собравшийся здесь по необычайному случаю закаленный на всех ветрах военный народ поживался от холодных колющих порывов. Злой ветер бросал в медные трубы пригоршни снега и мешал музыкантам выдвигать торжественно-печальные аккорды над могилой боевого товарища. Громче оркестра была царапающий сердце шелест бумажных цветов, из которых смотрел с фотографии на белый-белый свет улыбчивый офицер, одетый по-летнему, по-полевому: в камуфляже, тельняшке и берете. Сегодня пришли к нему. На простенькой оградке — выкрашенные в голубую краску звезды. Над пирамидкой — звезда красная. Вдобав, дочь и отец принесли своему Герою еще одну его Звезду — Золотую, на муаровой колодочке трехцветного российского флага. Она увенчала подвиг разведчика...

1

3 января 95-го в войсковой группировке вручали ордена и медали. Уже шли бои в Чечне, уже были десятки погибших и раненых, уже был отмечен верховным указом первый во внутренних войсках за чеченскую кампанию Герой России — рядовой Евгений Остроухов, отбивший несколько атак дудаевцев в декабрьской станице Петропавловской и теперь лежащий с тяжелой раной в ростовском госпитале. А сегодня на "Куликовом поле" вручали награды еще за прежние командировки — в Северную Осетию и Ингушетию.

"Смотри, Андрюха, — награды нашли героев! — Подполковник Петрушко хлопнул по плечу капитана-спецназовца, которого знал с лейтенантов и с которым полазал по горам Кавказа ой-ой сколько. — Ну что, полетим за своими?"

В группировке с утра еще предвкушали традиционное обмывание наград. Звали, естественно, и Сергея — мужика компанейского и веселого. "Обмоем, куда мы денемся! Только вот слетаем, поглядим, что и как. — Он разбрасывал какие-то шуточки, а сам уже оглядывал своих бойцов из отряда спецназа. — Поехали, парни, поработаем!"

Полет проходил нормально — покружили в районе Бамута, Ачхой-Мартана и чего-либо существенного не заметили. Голые леса проглядывались насквозь. Живого перемещения на стылой земле практически не было. Вернулись. Перекусили. Вздремнули. А потом опять такая же задача: облететь район. На этот раз пошли вдоль речки в направлении станицы Ассиновской — там молочно-товарная ферма была, а такие строения частенько выбирались "духами" под опорные пункты, склады оружия, перевалочные базы...

Андрей, капитан спецназовцев, сам сел за пулемет у открытой двери, остальные прильнули к кругляшам-оконцам. Этот отряд уже выполнил десятку задач, и каждый здесь привык к тому, что если оружие готово к бою, то всякий треп побоку и гляди в оба. "Работаем, парни!" — все не раз слышали эту просьбу-приказ подполковника Петрушко.

Вдруг из кабины выныривает один из летчиков, кричит в ухо сначала Петрушко, потом капитану: "Нас обстреляли!" В шуме винтов не все и услышали пулеметные очереди. "Вертушки" шли как обычно — парой, метрах в сорока над землей. Вышло так, что ведущий открыл ответный огонь сразу и

Впереди была жизнь

удачно проскочил засаду. А ведомому досталась приличная струя свинца: вертолет получил пробоины, трое солдат были ранены, одна пуля попала в ручной огнемет, который офицер держал между ног — слава Богу, не сдетонировало!

Петрушко дает команду на посадку. Высадились примерно в километре от фермы, по направлению к Ассиновской, на противоположном берегу реки. Ферма у самой речки. Речка — где по колено, где по пояс. Зима. Холодно. Но сердце бьется чаще, быстрее гонит кровь. Обстановка складывалась по принципу детской игры, когда "холодно — тепло — еще теплее — горячо". Но сегодня не игра и даже не учебно-тренировочный вылет. Все уже понимали — перестрелка может перерасти в нешутейный бой.

По "вертушкам" стреляли с фермы. Группа во главе с Петрушко открывает ответный огонь. И перебежками — к реке. Ожидали, что приземлится второй борт, но тот ушел на базу с ранеными — там всего-то километра три было. Вместо той, обстрелянной "вертушки" на помощь пошла другая, с группой спецназовцев из дежурного подразделения. По расчетам все выходило грамотно — помощь высаживается с противоположной стороны фермы, в полутора километрах от группы Петрушко, принявшей первый удар. Сергей удовлетворенно отметил про себя, что его бойцы заметно приободрились, решив, что их братишки вернулись на подмогу.

Увы, все вышло не так. Против боевиков, засевших на ферме, оставались, если по правде, вдвоем: кроме Петрушко и капитана, был еще лейтенант Андрей Зозуля (отважный парень, погибнет позже в страшном бою под Бамутом — вечная ему слава и вечный покой!) и шестеро бойцов. Несколько прикомандированных милиционеров — не в счет. Как правило, приданные спецназу омонцы или соборцы шли с солдатами рядом. Эти оказались другими: оставаясь в пятидесяти-ста метрах позади военных, выжидали, пока спецназ пробьет какую-нибудь брешь. Потом решали — идти ли вперед. Конечно, идти — за щитом из военных все же надежней. Укрыться на дальних подступах к ферме было сложновато: редкий голый кустарник, проплешины прошлогодней травы на островках оледенелого снега, бурливая речушка с галечными берегами... Бой был еще впереди. А пока — напряженное ожидание. Каждый вслушивается в голоса перестрелки: кто бьет, откуда, из каких стволов? Вопросов пока было больше, чем ответов.

Высадившийся с другой стороны десант, не обстрелянный еще, не побывавший в столь крутых ситуациях, вперед так и не пошел. Некому было принять решение, никто не хотел лишний раз подставляться, рисковать. Группа Петрушко тем временем начинает действовать. Накры-

Первые звезды. Лейтенантские

вает ферму из гранатометов и огнеметов. Подполковник подползает к капитану: "Ну что, Андрюха, пойдём вперед?" Тот отвечает: "Вы старший. Мое мнение — надо идти. Ведь наши высадились. Не пойдём мы — "духи" наших с той стороны отрежут, окружают. А если ударим вместе..." — "Все! Принимаю решение — идем вперед!"

Капитан из отряда специального назначения:

— Его отличительная черта — не рубить шашкой сплеча, как любят некоторые начальники. Всегда спрашивал мнение офицеров, которые могут подсказать варианты решения. Он мнения обобщает и делает выбор. Именно так надо воевать на этой непонятной войне, где запутано все. Петрушко не кичился ни званием, ни опытом. Шел в боевых порядках не один раз. И здесь пошел с нами.

Речку преодолевают под плотным огнем, теперь уже поняв, что имеют перед собой превосходящего в силах противника. Заскакивают в первое строение. Там трое бородатых чеченцев и женщина. Оружия нет, утверждают, что "мирные". Явно остались для отвода глаз. С ними занимаются подошедшие милиционеры. Спецназу рассусоливать не время — бандиты ведь держат под прицелом. "Духи" отступили в глубь фермы. Там несколько капитальных коровников, метров по сто в длину, с толстыми кирпичными стенами — крепость.

Уверенные, что братишки наступают с другой стороны, Петрушко и его ребята штурмуют следующее строение. Там... Ахнули даже они, выдавшие на Кавказе всякое — импортный черный джип и УАЗ забиты оружием и боеприпасами в удивительном ассортименте, вплоть до АГСов.

Едва успели выставить боевое охранение, как снова попали под огонь. Мелькнула мысль: "Может, свои уже подобрались и приняли нас за дудаевцев?" Но, увы, свои, спецназовцы из владикавказской роты, сидели в непонятно хладнокровном ожидании...

Петрушко организует круговую оборону в ожидании подмоги. В эфир не раз выдавали: "Ждем! Ждем! Все живы! Ждем!" Надо было удержать бандитов и не высываться самим. А чтобы сковать "духов", необходимо вести огонь, быстро и скрытно перемещаться, не просто создавая иллюзию превосходства, но доставая противника с разных точек. Вот тут-то Сергей и подставился: решил перебежать в соседнее здание и... Очередь. Петрушко делает почти кульбит и падает в грязь. Анд-

рей еще подумал: "Молодец, классно увернулся!"

Увы, подполковник увернулся не от всех пуль — одна-единственная его все же достала. Стал захлебываться холодным воздухом. Два Андрея, два товарища, капитан и лейтенант, ползли к нему под перекрестным огнем, бросив лишь своему пулеметчику: "Прикрой!" Ползли под пулями по грязи и навозной жиже. "Грязь — не дерьмо, дерьмо — когда убивают" — такую поговорку доводилось слышать в спецназе.

Подполковника застали при последнем его вздохе: вмиг пожелтело лицо, ясно — кончился. Вкололи промедол, капитан засунул руку под куртку — со стороны сердца все в крови.

Перешепнулись два Андрея: "Что делаем?" — "Оттаскиваем его и сидим глухо, до упора, Виталька ведь должен подойти!"

Капитан Виталий Цымановский действительно бросился им на выручку: выгнать раненых, взял группу бойцов — и к злополучной ферме. Виталька ведь был товарищ ("был", потому что и он потом упадет замертво в одном бою с Андреем Зозулей). А сейчас Виталий Цымановский знал, что надо спешить на выручку друзьям, которым приходится ох как туго. Все слышали, что идет бой. Бронегруппа одного из полков ожидала команды сверху, а когда наконец получила боевой приказ, проскочила мимо фермы (даже обреченные бандиты этому обрадовались-удивились). Около двух десятков спецназовцев в тылу "духов" по-прежнему не шевелились...

А группа подполковника Петрушко, уже без него, но при нем, держала оборону еще часа три. Боеприпасы были на исходе. Горе-милиционеры выбрали себе укрытия понадежнее, под кирпичными стенами, и ни гугу. Их снайпера офицер-спецназовец чуть не пинками поднимал: "Вон, смотри — "духи" перебегают с гранатометами, двухсот метров тут нет, сейчас по нам врежут и всем хана! Ты мужик или кто?!"

Часа через два удалось войти в связь — тогда и пошла на помощь основная сила. "Духов" тогда уложили до двух десятков. И все ж — малая плата за смерть боевого подполковника...

2

Он погиб в самом начале чеченской войны, хотя, как и все, хотел дожить до ее окончания. По крайней мере, твердо намерен был кое-чего добиться своей разведкой. Когда с улыбкой обещал одному из своих товарищей: "Мы с тобой, Саня, Ду-

даева лично возьмем", это не было пустой бравадой. И когда по-разведчицки, полунамеками говорил: "Есть у меня четыре варианта, как взять волка в его логове", преданный и доверенный его друг знал — вариантов именно четыре и все они вполне вероятны. Друг-то тоже исходил не одну горную тропку в Чечне, Ингушетии, Осетии, Дагестане и видел куда как дальше, чем даже через мощный прицел современной "снайперки".

А уж подполковник Сергей Игоревич Петрушко, старший помощник начальника штаба по разведке одной из дивизий внутренних войск, был асом своего дела.

Лейтенантский задор и энергия у него сочетались с логикой и аналитическим умом, которым некоторые крупные военачальники могут позавидовать. На первый взгляд он мог показаться бесшабашным и неугомонным: его ли дело облетать все заставы, все КПП, лично возглавлять разведгруппы, выполняющие частные, "мелкие" задачи? Но подполковник пересаживался из БТРа в вертолет, карабкался с молодыми разведчиками и спецназовцами по горным кручам, переходил по бревнышку, по камням или вброд бурные речки, старался не пропустить ни единой возможности личного общения с "мирными" и "немирными" местными жителями. Ничто не ускользало от его взгляда, ничего старался не пропустить мимо ушей, ничего безоговорочно не принимал на веру. "Маэстро" разведки...

Перед своим последним вылетом на задание 3 января 95-го он бросил коротко: "Действуем, как в Джейрахе". Джейрах-94 — это надо было видеть! Работали там парни красиво! За два рейда к развалинам древних сторожевых башен — изъятое оружие и боеприпасы, наркотики, боевики, задержанные с оружием, и еще вызволенный из неволи "белый раб". Многие группы возвращались из рейдов пустыми, а Петрушко привез из горного ущелья такое, что два генерала — начальник ВОГа и начальник штаба Временной администрации довольно потирали руки при виде богатого "улова". (О тех и подобных рейдах группы Петрушко наш журнал уже писал в февральском и июльском номерах за прошлый год.)

Помню, в жарком августе 94-го мы сидели с Сергеем в тени многовековой башни в Джейрахском ущелье, перекуривали в ожидании "вертушки", ели золотую и красную алычу, что росла тут же, и разведчик рассказывал, как внутренние войска гремят "медальную" (читай — кавказскую) наркоманию. Рассказал о тактике действий нашего спецназа, об ухищрениях и

коварстве наркодельцов, о попустительстве и бездействии (или о предательстве?) местной милиции. А потом попросил выключить диктофон и подвел итог. Сказал о своих наблюдениях, куда тянутся с Кавказа опиумные тропки. Разведка, если она настоящая, знает больше остальных. Вопрос в том, как воспользуются достоверными разведданными наверху.

Майор В.:

— Сергей Петрушко был начальником разведки полка Советской Армии в Казахстане, а я — командиром разведроты. Стало быть, под его началом довелось служить. Профессионал. Дотошный. Изучал вероятного противника досконально. Военную литературу любил, причем не развлекательную — справочники, энциклопедии, атласы всякие.

Как-то приезжал в отпуск, будучи уже во внутренних войсках. Говорил, что служить интересно, что есть настоящая работа для разведчика. И меня звал за собой в ВВ. Вот я и перешел. А Сергею уж нет. Я, кстати, о гибели его из вашего журнала и узнал...

С этим майором мы повстречались в Гудермесе прошлым декабрем.

Разведчик, направленный в воюющую оперативную бригаду из ханкалинской "ставки", передавал разведданные, корректировал огонь приданной артиллерии по радуевским опорным пунктам, а когда наступил короткий передых среди боевой работы и я попросил вспомнить Сергея, из общих правильных фраз о грамотности, работоспособности, самоотреченности разведчика Петрушко следовал недвусмысленный вывод: офицер этот сделал свой выбор и пришел во внутренние войска по стопам своего бывшего начальника. А Петрушко, как утверждали многие, плохих советов не давал.

Как правило, на совещаниях в ВОГе начальник разведки докладывает обстановку первым. Осень 94-го во Владикавказе только внешне была спокойной: осетино-ингушский конфликт тлел под пеплом, Чечня под боком готова была взорваться. Разведка пахла по-черному. Начальнику разведки ВОГа подполковнику Петрушко было что доложить командующему внутренними войсками генерал-полковнику Анатолию Куликову: обстановка взрывоопасная, идет накопление оружия и боеприпасов в обеих враждующих республиках, мужское население обучается тактике боевых действий против соседей, на базе законных правоохранительных формирований готовятся и незаконные, причем с ведома республиканских властей. Приво-

дилься фамилии одного здешнего министра, заместителей другого, которые откровенно вредят внутренним войскам, занимают националистическую, антироссийскую позицию. Генерал Куликов, конечно, знал кое-что еще кроме информации войскового разведчика. Но доклад подполковника Петрушко слушал исключительно внимательно, подперев подбородок рукой и вглядываясь в карту, по которой водил указкой офицер.

Петрушко докладывал обстоятельно, лаконично и конкретно, притом эмоционально и убедительно. А все потому, что не пользовался информацией с потолка или из пальца — все выстрадано с родным спецназом. Именно выстрадано. И дело даже не в физических нагрузках, даже не в смертельном риске дело. Порою Петрушко и его ребят душила обида оттого, что результаты боевых операций сводились на нет закусными играми больших начальников, политиков, когда приходилось отдавать или делить изъятые оружие и боеприпасы, в момент "узаконенные" за спиной честных и добросовестных пахарей войны в краповых беретах или зеленых косынках. Те — к Петрушко: "Как же так, товарищ подполковник?! Ведь мы это выцарапали! Ведь это по нам же стрелять будет!" Серега только скрипел зубами. А рядом ему уже ехидно говорили: "Ну что, доволен, что оружие нашел? Забирай! Мы себе новое купим. И на тебя хватит!"

3

Он получил правильное воспитание. Мужское. Дед по отцовской линии — Георгиевский кавалер, лишившийся ноги на первой мировой, но благодаря недюжинной воле закончивший вуз, ставший ученым-селекционером и работавший у знаменитого академика Вавилова. Отец после Ташкентского пехотного училища тоже отслужил свою четверть века. С ним-то и начал ездить Сережа по гарнизонам. По образцово-уставным — в Германии, и по среднеазиатским, из которых в Кушку ездили как в столицу.

Поступить в "кремлевку" в годы, когда не охаживалось еще военно-патриотическое воспитание, кто из парней не мечтал. Сергей сдал экзамены в ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР с первого захода, но... передумал учиться и, не дождавись мандатной комиссии, приехал домой. Отец устроил взбучку: "Что? Отдохнуть решил? Отправляйся завтра же на завод!". Дело было в Риге, еще советской. Через год, уже рабочим, надел Сергей курсантские погоны. И по характеру, и по образу жизни,

и по убеждениям, и даже по гарнизонным маршрутам Европы и Азии Сергей во многом повторил отца.

Игорь Иосифович откровенно признается, что его Серега был не сухарем, но романтиком. Романтик в разведке.

Он никогда не искал личной выгоды в службе, не шел к вышестоящей должности, как говорят, по костям, но был по-офицерски честолюбив. Было дело — прокатили его с должностью. Один командир засомневался в надежности Петрушко — кто-то пустил слух, что Сергей Игоревич "пображничать любит". Господи, да покажите нам того офицера, кто в добром здравии откажется посидеть с друзьями. А что за полночь компания собралась — так у истых служивых и часу другого нет... Проходит время, проходят проверку воюющим Кавказом один за другим претенденты на выдвижение. Командир тот убедился, во-первых, что нет офицера, более подходящего для должности, во-вторых, что Петрушко — порядочный офицер. Снова предлагают Сергею Игоревичу ту самую должность. Отказался. Все пришло в свое время.

И Золотая Звезда пришла. Через год после подвига. Вроде бы ушел офицер в разведку, и все ждали его возвращения, все надеялись...

Воздали Герою, как уж смогли. Валентина Васильевна, вдова, сдержав слезы, промолвила: "Спасибо..." Дочурка Даша своим молчаливым присутствием словесно укоряла всех нас, что столько военных не уберегли ее папку. Игорь Иосифович, отец, тоже не был многословен перед притихшим многолюдным залом: "Я не призываю всех стать военными. Для этого нужно призвание". Мать, Мария Иннокентьевна, принявшая больше тысячи младенцев, до сих пор не верит, что ее Сереженьки больше нет.

Чем утешить и ободрить этих людей, родных Героя?

Начальство предлагает перезахоронить Сергея Игоревича на "более почетном" месте, в городе. А друзья его искренне недоумевают: "Зачем?! Кому от этого легче станет? Сереге не станет. Ему уже легче, чем всем нам".

Да, ему всегда было труднее в этой жизни. Потому что всегда шел первым. Вот и теперь — вроде ушел в разведку. И ждем с вопросом: "Ну что там, Серега, и как?"

Т. СИБИРЦЕВ.

...Как на войне

ДУЭЛЬ С "ОДИНОКИМ ВОЛКОМ"

"ПОДПОЛКОВНИК ФСБ"

Разговорить Николая Землякова мне долго не удавалось. Сначала он и вовсе отмахнулся от беседы:

— Я вас, журналистов, теперь боюсь, — сказал он.

— Разве мы опаснее боевиков? — попытался я свести все к шутке.

— Это как сказать. Мифотворцы среди вас есть еще те. Так тебя представят перед страной, что все друзья-знакомые отвернутся. А самому всю оставшуюся жизнь придется оправдываться и доказывать, что ты не верблюд.

И тем не менее осмелюсь представить моего собеседника: Николай Георгиевич Земляков, представитель самой боевой специальности инженерных войск — сапер.

Эти труженики войны мало заметны среди остальной войсковой братии, хотя по освобожденной от боевиков местности без них не сделают шагу даже разведчики. Так было и в тот раз, когда поселок Шали перешел под контроль федеральных сил. Подполковнику Землякову поручили возглавить работы по обнаружению и обезвреживанию оставшихся от боевиков различных сюрпризов. Больше всего напичканным смертоносными железками оказалось здание управления внутренних дел. Дудаевские пиротехники ничего здесь нового не изобрели: собрали в одну кучу бракованные, не годные к применению по прямому назначению инженерные и артиллерийские боеприпасы и все их заминировали в расчете на то, что от сработавшей мины сдетонируют и остальные. Но вольно или невольно оставили они и веские доказательства своих злодеяний, которые пытались приписать нашим войскам: боеприпасы с большими поражающими свойствами. В куче этих затаившихся смертей были обнаружены снаряды, содержащие в качестве поражающих элементов множество иголок, или стрелок в виде гвоздя, у которых вместо шляпок — оперение вроде стабилизаторов ракеты.

Боевики очень любили демонстрировать эти иголочки перед телевизионщиками в знак доказательства того, что такими снарядами лупят по ним. Здесь же были обнаружены боеприпасы, при применении которых произошла осечка, — это безошибочно может определить любой специалист по характерным углублениям с тыльной стороны. Вывозить далеко за город обнаруженную взрывчатку было небезопасно, и старшему начальнику было предложено уничтожить ее в черте города. Земляков решил использовать для этого разрушенное здание детского сада, от которого жилые постройки находились на значительном удалении. Местной милицией совместно со старейшинами была проведена разъяснительная работа среди населения. Николай Георгиевич заверил, что на расстоянии пятидесяти метров от места подрыва окна в домах будут целы.

Корреспонденты одного иностранного телеагентства получили разрешение у федерального командования снять на пленку процесс уничтожения боеприпасов. Подполковник Земляков не упустил возможность изобличить волков в овечьей шкуре. Он перед камерой подробно рассказал о свойствах каждого боеприпаса, его происхождении и методике применения, возможных путях проникновения в Чечню... Потом последовал мощный взрыв.

Через некоторое время наши телевизионщики, приехавшие в тот день к шапочному разбору, а вернее, к разбору завалов, демонстрируют заснятый иностранцами сюжет по телевидению без каких-либо комментариев подполковника и показывают на весь экран бородатое лицо Землякова, называя его извергом-боевиком (!), который безжалостно уничтожает самый мирный объект города — детский сад.

В следующий раз в эксклюзивном интервью сапера представили в более достойной роли — окрестили его подполковником ФСБ.

Хрен редьки не слаще. Ему, человеку заслуженному и уважаемому среди специалистов инженерных войск, обезвредившему за свою службу более тридцати тысяч (!) взрывоопасных предметов, небезразлично, в каком свете представляют его с экранов телевизоров. Землякову нечего стыдиться своей работы. Он даже в мирное время, не единожды рискуя жизнью, выполнял благородную работу, которую я сравнил бы с миссией доноров: и те и другие своим, казалось бы, незаметным участием безадресно спасают человеческие жизни. Как знаком "Заслуженный донор", в былые времена отмечалась наградами и деятельность саперов. Обезвредил первые пятьсот боеприпасов — получи знак "За разминирование", снял полторы тысячи — по неписаному правилу командир представлял к медали "За отвагу" или "За боевые заслуги", ну а если количество перевалило за две тысячи — орден Красной Звезды обеспечен. Так что, почитай, пятнадцать таких орденов в активе Николая Георгиевича уже имелось бы, если придерживаться этого неписаного правила. Разместить их все на груди, наверное, и от коварных осколков иной раз спасли бы. Но, к сожалению, ничто не спасает от клеветы.

Вообще-то, если говорить о наградах, то в этом смысле взгляды Николая Землякова близки воззрениям легендарного Василия Теркина. С той лишь разницей, что если герой Твардовского скромно согласен на медаль, то для подполковника Землякова, как и для любого сапера, если выполнена успешно задача и при этом сохранены жизни подчиненных, спасено заминированное здание или в поле не осталось воронки, не погибли люди и жив остался сам сапер — другой награды и не нужно. "У нас, к сожалению, — заключает Николай Георгиевич, — саперов погибших больше, чем награжденных".

НЕ ОСКОРБЛЯЙТЕ ЭТО БЛАГОРОДНОЕ ЖИВОТНОЕ

О том, что подполковник Земляков в течение прошлого года четырежды побывал на чеченской войне, я знал. Прочитав в одном из майских номеров газеты "Солдат правопорядка", которая издается для группировки внутренних войск в Чеченской Республике, большой материал об офицерах, я заинтересовался словами, услышанными автором от Николая Землякова. Он говорил: "У боевиков тоже работают саперы-профессионалы высочайшей пробы. С одним из них у меня давно идет заочный спор — кто кого? Вдвоем нам по этой земле не ходить. Я его присут-

ствие чувствую. Он где-то здесь, рядом крутится".

Удовлетворившись моим честным словом писать правду и только правду, не искажая фактов из его биографии, Николай Георгиевич все-таки согласился рассказать о своей дуэли с "одиноким волком".

Первые встреча с оппонентом-инкогнито у Николая произошла в Шали, когда он увидел оставленную им записку. На вырванном из школьной тетрадки листке корявым почерком, будто сама костлявая оставила автограф, было написано: "Подарок от одинокого волка". Подарок на этот раз для саперов оказался "недорогим". Грудь дефектных боеприпасов, обложенных связками с артиллерийским порохом, предположительно, от распотрошенных танковых выстрелов, удалось обезвредить без потерь. Подрывать их на месте было невозможно — школа сразу же вспыхнула бы факелом. "Одинокий волк" оставил подарок не только нашим саперам, но и местным ребятишкам. Спустя уже почти год Николай Георгиевич говорил: "Я уверен, что сегодня в этой школе учатся дети. Значит, мы рисковали не зря".

Слова в диктофон:

— Подобный риск не имеет ничего общего с рассуждениями типа "танцующие со смертью" — как это однажды пришлось услышать. Вся эта романтика навеяна западными видеофильмами. Мы не одноразовые шприцы. Рисковать, действовать наудачу, надеясь только на счастливых исход, — это не удел профессионалов. Сапер, сообразуясь со своими знаниями и опытом, должен сам решать: будет он работать с этим боеприпасом или нет. Если он откажется, его никто не имеет права заставить. Не осудят за это и товарищи. Есть мины, которые вообще обезвреживанию не подлежат. Они должны уничтожаться на месте. Если сапер начинает замыливаться, утрачивает чувство опасности, допускает неоправданное легкомыслие, чем подвергает свою жизнь и жизнь товарищей опасности, это уже действительно "танцующий со смертью". Такого танцора необходимо отстранять от работы, давать ему возможность отдохнуть, потом снова по полной программе провести с ним подготовительную работу, принять зачет по мерам безопасности. И если он хоть чуточку почувствует опасность от того боеприпаса, к которому ему предстоит подойти, если он начнет его по-хорошему бояться — глаза боятся, а руки делают, и делают все уверенно, — это уже сапер, который будет жить.

"Одинокий волк" напоминал о себе постоянно. Подрывы пошли чередой: на под-

ступях к Ассиновской, Самашкам, Бамуту. Его "логово" предположительно находилось где-то в районе Ассиновской.

Любой сапер, каки связист, работающий на ключе, имеет свой почерк. Естественно, он не повторяется, он импровизирует. И в этой импровизации — весь как на ладони. У каждого сапера есть свой излюбленный прием: где поставить мину, при каких условиях, как приспособить к местности и замаскировать.

"Одинокий волк" первым стал делать мину-ловушку, в качестве растяжки применяя наклоненную ветку. Идет боец по тропинке в "зеленке", поперек тропинки веточка. И на такой высоте, что и перешагнуть невозможно, и под нее подлезть трудно. Начнет убирать преграду с дороги — взрыв. Позже стал в гранату вставлять взрыватель мгновенного действия, и она стала срабатывать как микромина.

Или вот еще — из той же серии. У саперов профессиональная привычка — смотреть под ноги. Николай Георгиевич вспоминает, как работали по разминированию Дворца культуры в Шали, где до этого располагался лазарет дудаевцев. Земляков сделал несколько шагов в комнату, вдруг слышит голос солдата из группы разминирования: "Аккуратно!" Земляков застывает как вкопанный: "Что?" — "Можно поднять голову, только осторожно". Николай Георгиевич осторожно выпрямляется, поворачивает голову — на шкафу прямо перед глазами мина.

В каждой конкретной ситуации, оставляя "гостинец", сапер рассчитывает не только на тот объект, который собирается взорвать, но и на своего оппонента, сапера, который в случае обнаружения мины станет ее обезвреживать. Вот такая заочная борьба и проверяет мастерство специалиста.

В том, что перед ним был специалист высокого класса, Николай Георгиевич не сомневался. Трудно сказать, кто он: чеченец или представитель другой нации, которого позвал сюда вождь денный хруст "зелененьких". А может быть, и бывший офицер-сапер, с которым в былые времена доводилось и Землякову в одной аудитории в училище или академии набираться мастерства. Увы, в этом и особенность нынешней войны. И поэтому журналистам, которые, комментируя боевые действия, с желью говорят о том, что регулярные российские части не могут успешно противостоять бандитам, наверное, следовало бы поостеречься таких заявлений. К большому сожалению, нашим подразделениям противостоят солдаты и офицеры, которые в недалеком прошлом служили вместе в одной Советской Армии.

Подполковник Земляков говорит, что в Афганистане им приходилось сталкивать-

ся с солдатами, хорошо натасканными иностранными инструкторами. Для них главной задачей было не снимать, а ставить мины, что должен уметь делать любой солдат, а тем более офицер инженерных войск. Сложнее их обезвредить.

Было несколько случаев, когда довелось поломать голову и Землякову. Идет, к примеру, колонна. Проскакивают три машины — ничего, четвертым идет бронетранспортер, колея в колею — взлетает на воздух. Поначалу думали, что неграмотный сапер, не умеет мины ставить. Вынимает предохранительную скобу и забывает приводить в боевое положение взрыватель. А это, оказывается, "одинокий волк" под дурачка косит. Расчет до наивности прост. Обычно основные силы или сопровождаемые войсками руководители следуют в середине колонны. Первые несколько машин, нажимая на кнопку, приводят взрыватель в боевое положение, и при последующем наезде через сорок секунд мина взрывается. Не везде в таких случаях на листке бумаги находили автограф "одинокого волка", но для Николая Георгиевича сомнений не оставалось — это дело его рук.

В июне у подполковника Землякова произошла последняя встреча с вражеским сапером. Николая Георгиевича вызвали к месту, где произошел подрыв боевой техники. Обследовав местность, он обнаружил еще семь неразорвавшихся боеприпасов. Николай сразу сказал: "Это работа "одинокого волка". Чуть позже нашли и бумажку с его каракулями. Правда, не на колышке, как он обычно делал, а на дереве. Это дерево оказалось и надгробным памятником саперу-"волку". Николай профессионально сделал свое дело, и мины оставил там же, где их и обнаружил.

Проверяя свои ранее расставленные "сети", "одинокий волк" неожиданно сам свалился в волчью западню. Уж воистину говорят в народе: не рой другому яму. Не подозревая, что здесь уже кто-то поработал, за разминирование взялся уверенно.

Слова в диктофон:

— Я подловил его на том, что он и сам применял неоднократно. Уверовав, наверное, в свою уникальность, "одинокий волк" от других ничего подобного не ожидал. За что и поплатился. Но, наверное, для читателей не представит интереса, если я стану раскрывать свой секрет, оперируя чисто профессиональными терминами. Но хотел бы оставить зарубку на память молодым саперам, которые будут читать этот материал: перед тем как перерезать усовый провод, я бы очень рекомендовал найти все-таки концевик, за который закреплена растяжка, и проверить, нет ли там кон-

тактной батарейки, не работает ли заряд на размыкание.

Да, идет минная война. Боевики все шире применяют минно-взрывные заграждения. И подобные дуэли, бои местного значения между специалистами инженерных войск хоть и не такие динамичные, как, скажем, общевойсковой бой, но мастерства, выдержки, нервов требуют, пожалуй, побольше.

Рассказывая о своих командировках на чеченскую войну и, по моей подсказке, употребляя выражение "одиноким волк", Николай Георгиевич то и дело гонял желваки и плотно сжимал зубы. Под конец не выдержал и высказал свое возмущение:

— Почему вы, журналисты, перепеваете все то, что говорят сами о себе боевики. Волки! Какие они волки? Они оскорбляют это благородное животное. Их даже шакалами назвать нельзя. По повадкам они больше похожи на стаю одичавших, отбившихся от людей собак. Они опаснее и страшнее волков. Волк способен убить овцу, быка, но лишь для того, чтобы утолить свой голод. Сытый волк просто так, ради развлечения убивать не станет. Если нападает на отару свора одичавших собак, то они не остановятся до тех пор, пока не загубят последнюю овцу. Я видел в Самашках следы, оставленные такой сворой: вспоротые животы, обезображенные лица, выколотые глаза у наших солдат, которые попали в плен... Человек на такое варварство не способен.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЧЕТЫРЕМ ВОЙНАМ

Более пятидесяти лет уже прошло после окончания Великой Отечественной войны, а саперы воюют и по сей день. Молодому лейтенанту Землякову довелось соприкоснуться с этой войной в Прибалтике. Недалеко от Кохтла-Ярве есть Куримяйские болота, где проходил Нарвский рубеж обороны. Бои там были жестокие.

Условия для работы саперов были тяжелыми: кругом болота, трясина, грязь. Взводному Землякову вместе со своими бойцами приходилось сутками копаться в этой грязи, вынося на руках пораженные ржавчиной мины, бомбы, снаряды. Попался тогда лейтенанту один любопытный экземпляр. Старый, заржавевший шрапнельный снаряд образца 1910 года, пролежавший в болоте еще со времен гражданской войны. Никогда не думал молодой офицер, что ему придется непосредственно столкнуться с той далекой войной.

Третьей войной, на которой Николай Георгиевич исполнял нелегкую работу сапера, была война в Афганистане. Сам Земляков шутит, что после окончания Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева приходилось служить в разных "станах": Казахстане, Туркменистане, Афганистане. А последние боеприпасы — отголосок афганской войны, которые довелось ему обезвредить, были авиационные бомбы, сброшенные афганскими летчиками в районе Тахта-Базара.

По официальной версии, это были случайно заблудившиеся самолеты. Хотя потом стало известно, что они поднялись с аэродрома Афганистана и по линии границы Ирана и Афганистана выскочили на Тахта-Базар. Над железной дорогой стали изображать что-то наподобие воздушного боя. Даже для такой совершенной машины, как СУ, с полной бомбовой нагрузкой проделать это не просто.

После импровизированного воздушного боя одна машина отбомбилась на железку — единственное открытое, удобное для бомбометания место; вторая сбросила бомбы на кошару, к счастью, не причинив сколько-нибудь ощутимого вреда, а одну фугаску скинула в районе дислокации погранотряда.

Одна из полутонн, которые саперы называют тупорыльми, как сквозь масло, под углом прошла через насыпь под железнодорожным полотном, оставив след длиной метров семь, и застряла в земле на глубине более пяти метров.

На этот раз группе разминирования, в составе которой был и Земляков, довелось обезвреживать две фугасные полутонки и одну бомбу объемного взрыва. Больше всего пришлось попотеть с той, которая была под железкой. Когда ее откопали и начали вытаскивать — пошел часовой механизм, который должен был сработать еще при ударе бомбы о землю. Чтобы не подвергать жизнь саперов опасности, было принято решение уничтожить ее на месте.

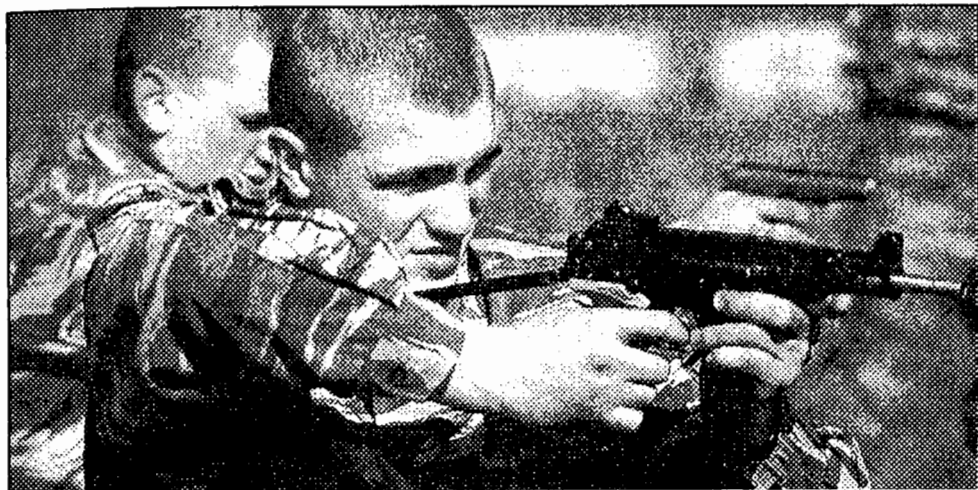
Специалисты инженерных войск в республике были на вес золота.

Граждан России отпускали на Родину с личного разрешения министра обороны Туркменистана. Просьбу Николая Землякова о его переводе во внутренние войска МВД России удовлетворили.

Когда я начал работать над материалом, пообщался Николаю Георгиевичу, что дам ему почтять его в рукописи. Подполковника Землякова в его кабинете я не застал. Два дня назад он снова улетел в Чечню.

Н.КАЧУМ.

Уроки Чечни

*Полковник Михаил ЛЯБИК,
начальник отделения ГУКВВ
по применению спецназа:*

“ВОЙСКАМ НУЖНЫ СПЕЦНАЗОВЦЫ, А НЕ “СПЕЦНАЗЕРЫ”

— “Если не сделает спецназ — не сделает никто”, говорят “краповые береты”. Может быть, в этом есть доля преувеличения, самолюбования, но по сути верно. Офицеры и бойцы “Витязя”, “Росича”, других спецподразделений, выезжая в стреляющие регионы нашего многострадального Отечества, не раз доказывали, что готовы и способны выполнить самые трудные задачи. Теперь у них — Чечня...

— Продолжать не надо. Вопрос предельно ясен. Начнем с того, что чеченская война заставила по-новому взглянуть на

многие каноны тактики применения частей и подразделений внутренних войск, в том числе и специального назначения. Вряд ли кто предполагал в декабре 94-го, когда начиналась операция по восстановлению конституционной законности и правопорядка в республике, что будут развязаны широкомасштабные боевые действия и конфликт примет затяжной характер. Рассчитывали разоружить незаконные формирования дудаевцев, стабилизировать обстановку в считанные недели. Жизнь все повернула по-другому. Противник, которого явно недооценили, оказал

Визитная карточка. Полковник М.Лябик закончил Военный институт Министерства обороны и Военную академию им. М.В.Фрунзе. Служил в подразделениях разведки ВДВ. С 1990 года — во внутренних войсках. Прошел курс обучения в австрийской контртеррористической команде “Кобра”. Выполнял специальные задания во всех горячих точках бывшего Союза и России. Награжден орденами “За военные заслуги” и “За личное мужество”, медалями “За отвагу”, “За отличие в воинской службе” I и II степени.

ожесточенное сопротивление. Все же наступающим федеральным силам ценой большой крови удалось к весне прошлого года разгромить крупные банды "волков", вытеснить их в горы. И тут пошел "миротворческий" процесс — "ни тпру, ни ну". По нам долбят вовсю, а отвечать дозволено только в случаях "крайней необходимости". Кто бывал в горячих точках, знает, какое это незавидное положение — чувствовать себя мальчиком для битья. Затем — новый всплеск боевой активности: трагические события в Гудермесе, Кизляре, Первомайском, успешно проведенные операции в Новоградском и Серноводске...

На каждом из этих этапов чеченского кризиса войсковой спецназ применялся в соответствии со складывавшейся обстановкой. И неожиданные, непредвиденные ситуации, ломавшие стереотипные представления о роли спецподразделений, требовали принимать неординарные решения, приспосабливаться к неумолимым обстоятельствам.

Напомню традиционные взгляды правоохранительных структур на предназначение спецназа в мирное время. Главная его функция — борьба с терроризмом. Силы спецназначения, как правило, действуют против немногочисленных групп экстремистов, освобождают заложников, захваченные объекты, принимают участие в ликвидации массовых беспорядков, проводят мероприятия по обеспечению режима чрезвычайного положения — словом, решают задачи методом специальных операций.

В Чечне поле деятельности "красных беретов" стало значительно шире. Наряду с выполнением чисто спецназовской работы им нередко приходилось воевать как обычным бойцам оперативных частей. К примеру, создается сводная группа в составе нескольких спецподразделений, ей нарезается участок, и — "По машинам!". В ряде случаев — на главных направлениях боевых действий, при штурме хорошо укрепленных позиций бандитов — это было оправданно. Ведь "коммандос" намного лучше пехоты подготовлены к ведению общевоинского боя. Тут и физическая, психологическая закалка, и огневая выучка, и тактическое мышление — все на порядок выше. Спецназ есть спецназ. Но когда такая работа становится нормой, невольно возникает вопрос: а не слишком ли мы расточительны в использовании сил и средств, заставляя элитные силы войск выполнять не свойственные им задачи?

В период, который в окопах и землянках с горькой иронией называют "ни войны, ни мира", спецназовцы скрепя сердце вынуж-

дены были заниматься делом ну просто обидным для подразделений, предназначенных для выполнения задач, связанных с повышенным риском. Сопровождать колонны с грузами, прикрывать милиционеров, следующих на КПП, возить пищу высокопоставленным чиновникам администрации. Споры нет, мероприятия важные и нужные. Однако выполнение их не требует специальной подготовки. Одно дело накрывать осиные гнезда боевиков, совершать стремительные рейды в тылу противника, уничтожая караваны с оружием и боеприпасами, и совсем другое — охранять стражей порядка или термоса с харчами.

Впрочем, обязанность воина — делать то, что прикажут, следовать туда, куда пошлют. Если надо, "береты", взяв в руки метлы, переквалифицируются в уборщиков территории. Только к чему приведет такая нерациональная загрузка?

Уже сейчас пожинаем горькие плоды распыления сил специального назначения. Два отряда в течение полутора лет безвылазно сидят в Чечне. Это очень большой срок. И дело не только в физической и психологической усталости. В отрыве от пунктов постоянной дислокации с учебными центрами практически невозможно наладить полноценную боевую учебу — первое. Второе: за время странно затянувшейся войны из-за невыносимых условий фронтовой жизни, хронического безденежья, бытовой неустроенности семей покинули войска ряд офицеров и прапорщиков; уволились в запас отслужившие положенный срок солдаты и сержанты, так и не успев передать свой опыт новобранцам. То есть произошел серьезный сбой в ритмичной работе механизма подготовки элитных подразделений. Увянув в Чечне, где нет возможности для совершенствования спецназовского мастерства (напряженная служба не оставляет времени для занятий), мы рискуем потерять то, что собирали по крупицам в течение двух десятилетий.

Такая вот невеселая картина вырисовывается...

— На какие же размышления о дальнейшей судьбе спецназа наталкивают уроки Чечни? Какие неотложные меры следует принять на войсковом и государственном уровне, чтобы сохранить боевой потенциал элитных частей и подразделений?

— Война заставляет вновь повернуться лицом к тем проблемам, над решением которых с переменным успехом бьются и офицеры-спецназовцы, и командование войск.

Прежде всего необходимо укрепить нормативную базу деятельности сил специального назначения, четко определить их статус, систему управления, обязанности и права, нормы материально-технического и военного обеспечения, принципы применения, социальные льготы за особые условия службы. И когда руководящие документы по спецназу будут испечены в государственной кухне (мы этого обязательно добьемся), ни на шаг не отступать от их требований.

Коль речь идет об уроках войны, давайте в первую очередь заострим внимание на проблеме использования спецподразделений в критических ситуациях. Накопленный в горячих точках опыт убеждает: при выполнении поставленных задач силами спецназа необходимо строго руководствоваться принципом централизации. Другими словами, решение по использованию спецподразделений принимает только старший начальник. Разумеется, в быстро меняющейся боевой обстановке могут быть исключения. Но частные случаи, как известно, подтверждают правило. Дело в том, что командир тактического звена, имеющий в своем распоряжении группу спецназа, не всегда располагает достаточным объемом оперативной информации и, отдав решительную команду "краповым беретам", может совершить непоправимую ошибку, в лучшем случае — нерационально применить главную ударную силу полка, направить ее на второстепенный участок. Такое не раз случалось, особенно у необстрелянных офицеров, перешедших в части оперативного назначения из конвоя. А спецназ — очень сильное оружие и требует умелого руководства.

Вспоминается характерный боевой эпизод. В августе 1992 года по просьбе министра внутренних дел Дагестана для поддержания общественной стабильности в Махачкале была направлена рота спецназначения ОДОНа во главе с ныне покойным Дмитрием Чухановым (светлая память и земля пухом погибшему в Чечне замечательному офицеру). Ситуация сложилась критическая. Достаточно было одной искры — и события пошли бы по чеченскому варианту. Эту искру погасили пятьдесят наших бойцов, сдержав напор многотысячной агрессивной толпы. Решительность командира и стойкость солдат спецназа спасли республику от кровопролития.

Итак, централизация. Следующие принципы, подсказанные военной наукой и практикой, — кратковременность и массивность применения спецназа в нака-

ленной до предела обстановке: отряды и группы концентрируются в указанном районе, быстро решают все вопросы и возвращаются на зимние квартиры. У нас отработана тактика проведения таких операций в горячих точках бывшего СССР. Что имеем в итоге? Во-первых, достижение оперативной внезапности, позволяющей ошеломить экстремистов, выбить из их рук инициативу. Во-вторых, возможность действовать одновременно по нескольким направлениям, стремительно маневрировать, упреждая преступные группировки. В-третьих, сведение к минимуму вероятности потерь: одна только демонстрация спецназовской мощи деморализует супостата, парализует его волю к сопротивлению. А ежели "краповые береты" длительное время "пасут" боевиков, не прибегая к решительным мерам, гаснет наступательный порыв личного состава, люди перегорают, растрачивают по мелочам боевую энергию.

— Вывод очевиден: надо выходить из порочного круга, брать на вооружение продиктованные жизнью принципы использования спецназа. Но для этого, видимо, необходимы особые управленческие структуры, которые увязывали бы тактику применения "командос" с принципиальными установками науки и боевой практики.

— Еще одна проблема, требующая неотложного решения. Речь о таких штатных структурах идет давно. Нравится кому-то или нет, но интересы спецназа должны быть представлены на всех управленческих уровнях сверху донизу: главк — округ — соединение. Причем не кураторами-направленцами, работающими "на общественных началах", а офицерами на штатных должностях. И не случайными людьми, а профессионалами высокой пробы, прошедшими боевую академию в подразделениях и частях спецназначения, преданными своему делу, хорошо знающими его специфику.

Кое-какие подвижки в этом направлении уже намечались. В 1994 году, рассмотрев докладную записку с изложением веских аргументов в пользу реформирования системы управления спецназом, командующий распорядился подготовить конкретные предложения. Указание было выполнено и ждало логического завершения, но тут началась чеченская война, и в круговерти горячих событий решили ограничиться на первых порах одним отделением в составе ГУКВВ.

Не довольствуясь достигнутым, продолжаем вести работу по созданию таких же структур на местах. Анализ событий в Бу-

денновске, Первомайском да и криминогенной обстановки в целом по стране требует вплотную заняться вопросами совершенствования руководства нашими силами быстрого реагирования. В войсках нужно сформировать рабочие органы с такими штатами, что, если где-то, не дай Бог, загорится, мы быстро собираем офицеров этих структур из разных регионов — и штаб по проведению специальной операции готов. Они знают командиров спецподразделений — это их люди, знают друг друга — съели вместе не один пуд соли в стреляющих регионах, хорошо разбираются в тактике "спецов"; кроме того, у них будут налажены прочные связи с территориальными СОБРами и ОМОНами — большой плюс при организации взаимодействия в процессе подготовки к контр-террористическим акциям.

Но проблема управления спецназом связана не только с тактически грамотным его применением. Есть масса других задач, которые очень трудно решить без участия компетентных специалистов штатных управленческих звеньев. И чеченский опыт убедительно это доказывает.

Притча во языцех — комплектование наших подразделений. Разработана методика предварительного тестирования военнослужащих, направляемых в группы спецназначения. Вышла директива, в которой четко определены критерии профотбора. Мало? Отнюдь. При желании, руководствуясь этими установками, во всех воинских коллективах можно подыскать кандидатов, обладающих необходимыми для спецназовца качествами. Да вот беда, далеко не у всех командиров есть такое желание. Иные как рассуждают? В части для повседневной службы не хватает людей, а если еще самых крепких и выносливых в спецназ отдать, с кем останутся ротные? В общем, ребята, губы шибко не раскатывайте, готовьте шварценеггеров из тех, кого дают. И комплектуются у такого "экономного" командира "спецы" как Бог на душу положит. А кое-где "береты" и вовсе в опале: мол, портят все показатели по травматизму (даже при строжайшем соблюдении мер безопасности на занятиях от синяков и переломов, увы, не застрахуешься). До курьезов порой доходит. Чтоб избавиться от лишних хлопот, в одном оперативном полку приказали спецназовцам тренироваться... на плацу. Так оно, конечно, спокойнее. А как будут действовать "асфальтные командос" в боевой обстановке, начальствующим перестраховщикам, живущих одним днем, меньше всего волнует.

По принципу "как бы чего не вышло" подбираются в некоторых частях и командиры спецгрупп. Не важно, что в силу некомпетентности "карманных", устраивающих начальство офицеров спецподразделений губится на корню войсковая элита. Зато без хлопот. И с травматической цифирью — полный ажур.

Другая сторона медали. Нерациональный подход к обеспечению спецназа людскими ресурсами проявляется в погоне за валом: даешь стопроцентную укомплектованность! В стремлении побыстрее отпрапортовать: директивные указания выполнены! А там хоть трава не расти. В Сибирском округе ударными темпами сформировали сводный отряд, собрав из разных частей неподготовленных солдат. Прямо по пословице: с миру по нитке — голому рубаха. Только новоиспеченной команде особого риска не рубаха нужна. Кольчуга, броня! А для ее изготовления и закалки в спецназовской кузнице необходимо время. Год на подготовку рядового бойца. Это минимум. Сибиряки же, не позаботившись об организации учебного процесса, боевом сколачивании отряда, как говорится, с места в карьер стали нарезать новичкам серьезные задачи. Хорошо, что удалось тормознуть лихих "кавалеристов", напомнив оплаченную кровью истину: перед тем как, размахивая шашкой, вести людей в бой, надобно преодолеть десятки полигонных километров, научиться держать удар в учебных схватках, овладеть тактикой спецопераций. Короче, среагировали вовремя. А в ряде случаев, что греха таить, били по хвостам, не успевая пресечь реализацию волонтаристских решений. Из Москвы попробуй-ка проследить за тем, чтобы в спецназ не попадали слабаки, чтобы вновь сформированным подразделениям не мешали наращивать боевые мускулы, снабжали всем необходимым по нормам довольствия...

Какой вопрос ни возьми — без органов управления спецназом в округах нелегко будет сдвинуть с места вагон и маленькую тележку накопившихся проблем. Ибо, скажу не покривив душой, у офицеров-руководителей редко болит голова о силах быстрого реагирования, мало кто готов порадовать "краповым беретом". Поэтому, еще раз подчеркну, нужны штатные специалисты в управленческих структурах, по долгу службы отвечающие за отряды и группы по выполнению задач повышенного риска, число которых год от года растет (против разгула преступности мы должны принимать адекватные меры).

Комплектуемые подчас без учета специфики боевой работы, лишенные поддерж-

ки на местах подразделения спецназа неизбежно перерождаются в "спецназеров". Умения — ноль, профессиональная закуска жиденькая, зато гонору... Ни дать ни взять матерые Рэмбо. Кланяйся в пояс, да и только.

Никто не спорит, спецназ заслуживает особого уважения. Но при одном условии: когда уровень подготовки "коммандос" соответствует их предназначению. Разумеется, главную ответственность за это несут офицеры, которые занимаются организацией и обеспечением учебного процесса.

Здесь тоже солидный участок неподнятой целины. И пахать надо по трем основным направлениям, сосредоточив усилия на обновлении учебно-материальной базы (по причине нашей бедности она просто в жутком состоянии), совершенствовании методики спецподготовки с учетом накопленного в Чечне опыта, укреплении курсантских взводов спецназа в военных училищах (они пока варятся в собственном соку — нет ни программ обучения, ни квалифицированных кадров).

Наше счастье, что поредевшие ряды ветеранов, прошедших огонь, воду и медные трубы, пока еще не покинули под давлением крутых обстоятельств энтузиасты в краповых беретках, беззаветно преданные опасной и трудной службе. На них и держатся прославленные отряды и группы. Благодаря им сохраняют бойцовскую форму, традиции. Так что сегодня молодым лейтенантам, не имевшим возможности качественно овладеть спецназовской наукой в стенах военных вузов, есть где доучиваться. А завтра...

Долго ли сумеем продержаться на энтузиазме одиночек? После Чечни этот вопрос как застрявший в теле осколок...

— И постоянно напоминает о дефиците государственной поддержки в многотрудной работе по укреплению и развитию сил быстрого реагирования.

— Не хотелось бы утверждать так категорично. Но факты — упрямая вещь. Отсутствие централизованного снабжения, целевого финансирования... Все понимают: надо укреплять спецназ. Криминальная обстановка требует. А реально ничего не делается. Ту же законодательную базу взять. Полтора года пытаемся пробить постановление правительства о социальных гарантиях и льготах для подразделений спецназначения. Глухая бюрократическая стена. То одно министерство тормознет, то другое.

А проблема вооружения и технической оснащенности! В системе МВД единственная полигонная часть — отряд "Витязь".

Там проводятся испытания специального оружия, снаряжения и оборудования. Но поступает все это в войска в мизерных количествах — по остаточному принципу. Видимо, в списке стоящих на довольствии в окружных управлениях материально-технического и военного снабжения спецназ внутренних войск проходит последней строкой.

По примеру довольствующего органа наплевательски относятся к снабжению "беретов" и в некоторых частях. Недавно побывал в группе спецназначения одного из оперативных полков Северо-Кавказского округа. Куда ни кинь, везде клин. Заниматься спортом негде, нет тренажеров, защитных средств, альпинистского снаряжения... Да что говорить, поизносились на войне до крайности, а переодеться — проблема. Зато офицеры и прапорщики управления части щеголяют в новенькой, с иголочки, спецформе. Ну а круче всех "прикинуты" кто бы вы думали? Ну, конечно, начальники продовольственного и вещевого складов. Самые главные "коммандос". Так и просятся на плакат "Служба в спецназе — дело настоящих мужчин".

Нелегко служить, постоянно ощущая дефицит державной заботы о защитниках Отечества. Вдвойне труднее, когда родные командиры обделяют вниманием профессионалов особого риска.

А в это время они, рискованные, делают свое дело. Пока идет возня по распределению камуфлированного новья, пока в кабинетах власти отфутболивают жизненно важные для "беретов" документы, спецназ, обливаясь кровью, воюет. Выполняет поставленные задачи. И в жилетку не плачется. В конце концов это главное.

В пассиве — проблемы и беды. В активе — умело проведенные операции в Чечне. Придет время — подробно опишут их на страницах военных и гражданских журналов. Как уничтожали осиные гнезда бандитов, захватывали и ликвидировали в молниеносных сшибках дудаевских полевых командиров. Перекрывали пути транспортировки оружия. Проводили разведывательно-диверсионные мероприятия в тылу противника. В Первомайском восемнадцати-двадцатилетние парни действовали не хуже офицеров-профессионалов хваленной "Альфы". Есть чем гордиться.

Не растерять бы этот потенциал.

Войскам и стране нужны спецназовцы, а не "спецназеры".

Запись полковника Ю.КИСЛОГО.

По сообщениям пресс-службы внутренних войск МВД России

Последние дни февраля не стали переломными в общественно-политической и военной обстановке в Чечне. По-прежнему звучат взрывы, гибнут военнослужащие федеральных сил. Список безвозвратных потерь внутренних войск пополнился новыми именами. При выполнении специального задания по разоружению незаконных вооруженных формирований погибли:

**рядовой Валерий ХРОМЯК,
рядовой Алексей КОНОНОВ,
рядовой Максим ЛЕБЕДЕВ,
рядовой Вячеслав ПРИЛУЦКИХ.**

В начале марта всеобщее внимание было приковано к населенному пункту Серноводск, что на границе Чечни с Ингушетией. Год назад жители объявили его зоной, свободной от военных действий. До сентября 1995 года каких-либо столкновений здесь не было, чем и воспользовались боевики. По оперативным данным командования Объединенной группировки, здесь было начато создание одной из запасных военных баз дудаевцев. Тогда же после нескольких столкновений с боевиками федеральные войска заблокировали Серноводск. В частичной блокаде этот населенный пункт и находился до последнего времени. В начале марта командование приняло решение о проведении операции по очистке Серноводска от боевиков.

2 марта надежда на мирное разрешение непростой ситуации вокруг Серноводска еще оставалась. Старейшины селения высказали предложение провести переговоры и подписать договор о мире и согласии. Стороны договорились о том, что 3 марта все боевики, которые находились к этому времени в Серноводске, сложат оружие. После этого части федеральных сил должны были разблокировать селение и, проверив предполагаемые места укрытия дудаевцев, а также их склады боеприпасов и вооружения, покинуть населенный пункт. Старейшины Серноводска заверили, что боевики покинули населенный пункт и препятствий на пути федеральных войск не будет.

3 марта. Бронетранспортеры внутренних войск, вошедшие колонной в селение, подверглись интенсивному обстрелу в районе санатория на севере Серноводска. Войска были вынуждены наглухо блокировать населенный пункт. Боевики попытались прорвать блокаду в двух направлениях и уйти в горы. Однако федеральные войска не позволили бандитам выйти из селения. В ходе завязавшихся боев погибли военнослужащие внутренних войск:

**младший сержант Александр КОРНИЕНКО,
сержант Сергей РЯЗАНЦЕВ,
рядовой Илья БУЗУНОВ,
рядовой Станислав МАСЛЕННИКОВ,
рядовой Алексей ЗЫРЯНОВ.**

4 марта. Операция по уничтожению боевиков в Серноводске продолжалась. В этот день

после подрыва на фугасе автомобиля ГАЗ-66 внутренних войск подразделение сводного моторизованного полка приняло бой, погибли четверо военнослужащих внутренних войск:

**старший прапорщик Анатолий КЛЕНИН,
рядовой Роман АБДУЛОВ,
рядовой Олег ВОРОБЬЕВ,
рядовой Андрей ЗАЙЦЕВ.**

5 марта. Обстановка в Чечне характеризовалась продолжением боевых действий частей и подразделений Объединенной группировки против бандформирований на юго-западном направлении.

Были предприняты две попытки прорыва боевиков из Серноводска. Дудаевцы действовали мелкими группами — по 15-20 человек. Пытались прорваться они через боевые порядки внутренних войск в северо-западном и западном направлениях вдоль озера и высоковольтной линии электропередачи. Прорыв боевикам не удался.

На курчалойском направлении наблюдался отход незаконных вооруженных формирований в горные районы, населенные пункты Центорой и Бочи-Юрт. Напряженной оставалась обстановка и в Грозном. В ходе столкновения с боевиками погиб **рядовой Михаил ГЛАДКИХ.**

6 марта. Ночью в Грозном практически одновременно были атакованы сразу шесть блокпостов. Со стороны северного Старопромысловского района против федеральных сил действовало более 100 боевиков. Около 70 дудаевцев атаковали город с юго-запада, со стороны Заводского района, такой же по численности отряд начал боевые действия с южного направления. Одновременно активизировались вооруженные боевики, проникшие в город незадолго до этой акции. По некоторым данным, общее количество дудаевцев, участвовавших в штурме чеченской столицы, достигло 700-1000 человек. Наиболее сильные бои завязались в районе площади Минутка. Днем позиции боевиков в Заводском районе были потеснены, стрельба переместилась в южном направлении, в Октябрьский район. К вечеру стало ясно, что боевикам так и не удалось пробиться к центру Грозного. При отражении нападения погибли:

**капитан Сергей ИОНОВ,
старший лейтенант Игорь ГУРОВ,
рядовой Михаил ИЛЬИН,
рядовой Алексей КАСАЙКИН,
младший сержант Сергей ШЕСТАКОВ,
старший сержант Алексей АГАЛЬЦОВ,
сержант Сергей НИЯСОВ,
младший сержант Виталий КОПТЕВ,
рядовой Сергей АФНАСЬЕВ,
рядовой Виталий ТАБАЧКОВ.**

7 марта. Боевики сожгли здание отдела внутренних дел в Заводском районе, совершили нападение на Октябрьский РОВД Грозного.

Подверглись обстрелам комендатуры, КПП, ПВД воинских частей в Ленинском, Октябрьском, Старопромысловском районах чеченской столицы. Дудаевцы захватили в заложники 84 российских строителя, вывели из строя ряд объектов народного хозяйства, в том числе три водозабора. В этот же день был взорван мазутопровод на ТЭЦ-3, начался пожар, потушить который не позволила перестрелка. Отмечено появление снайперов на высотных зданиях, а также подвижных боевых групп по 5-6 человек, в состав которых входит 2-3 гранатометчика и до 3 стрелков прикрытия. На легковых автомашинах бандиты передвигались по некоторым контролируемым ими улицам города. По имеющимся сведениям, операцией в Грозном руководил Аслан Масхадов. В ходе ожесточенных столкновений с боевиками имеются убитые и раненые со стороны федеральных сил. Погибли военнослужащие внутренних войск:

лейтенант Иван КОСТЫШАК,
подполковник Петр ЗАХАРЧУК,
рядовой Максим СИЖУК,
рядовой Максим ГУПИН,
рядовой Сыды МОНГУШ,
рядовой Тарас ШКОЛЕНКОВ,
рядовой Долга ГАГАСЫНБАЕВ,
рядовой Игорь ДАВЫДЕНКОВ,
рядовой Геннадий РАКОВ,
лейтенант Дмитрий ЖИГАЙЛО,
сержант Александр ЕРЕМИН,
рядовой Иван КОТОВ,
старший прапорщик Сергей БУЙЛОВ,
сержант Виталий ГУДАЛИН,
рядовой Игорь БОБЫЛЕВ,
рядовой Олег КУЧЕРОВ,
рядовой Дмитрий КУЗНЕЦОВ,
старший лейтенант Александр БАКИН,
рядовой Алексей ПЕТЕЛИН,
рядовой Дмитрий АБРАМОВ,
рядовой Сергей ТУРАПИН,
рядовой Николай СЕЛЕЗНЕВ.

8 и 9 марта стали в Грозном днями снайперской войны. Огневые столкновения проходили в основном в Старопромысловском и Заводском районах. В ночь на 10 марта отмечена мощная перестрелка в районе Дома правительства. Незаконные вооруженные формирования постепенно отходили, пытаются прорваться из города через южные окраины. Федеральные силы вели "зачистку" освобожденных кварталов, обезвреживали мины. В ходе последних боев в Грозном погибли:

старший лейтенант Михаил МОРДОВИН,
рядовой Дамир ХУЗИН,
рядовой Сергей ТУРАПИН,
рядовой Максим ДЕМИН.

11 марта. Федеральные войска продолжали проводить мероприятия по освобождению Грозного от боевиков. Наиболее активные столкновения зафиксированы в Старопромысловском районе чеченской столицы.

Отходящие из города боевики пытались укрепиться в лесном массиве пригорода Грозного Черноречье, откуда неоднократно обстреливали контрольно-пропускные пункты внутренних войск из стрелкового оружия и гранатометов. По находящимся здесь боевикам был нанесен удар с применением вертолетов.

По оценкам военных, в Грозном и его пригородах все еще действует несколько десятков

так называемых групп прикрытия по 7-8 человек. В течение суток погибли:

майор Салтанияр ТОНАТОВ,
рядовой Николай СУРКОВ,
рядовой Сергей БАБИНЕЦ,
рядовой Игорь ТИМОФЕЕВ,
рядовой Сергей ЖЕЛАНОВ.

12 марта. Погиб 1 военнослужащий внутренних войск — рядовой Ярослав БУРОВ, 8 человек получили ранения. Интенсивность боевых действий в Грозном значительно снизилась, что дало основание говорить о некоторой стабилизации ситуации. Внутренние войска совместно с органами внутренних дел Чечни прочесывали окраины Грозного, где замечены мелкие группы дудаевцев.

Первый заместитель командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Виктор Гафаров на брифинге в Отдельной дивизии оперативного назначения в целом положительно оценил действия внутренних войск в период событий последних дней в Грозном. По его словам, все КПП и комендатуры сохранили боеспособность, военнослужащие показали себя настоящими бойцами.

13 марта. Несмотря на попытки дудаевских боевиков оттянуть силы федеральных войск от населенного пункта Бамут, который является важнейшей базой чеченских незаконных вооруженных формирований, начался штурм этого населенного пункта. Рядом с Бамутом остаются оставшиеся еще с советских времен ракетные пусковые шахты, в которых дудаевцы оборудовали укрытия, соединив их ходами сообщения. В Бамуте находится до 400 дудаевцев.

Боевики делали все возможное, чтобы усложнить, а то и сорвать переговорный процесс в Урус-Мартановском районе. Для этого активно распространялись слухи о том, что в районе блокированного Бамута якобы находятся 300 заложников, которых боевики захватили во время недавних боев в Грозном. Минувшей ночью боевики обстреляли здесь позиции федеральных сил. Погиб младший сержант Юрий ДИМЧЕНКО.

14 марта. Мелкие группы отошедших из Грозного боевиков замечены на окраинах чеченской столицы в районе Соляной Балки, Черноречья. Здесь федеральные войска провели мероприятия по поиску и уничтожению банд. По-прежнему привлекает к себе внимание населенный пункт Бамут. Бандформирования продолжают наращивать здесь свою группировку. Для набора боевиков дудаевские эмиссары создали пункт вербовки добровольцев в станице Орджоникидзевская.

15 марта. Напряженная обстановка складывалась у населенного пункта Самашки. Здесь федеральные войска приступили к операции по разоружению укрывшихся в селе боевиков. В ходе боев погибли:

старший лейтенант Евгений ХАРИЧЕВ,
рядовой Александр НИКОЛАЕВ,
рядовой Денис САВУШКИН,
рядовой Дмитрий ИГНАТОВ.

При проведении разведки в пункте временной дислокации погибли:

старшина Иван ЛИПОВ,
младший сержант Дмитрий НЕСОЛЕНОВ.

17 марта. Операция по разоружению незаконных вооруженных формирований в районе

н.п. Самашки продолжалась. Соппротивление боевиков пока не сломлено. В столкновениях с дудаевцами погибли военнослужащие внутренних войск:

рядовой Павел СМЕРНОВ,
рядовой Евгений ГОРАЕВ,
майор Николай РЯБОВ,
рядовой Равиль КАГАРМАНОВ,
старший лейтенант Роман ПЛЫС,
старший лейтенант Олег НЕВЕРОВ,
майор Александр СИДИЛЕВ,
сержант Георгий БАЛАКИН,
рядовой Рафаэль БИКЛАМБЕТОВ,
рядовой Дмитрий ЛАХОВ,
рядовой Александр КУКРЕШ,
рядовой Дмитрий УВАРОВ,
рядовой Анатолий ДИМИТРИЕВ,
рядовой Ильсур ХАЙРУТДИНОВ,
рядовой Ренат САЕТГАРАЕВ,
рядовой Сергей ПОНОМАРЕВ.

От полученных накануне ран скончались:

рядовой Алексей ГРИШЕНКОВ,
старший лейтенант Виктор МЕЛЬНИК,
капитан Андрей АНДРЕЕВ.

Боевики дважды пытались захватить ретранслятор в н.п. Гарагорск. Караул внутренних войск эти атаки отбил. Погибли:

рядовой Сергей СМЕЛЕНКО,
рядовой Дмитрий КИРИЛЛОВ.

18 марта. В течение минувших суток федеральные силы продолжали проведение спецоперации по разоружению боевиков в Самашках. Бандиты оказывали ожесточенное сопротивление. Ночью мелкие группы дудаевцев пытались вырваться из окружения, но были встречены огнем военнослужащих. Спецоперация по поиску и ликвидации бандгрупп проводилась также в районе н.п. Чир-Юрт и Новые Атаги. Здесь из дудаевского плена освобождены 8 военнослужащих, в том числе 2 военнослужащих внутренних войск — майор В. Иванченко (в плену с 14.01.96) и рядовой Р. Атимасов (в плену с 10.09.95).

Федеральные силы сковали действия боевиков в районе н.п. Орехово и Старый Ачхой. Здесь бандиты уже успели подготовить позиции для обороны, оборудовали долговременные огневые точки. Замечено передвижение боевиков в районе н.п. Шали.

В Грозном бандиты продолжали обстрелы командатур, КПП, ПВД воинских частей. Зафиксировано 10 случаев таких обстрелов. По данным командования внутренних войск, у боевиков изъяты пулемет, 6 автоматов, 10 ручных осколочных гранат, 2 карабина, 12 охотничьих ружей и обрезов, 4 выстрела к РПГ.

В военном госпитале от ран, полученных в начале марта под Самашками, скончались военнослужащие внутренних войск:

рядовой Иван КЛИМЕНКО,
рядовой Александр ПЛЕШКОВ,
рядовой Ильядар ФАЙРУЛИН.

При несении службы на КПП в Грозном погиб **рядовой Павел АЛЕКСЕЕВ.**

19 марта. Продолжалась спецоперация в Самашках, Орехово, Старом Ачхое. Боевики не оставляют попыток выйти из районов блокирования. Лидеры НВФ отдали приказ активизировать митинговую кампанию в населенных пунктах Чечни. Однако отток женщин и детей из

районов проведения операций не позволил выполнить данное указание.

В ходе боев с дудаевцами погибли:
рядовой Олег ЛУКОВКИН,
рядовой Сергей ПЕРШИН.

Обнаружены и опознаны тела военнослужащих, погибших в ходе боев в Грозном 6-7 марта, считавшихся ранее пропавшими без вести. Среди них:

старший лейтенант Владимир ШЕРСТНЕВ,
сержант Виктор СЛЕСАРЕНКО,
рядовой Андрей ХОЗЕЕВ,
рядовой Сергей ГОЛУБОВИЧ,
рядовой Александр МАЦУЦА,
рядовой Айгиз ЗАЙНУТДИНОВ.

21 марта. Продолжалась операция в Самашках. Стали известны итоги спецоперации в Курчалойском и Шалинском районах. Изъято около 250 единиц стрелкового оружия, подписан протокол о мире и согласии с 9 населенными пунктами.

В районе н.п. Нагорное обстрелян вертолет внутренних войск, ранены двое военнослужащих, находившихся на борту.

22 марта. Из проезжающего КамаЗ в районе поселка Рошни-Чу открыт огонь из стрелкового оружия по военнослужащим. Огнем из БМП КамаЗ подбит, 4 находившихся в нем боевика уничтожены. В ходе операции под Самашками погибли:

рядовой Александр МИКУЛИНСКИЙ,
майор Николай МИЛОВАНОВ,
сержант Сергей ШАВКОВ,
майор Виктор МАКАРОВ,
младший сержант Сергей ЧЕРЕПАНОВ,
младший сержант Дмитрий БАХИРЕВ,
рядовой Алексей ЗЯНДЕНКО,
рядовой Юрий КВАСОВ,
рядовой Роман ОЛЕНЕВ,
рядовой Дмитрий ТУРБИН,
рядовой Вячеслав МАЙНГАРТ,
рядовой Ильгам ВАСИЛЬЕВ,
рядовой Сергей СЕЛЕЗНЕВ,
младший сержант Александр САПРУНОВ,
рядовой Михаил ЕВДОКИМОВ.

23 и 24 марта список безвозвратных потерь внутренних войск пополнился новыми именами. При проведении операции под Самашками погибли:

старший лейтенант Сергей ПОМОГАЕВ,
сержант Олег ЩЕКЛАНОВ,
рядовой Алексей ВЕГАЙКИН,
рядовой Кирилл БАЖИКОВ,
рядовой Иван БЕЛЯЕВ,
рядовой Александр ПАНЧЕНКО,
рядовой Руслан АБДУЛКАРИМОВ,
сержант Александр ЖИВОЙ,
рядовой Александр НЕГРАНЦУХИН,
рядовой Евгений СУРИКОВ,
рядовой Артур СИМОНЯН,
сержант Виталий КИНТЕВ.

По данным на 25 марта, за период боевых действий в Чеченской Республике погибло 626 военнослужащих внутренних войск, 2777 получили ранения, 20 человек числятся пропавшими без вести, 9 человек удерживаются незаконными вооруженными формированиями.

Подборку подготовил
старший лейтенант С. КОЛЕСНИКОВ.

“МВД – щит Чернобыля”

Такое (сокращенное) название получила межрегиональная общественная организация “Ассоциация работников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск, принимавших участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС”.

Десять лет минуло с того черного апрельского дня, когда в Чернобыле произошла катастрофа. Ее масштабы потрясли мир. В результате аварии и взрыва на четвертом энергоблоке атомной станции в атмосферу было выброшено радиационное облако (по данным ученых — 50 млн. кюри), тысячи гектаров земли, сотни городов и населенных пунктов оказались под властью вырвавшегося из оболочки реактора ядерного джина. Над миллионами жителей Украины, Белоруссии, западной части России и Восточной Европы нависла угроза радиоактивного заражения. И эта трагедия могла бы иметь несоизмеримо большие последствия, чем мы имеем сегодня, если бы не героизм и мужество тех людей, кто сразу же после взрыва встал щитом на пути вырвавшегося из-под контроля мирного атома. Борьба длилась многие месяцы и годы, и одними из первых среди ликвидаторов были сотрудники органов внутренних дел и военнослужащие внутренних войск. Вместе с представителями других профессий они сумели остановить расплывание атомной стихии. Но цена победы оказалась непомерно высокой. По данным официальной статистики, сегодня в России 300 тысяч участников

ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, 30 тысяч из них — инвалиды, 7 тысяч ликвидаторов уже нет в живых. К сожалению, по МВД России такой статистики пока нет. Хотя известно, что в ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС приняло участие 19 тысяч сотрудников органов внутренних дел и 14,5 тысячи военнослужащих внутренних войск. Сегодня во внутренних войсках МВД России служит 471 чернобылец.

Прошли годы, чернобыльцы МВД разъехались к новым местам службы, ушли в запас или отставку и остались наедине со своими проблемами, многие из которых явились следствием той самой атомной беды, которую сумели они остановить ценой собственного здоровья. Однако любые трудности легче и быстрее преодолеваются коллективными усилиями. Поэтому участники ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, проходившие и продолжающие службу в органах внутренних дел и в частях внутренних войск, расположенных на

территории Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинградской, Московской, Тульской, Брянской и Тверской областей, решили объединиться и создать межрегиональную ассоциацию “МВД — щит Чернобыля”.

Учредительная конференция проходила в Москве. На ней присутствовали 87 делегатов. Вспомнили, как все это было. Почтили минутой молчания память товарищей, которых уже нет в живых. Говорили о делах насущных, о наблевшем. Ка-

залось бы, есть закон, наделяющий ликвидаторов последствий катастрофы на ЧАЭС определенными правами и льготами, но долг государства чернобыльцам исчисляется триллионами рублей. Отсюда нехватка денег на строительство жилья, медицинское и страховое обеспечение. Не единичны случаи черствости, бездушия, а порой и мздоимства со стороны чиновников и медперсонала, в чьей власти решение тех или иных проблем чернобыльцев (получение беспроцентной ссуды, земельных участков, легковых автомобилей, оформление группы по инвалидности и т.п.). В различных ведомствах по-разному относятся к ликвидаторам. Например, в ФСБ имеется специальное санаторное подразделение, которое занимается чернобыльцами. В МВД такого нет, хотя их в этом министерстве несоизмеримо больше.

Накопленный колоссальный опыт действий органов и войск МВД в условиях крупнейшей в мире техногенной катастрофы никем в стране, по сути, не востребован. А ведь аварии случались и до и после Чернобыля. В 1975 году на Ленинградской АЭС произошел выброс в атмосферу 1,5 млн. кюри. В России и Литве (Игналинская АЭС) с января 1992 по ноябрь 1994 года зафиксировано более 380 аварийных ситуаций, 5 из которых — с выходом радиоактивных веществ. Растет криминальный террор, который в условиях негативных процессов в экономике, социальной сфере и особенно в области наукоемких технологий может стать угрозой национальной безопасности, усилить вероятность возникновения крупных техногенных катастроф.

С учетом этих и многих других вопросов, волнующих чернобыльцев, были определены основные цели деятельности образованной ассоциации: оказание содействия участникам ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и их семьям в решении социальных и материальных проблем; увековечение памяти погибших от последствий катастрофы (будет издана Книга памяти с именами ликвидаторов — сотрудников и военнослужащих МВД); содействие в реализации экологического законодательства Российской Федерации; на основе уникального чернобыльского опыта посильно участвовать в профессиональной подготовке и патриотическом воспитании личного состава.

На учредительной конференции был

принят устав межрегиональной общественной организации "МВД — щит Чернобыля" и избраны органы управления ассоциацией. Президентом ассоциации — председателем правления стал начальник Академии МВД России генерал-лейтенант внутренней службы Н.И. Демидов, вице-президентом — заместитель командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант С.Ф. Кавун.

Образованная ассоциация — организация не кастовая. Она открыта для каждого участника ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС и участников других техногенных аварий, связанных с радиационным облучением, независимо, в каком регионе России они живут или проходят службу сегодня. Со временем межрегиональная ассоциация может быть преобразована и в общероссийскую, если в нее вступят подобные ей региональные организации из более чем половины субъектов Российской Федерации.

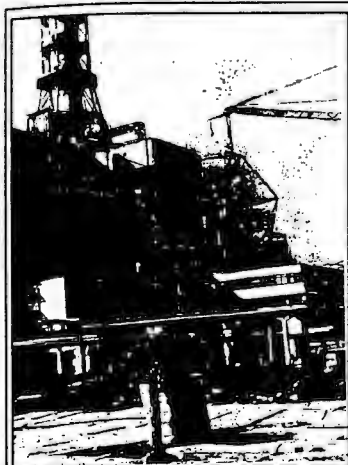
В принятом на учредительной конференции ассоциации "МВД — щит Чернобыля" обращении к личному составу внутренних дел и внутренних войск есть такие слова:

"Дорогие товарищи, боевые друзья!

За годы после чернобыльской трагедии в жизни страны многое изменилось. Сегодня натиску нагнетающей и консолидирующей преступности мы должны противопоставить наше единство и сплоченность. Уверены, что сплав опыта старших с энергией молодых станет непреодолимой преградой как для возможных техногенных катастроф, так и для криминальных и экстремистских сил всех мастей. Мы можем и обязаны перед памятью наших павших в чернобыльской трагедии товарищей объединенными усилиями оперативно и высокопрофессионально решать любые служебные и боевые задачи. Каждый из нас давал присягу на верность Родине и народу. Будем же свято следовать ей, надежно защищать конституционные права и законные интересы своих сограждан, будем верны светлой памяти героев Чернобыля!"

Большое, увы, видится на расстоянии. Так добрый путь тебе, "Щит Чернобыля", в добрый путь, братство людей, победивших ядерную смерть!

Подполковник А. СИМОНОВ,
участник ликвидации последствий
аварии на ЧАЭС.

Чернобыльская АЭС, 1986 г.
Фото Б.БУЛГАКОВА.

Борис КАРПОВ

Сон в начале осени

Рассказ

Этот рассказ был написан десять лет назад под впечатлением двух командировок в апокалиптический Чернобыль, в зону черной беды, какой мы еще не знали.

Мы ездили по зоне, «обобщая опыт действий внутренних войск в зоне аварии на ЧАЭС» — так, по-моему, значилось в служебном задании.

В августе обочины залитых какой-то муреной химией дорог были сплошь усыпаны крупными плодами, напштавшимися не только соками земли, не только солнечным теплом. Те соки и то тепло уже вызывали страх. И потому румяные и золотые дары припятских садов не радовали глаз и мертвой прелью уходили в мертвую землю.

Страх за десять лет улетучился. Остались воспоминания о той благодатной прежде земле, о тех людях, с кем встретились в зоне беды. Иных уж нет, а живым — да поможет Бог!..

Утра моросило.

Макар поглядывает сквозь заплаканные окна то на пустынную серую улицу, то в сторону буйного сада-огорода и никак не может решить — хорошо ли это, что дождь, плохо ли. Деревья вон какие стоят чистенькие, парники так отмыло, что насквозь видать. А с них-то, с парников и деревьев, все ведь на землю — вот в чем штука-то...

К добру ли, к худу ли, а что дождю пора — это уж точно. Осень. Ишь как антоновка среди листвы играет — матово-желтый свет растворяет побледневшую зелень, и звонкая сила так и рвется из крепких шаров, сладкая уже сила, зрелая.

«Надо выпарить кадушку под яблочки, — решает Макар. — Вон давеча ученый один в газете писал: едим, мол, в зоне яблочки, только завязь вырезаем, а все съедобно... А то ведь можно яблоко и Щусову дать — свезет на аппарат, проверит все по науке... Соломки надо еще найти чистой, непременно ржаной...» Так вот прикидывает Макар про себя, и на душе вроде веселее уже от предчувствия полезной и приятной работы. И вот уже скинул он вместе с набрякшим от дождика-мелкосея ватником свое трудное, сжимающее сердце одиночество.

Помаленьку распогодилось, пока завтракал Макар по-стариковски не спеша и просто — вчерашними постными щами и чайком с мятой.

***

Красно-белый шлагбаум на околице под тяжестью привязанной рельсины-противовеса прогнулся, как удилице, на крючке которого сидит жирующий по осени окунище. Из маленького вагончика появился милиционер, заспанный и небритый.

— Здорово живете! — Макар приподнял над взлохмаченной седоватой челочкой свою всепогодную кепчонку. Хотя и не нравился ему этот новый милиционер-"капэпэшник" из-за неумеренной, напускной какой-то своей строгости, Макар сознавал свое не совсем законное проживание в выселенной деревне и потому держался с представителем власти сдержанно-вежливо.

— Ну что, дед, опять рентгены понес?

— Да какие рентгены! — Макар просяще улыбнулся и сам неприятно ощутил проскочившее в голосе подобострастие, хотя и минутное, но унижительное, будто уличили его в чем-то постыдном, нехорошем. — Какие там рентгены, Коляня! — продолжал уже твердо и убежденно. — Вчерась сам Щусов с химиком приезжали. Мерили и в поле, и на ферме. Мне по старой дружбе на всем огороде разведку произвели, и в хате, и в сараюшке. Все чин чинарем, фон, говорят, как в Сочах. Ты, говорят, Степаныч, прямо отличник гражданской обороны. А я им толкую, что не только в гражданской обороне кумекаю, но и в военной. Однако лучше все-таки не в обороне сидеть, а наступать. Наступаем, говорят.

Милиционер Николай и сам уже знал, что дела в Зоряном не такие уж плохие — практически миновало их чертово облако, так, кое-где пятнышками просыпалось... Но он, Коляня, оставался пока "при исполнении", раз пост не сняли у дороги, раз стоят солдаты-взвэшники караулами, а значит, спуску нельзя давать ни нарушителям пропускного режима, ни, что еще важнее, самому себе. Потерпеть надо — скоро замена будет.

Конечно, с дедом Макаром случай особый. Дед — это не нарушитель, даже наоборот, вроде дружинника в Зоряном остался, какой-никакой присмотр обеспечивает. Но Николай для порядка все же напомнил:

— Ты, дед, куда не положено, не лезь. А то ишь, Сочи нашел! Мне вот тут загорать не очень-то... Куда вот идешь? Небось опять в роту? — Тут в голосе милиционера прозвучала ревнивая нотка.

— Дак к солдатам, конечно, — охотно согласился Макар. — Куда же мне еще. С ребятишками веселее. У них сегодня автолавка должна быть, а у меня лезвия-то как раз кончились, считай, неделю не брился, как лешак хожу, а старыми скубстись уж не могу — все позатупились. А ты, Коляня, заходи, яблочками угощу. Сегодня антоновка страсть до чего хороша!

— Нет уж, дед, я лучше апельсинчики, нам, вишь, в паек по четыре штуки дали. И то хлеб... И тебе не советую яблочкито...

***

Макар шагал по знакомой дороге сквозь негустой сосняк. Чистый соснячок, потому что присмотр был хороший, контора лесническая рядом, да и ребята там подобрались работающие — холили лесочек-то. Места для охоты и рыбалки зна-атные!

Тяжелые БТРы и ЗИЛы вконец раздолбали неглубокую прежде колею. Через восемь-десять метров стояли сейчас лужи, раз он чуть не черпнул сапогом из такой ямы. Дальше пошел по усыпанной бурой хвоей обочине.

Прямо под ногами блеснул лакированной шляпкой масленок. Макар присел на корточки, разгреб вокруг грибка резко пахнущие горькой прелью прошлогодние еще иголки. Образцово-показательный, картиночный грибочек был весь из себя ровенький, плотненький, без единой червоточинки, с ярким канареечным подбоем. Макар не стал его трогать, но все же повел наметанным взглядом по ржаво-серому покрывалу — взыграл-таки в нем азарт грибника. Метрах в пяти увидел торчащий из земли флажок того же цвета, что и исподница пригожего масленочка. Ярко-желтый лоскут на железной спице вернул Макара к суровой действительности — ЗАРАЖЕНО!

Этот резкой желтизны флажок как отмахнул ровное Макарово настроение. Остаток пути старик шел тяжело, часто спотыкаясь о паутину корней, проваливаясь в присыпанные хвоей ямки, отчего заныла раненая нога. И неровно бьющееся сердце напомнило, что у военного доктора надо бы разжиться валидолом.

У таблички "Хозяйство Щусова" его остановил часовой и никак не хотел пускать — видно, из новых был солдатик, не знал еще деда. А когда подошел на звонок и выручил Макара старшина Ситников, выяснилось, что военторговской автолавки

сегодня не будет. Расстроенный, Макар решил малость передохнуть в курилке и двинуть обратно.

Тут из штабной палатки вышел сам Щусов. Увидел старого знакомца, улыбка разгладила изможденное хроническим недосыпом и бесконечными заботами лицо командира. Подошел подполковник, сел рядом:

— Ну, чтой-то невеселый, Степаныч? Не переживай — заселят опять зону-то, засе-лят!

Макар вдруг закашлялся, стал разгонять ладонью кислый чад сыроватой "Астры" и будто невзначай махнул пальцами по глазам:

— Отсырел табачок, черт его... — про-бормотал срывающимся голосом, будто смущенно.

Со Щусовым Макар никогда не точил лясы-балясы. Командир давно называл деда своим советником по особым вопро-сам. Старик знал местность. Щусов, когда проводил рекогносцировку, расставлял караулы, заслоны, посты, не стеснялся у Макара совета спросить и теперь не жалел об этом. Старик знал поименно всех жителей Зоряного и соседних сел. Когда в Липовицах на двух хатах обнару-жили сорванные замки, именно Макар вы-числил ворюшек и подсказал, где их взять. То были два известных шалопута: Сенька — Марьи-Шепетухи сын — и дружок его из райцентра. Пустили их в зону по пропуску — забрать кой-чего на машинном дворе, а они давай по хатам шастать, самогонку искать. Сам бы выдрал сопляков, кабы попались.

У солдат в городке, когда приходил, Макар тоже гостем не был: иногда сапож-ничал, мог и картошку чистить, сев в кру-жок с кухонным нарядом. Словом, свой был человек.

Вот и сейчас он охотно предложил свои услуги ротному старшине:

— Ну че, Сеня, какие дела не сделаны у нас, в чем загвоздка?

И хотя от Макаровой помощи на сегодня отказались, обошел он со старшиной хо-зяйство, показал ребятам, как укладывать поленицу, чтоб не намокла да не разва-лилась, подбил играючи две пары сапог, сменил прокладку крана на кухне и, только когда стало смеркаться, засобирался домой. Ситников его так просто не отпус-тил — сводил в брезентовую баньку, снаб-дил английскими лезвиями из личных за-пасов, дал пару банок тушенки.

Лезвия-то Макару как раз нужны были, а вот от тушенки стал он отказываться:

— Ты что же это думаешь, я оголодал в пустой деревне? Да я не только себя, целую роту твою прокормлю, — говорил он убежденно. — Я с мая со своей планта-ции питаюсь, с парничков. Все, что надо, есть — и чистое, без никаких рентгенов, потому как меры все знаем. Я и хлеб со своей муки пеку не хуже твоего.

— Бери, бери, дядя Макар. — Прапор-щик похлопал старика по плечу и рассовал ему гостинцы по карманам просторного пиджака. — Мясо-то в огороде не растет, а без него мужику не жизнь. Рубай тушен-ку, раз поросят твоих забрали. Да и по-мощь ты нам оказываешь, так что на до-вольствие тебя берем по справедливости. Командир приказал тебе паек выдать.

Макар сдался, услышав военные слова. Тушенку он, в общем-то, любил.

***

Всю обратную дорогу, весь вечер и еще полночи думал Макар об одиноком своем житье-бытье. Вспомнил, как причитали бабы, когда уезжали из села в мае. Слы-ханное ли дело — через сорок пять лет снова в эвакуацию ехать! Оно, конечно, и обидно, и больно.

Он вдруг улыбнулся сам себе, потер ще-тинистый подбородок: "Я-то, выходит, не зря в Зоряном остался, вроде на подполь-ной работе — крепость, ишь, не сдал". Вспомнил председателя сельсовета Игна-тия, как заставлял тот расписку писать: я, мол, такой-сякой, отказываюсь подчи-ниться властям и покинуть запретную для проживания зону...

Взбудораженный сегодняшним днем, наметив встать завтра пораньше, по-бриться и направиться при всех своих ор-денах-медалях на встречу с солдатами — замполит щусовский пригласил, Макар улегся часу, пожалуй, во втором. А как растаяла накопившаяся за день уста-лость, стал он смотреть сон, каких не ви-дывал да-авным давно...

Расчудесный садик, возле старинного замка с башенками по углам, гротами, до-рожками, посыпанными красным песком. Макар сидит на скамеечке, греется на сол-нышке, которое не слишком еще распа-лилось, но успело и травку, и листочки-цветочки приласкать. Только-только при-шла Победа, и потому дышится легко от самой мысли, что скоро домой. Не в окопы, а домой!

Ногу свою в гипсе, тяжелую, как березовая чурка, он бережно уложил на приставленном к скамейке костыле и накрыл полой выцветшего байкового халата. Птички поют чисто и неназойливо, цветочки разные душисто пахнут.

Вдруг сестричка Клава кричит: "Раненых привезли!" Кричит негромко так — еще неделю назад, когда война шла, по-другому кричали.

Клавдин крик нарушает безмятежную дрему Макара. Он открывает глаза и видит знакомого своего Щусова. Того несут в красивый госпиталь-замок. Лежит на носилках в полевом хэбэ, перетянутом портупеей, в кирзовых солдатских сапогах. Ни раны не видать, ни бинтов. Только на шее висит белая повязка, ну как у хирургов, когда на операции.

Щусов тоже увидел Макара, просит санитаров поставить носилки.

— Вот эскулапы чертовы, — смеется Щусов, — я ж не ранен, не контужен, а они меня сюда, говорят — надо.

— Раз надо — значит, надо, — успокаивает Макар. — Да ты не переживай, тут житуха неплохая, кормежка — высший класс. Тушенки — завались, расщедрились союзнички. А нам перед домом, сам понимаешь, не грех подхарчиться от души.

И вот уже сидят Щусов и Макар за накрытым по-праздничному столом в большой зале готического замка. Перед ними в огромной миске тонкого фарфора с розовыми ангелочками золотой горой лежат... моченые яблочки. Ядреные все, одно к одному. Только самую малость кое-где кожица сморщилась, вроде от собственной холодной кислинки поеживаются яблочки.

— Это ж где зампотылу антоновки взял? — удивляется вслух Макар. Все раненые тоже в удивлении, не решаются взять по яблочку. — Здесь разве ж делают моченые-то? А до мая их разве удержишь? Я вот как поставлю в погреб две кадушки на лед... И то ведь до мая не улежат — все за милую душу до весны подметаем. А после баньки на закуску — эх, хороша антоновка! Ну-ка. — Он берет яблоко, составляет клином большие пальцы с желтыми от махры ногтями, смачно разламывает подрагивающими от волнения руками антоновку.

Сверкающее рафинадное чрево крепко пахнет смородиновым листом, ржаным утренним полем, дубовой чистой кадушкой и... валидолом. Макар дышит не надыхит-ся этим волнующим запахом моченых

яблок, все сильнее втягивает знакомый с детства аромат, грудь его при каждом вздохе вздымается...

Утром щусовский замполит вошел в знобко дрожащий сад. Яблоки покрыты росой, блестящие капельки нет-нет да и срываются с гладкой, растянутой кипящими изнутри соками кожицы.

— Красиво! — вздохнул замполит. — Да только кому эта красота теперь?

Он постучал в дверь. Не дождавшись ответа, шагнул в темноту сеней, потом в горницу.

— Макар Степаныч! — позвал негромко и вдруг почувствовал, как нехорошо ворохнулось сердце. — Макар Степаныч, вы где?

На спинке стула висел пиджак с двумя красными звездами и медалями. На столе у окна — оранжевый прямоугольник английских лезвий и упаковка валидола — блестящие слезки, которые на вкус то ли сладкие, то ли горькие...

На снимке: корреспондент журнала "На боевом посту" майор В.Карпов в районе ЧАЭС. Май 1986 г.

Офицерские судьбы**ДВА МАЙОРА
НА КАПИТАНСКИХ ДОЛЖНОСТЯХ**

Закреплению офицеров на службе мешают отсутствие необходимых социально-бытовых условий, перспективы по службе, грубость и невнимательность со стороны старших начальников.

Из постановления военного совета внутренних войск МВД России.

**И СЛУЖИТЬ ТЯЖЕЛО,
И БРОСИТЬ ЖАЛКО**

Никогда не стремился на страницах журнала сталкивать между собой два противоположных мнения, существование которых среди офицеров общеизвестно: быть или не быть, служить или увольняться. И не только потому, что в нынешней жизни сплошь и рядом перевешивают доводы в пользу второго, а единственным аргументом в пользу "быть" подчас являются недостающие год-два до заветного пенсионного удостоверения. Просто мне как-то не попадался человек, который мог бы закрыть глаза на все социально-бытовые проблемы — основной фактор, способствующий стремлению офицеров к досрочному увольнению, — и без малейшего сомнения говорить о том, что нужно невзирая ни на что добросовестно выполнять свой воинский долг перед Отечеством.

С майором Сергеем Бойко мы познакомились поближе после его назначения на должность начальника штаба батальона, в котором я исполнял обязанности заместителя по работе с личным составом. В этот период комбат длительное время отсутствовал (отпуск, учеба в академии на заочном отделении), и мне одному пришлось несладко. Уже через неделю после прихода начштаба я почувствовал, что львиную долю висевших на мне обязанностей командира батальона он взвалил на себя. По горячим точкам помотался, а через год поступил в академию.

После завершения учебы мы встретились снова. "Ну как настроение?" — спросил я. Не скрою, думал, что он, как и большинство его сослуживцев, начнет сейчас неопределенно пожимать плечами и на

свою армейскую жизнь кивать, как на чехомодан без ручки: и нести, мол, тяжело, и бросить жалко, и служить дальше не вмоготу, и просто так полтора десятка лет выслуги оставлять неохота. Но вопреки моим ожиданиям он радостно улыбнулся, сказал, что у него все нормально, его, майора, временно определили на капитанскую должность в штабе полка, освободится место в батальоне — обещали комбатом назначить. "Увольняться не собираешься?" — уточнил я вопрос. "С какой стати?" — удивился он. — Хочу служить, военная служба мне нравится. А что тяжело, так где теперь легко?".

Было ясно, что напоминать ему лишний раз о трудностях — постоянных спутниках военных — бесполезно, он и сам все прекрасно знает. Но тем не менее на сакральный гамлетовский вопрос для себя отвечает однозначно: быть на военной службе. Эта встреча подтолкнула меня к размышлениям над таким вопросом: а действительно ли социально-бытовые условия являются определяющими в принятии офицером важного решения: служить или уйти в многообещающие коммерческие структуры.

Командование внутренних войск прекрасно осознает, что в ближайшее время стремление офицеров к досрочному увольнению будет оставаться. Об этом шла речь и на недавнем заседании военного совета войск. Определены соответствующие требования и к работе с кадрами: внимательно разбираться в причинах увольнения каждого офицера, искать дополнительные источники комплектования, принять меры по социальной защите офицеров и прапорщиков, получивших ранения и увечья.

Кстати, о социальной защите. Войсковые тыловики и финансисты делают все от них зависящее для разрешения этого вопроса. Только вот беда: вследствие несовершенства законодательства и нищенского финансирования имеем не те результаты, что хотелось бы. Подполковник В.Токарев два месяца пролежал в госпитале с тяжелейшими ожогами. За ранение получил страховку — полтора миллиона

рублей. Тут же восемьсот тысяч у него высчитали за госпитальное питание. Все по закону. В Санкт-Петербургской части мне показали рапорта офицеров, которые просят возместить им расходы на лечение. Они заболели или получили ранения в спецкомандировке, находясь в госпитале, из-за отсутствия лекарств и медикаментов покупали их за свой счет.

Когда я выезжал в командировку в Чечню, прихватил с собой и пачку писем, адресованных воинам одной из московских частей. Письма расхватили моментально — сколько радости было! Но, оказывается, не у всех. Позже поговорил с начальником штаба батальона, которого знал еще молодым лейтенантом.

“Увольняться я собрался, — горько, словно плач, выдохнул он. И после большой напряженной паузы продолжил: — Зачем мне такая жизнь? У меня первого сентября второй сын родился, я на него еще и насмотреться не успел. Несколько недель по военкоматам мотался по отбору призывников. Только вернулся — командировка в Чечню. Жена уговаривала: увольняйся, зачем тебе все это? А я не могу так. Что подчиненные скажут? Я должен был ехать. Честно отвоюю, сколько положено, потом уволюсь. — Затянулся сигаретой, хотя в комнатке и так от дыма не протонуть. — Ты вот мне письмо привез... лучше бы не привозил. Жена пишет, что жить не на что. Оставил я ей триста тысяч, а цены растут каждый день. Уже продала обручальное кольцо — никогда себе этого не прощу, серьги золотые, которые покупала себе еще студенткой на экономленную стипендию... Да что я, враг собственной семье? Все, уйду”.

К счастью, прошла минутная слабость, остался он все-таки на военной службе. Встретил его недавно, заинтересовался, как дела. Ответ был стандартным: “Служить тяжело, но и бросить жалко”.

О том, как и на что живут военные, знает вся страна: за оклад водителя троллейбуса подставляют свои головы под пули бандитов и экстремистов, порой только к концу службы обзаводятся своим собственным углом, постоянно мотаются по отдаленным гарнизонам, а там порой негде работать женам и нет возможности пристроить детей на учебу или в детские сады. Но тут закономерно возникает вопрос: почему в таком случае растет конкурс при поступлении в военные училища, а в суворовское со школьными тройками можно и не соваться? Видимо, дело здесь вовсе не в отсутствии больших окладов и наличии туманных перспектив на получение жилья, коль эти проблемы не пугают потенциальных обладателей золотых эплетов. И может быть, не так уж низок престиж военной службы, как это пытается

представить искаженное общественное мнение, иллюстрируя доводы отрицательными явлениями в армейской среде: самовольными уходами солдат, дедовщиной.

Во время моей очередной командировки в Санкт-Петербург я встретился там с одной сердобольной мамашей, приехавшей туда аж с Урала. До этого она исколесила весь Северный Кавказ, правдами и неправдами все-таки вырвала сына из чеченской войны. Но только стоило ему вернуться к месту постоянной дислокации части, как мать тут же забежала по кабинету управления округа в поисках покровителя, который помог бы устроить ее чадо в военное училище.

Я бы не сказал, что ею двигало единственное стремление — устроить сына абы куда, лишь бы он получил высшее образование. Дамочка была, с позволения сказать, из “новых русских” и не скрывала, что устроить сына в любой вуз для нее не проблема. Отчего в таком случае военное училище выбрала? Осознает ведь, что опасное это дело — война. Побывала там, собственными глазами видела кровь и грязь. Но тем не менее идет на то, чтобы сын получил воспитание и образование именно в военном училище. Оно понятно: здесь ему дурью маяться не дадут, к дисциплине приучат, да и спортом заниматься заставят.

В прошлом году я побывал в Восточном округе внутренних войск как раз в период, когда встречали прибывших туда лейтенантов — выпускников училищ. Молодые, одухотворенные лица, каждый мечтает стать генералом. Пытаюсь развеять их радужные мечты провокационным вопросом: “Служить-то будете? Или, столкнувшись с первой трудностью, забросаете командиров рапортами об увольнении?” — “Будем”, — отвечают в один голос. “Так ведь мало платят”, — не сдаюсь и я. “На гражданке не больше, да и просто так деньгами никто не бросается”, — со знанием дела рассуждают. “Квартиру лет десять ждать придется”, — открываю прелести военной жизни. “Ничего, — говорит безусый лейтенант, — пока молодой, можно и в общежитии или в казарме пожить. Я рано жениться не собираюсь”.

Тут в самый раз сделать небольшое отступление и завязать узелок на память тем, кто непосредственно занимается кадровыми вопросами. А ведь верно, никто из лейтенантов и не требует все в полной мере и немедленно. Вынь да положь материальные блага и обеспечь идеальные условия. Но, злоупотребляя их терпением, оттягивая решение бытовых вопросов до бесконечности и тем самым размывая какие бы то ни было перспективы, в конечном итоге недалековидные начальники

порождают ту неопределенность, которая и приводит к балансированию на грани: служить — не служить.

Видя такой оптимистический настрой выпускников саратовского училища, я все-таки попросил их ответить на вопрос: "Что может заставить уйти из войск?" Ответ был следующим: если больше трех месяцев не будут выплачивать денежное содержание; если неправомерно будут зажимать начальники, унижать чувство собственного достоинства и никто в такой ситуации им не поможет и не поддержит.

Я записал фамилии молодых лейтенантов и надеюсь, что журналистская судьба еще забросит меня в те края. Интересно пообщаться с ними лет эдак через пять, что они тогда петь будут? Хотелось бы, чтобы не разочаровались в выбранном пути. А многие ведь действительно уходят, и не только молодые, но и опытные. Но удается им распрощаться с армией только "за невыполнение условий контракта". Это они-то, ходившие под пули за Грозный, Шатой и Бамут, прошедшие все горячие точки бывшего Союза, не выполнят условий контракта?! Государство вроде и не обязывалось своевременно обеспечивать денежным содержанием, обмундированием, предоставлять квартиры? Единственное, чем обеспечиваются военнослужащие регулярно, так это вооруженными конфликтами и горячими точками. Отчаявшиеся в лице государства найти своего радателя и защитника, служивые люди спасаются бегством.

Анализ показывает, что проходит несколько этапов колебаний и сомнений, когда военнослужащий сначала принимает волевое решение об уходе, а потом отказывается от него, смиряется с судьбой и продолжает службу. На сколько еще его хватит?

Кстати сказать, почти все офицеры, примеры из жизни которых я приводил, служат и сейчас. Значит, есть основания полагать, что если причинами досрочного увольнения действительно являются социально-бытовые неурядицы, то побудительным мотивом к активным действиям — нечто другое. Помните, что говорили молодые лейтенанты о возможных причинах увольнения: "Если неправомерно будет зажимать... унижать чувство собственного достоинства..."

В этой связи мне кажутся верными слова командира части подполковника Василия Быкадорова: "Молодые офицеры тяготеют не столько службой и отсутствием бытового комфорта, сколько моральной обстановкой в коллективе, неоправданными разностями начальников, унтерпришибеходскими методами воспитания". В его части социально-бытовые условия не лучше, чем у других: питаемся-то все из

одной кормушки. И Василий Алексеевич, в отличие от командиров остальных частей соединения, никогда не препятствует увольнению офицеров или переводу в другие районы. Он просто приглашает подчиненного на беседу и пытается выяснить истинные причины. Если своими силами он может их устранить, вопрос снимается с повестки дня, если нет, командир части говорит: "Считаешь, что там тебе будет лучше — я препятствовать не буду". А в результате — текучесть кадров самая низкая среди частей Восточного округа.

К сожалению, не все руководители так работают, а выводы военного совета, что "закреплением офицеров на службе мешают... грубость и невнимательность со стороны старших начальников", многие воспринимают как формальное, дежурное высказывание.

"НОВЫЕ РУССКИЕ" В ПОГОНАХ

Нет, не все офицеры, обиженные судьбой и начальниками, сразу же бросаются писать рапорта на увольнение. Да только вот войскам не легче от того, что многие из них остаются в строю. Более приспособленные к выживанию в экстремальных условиях избирают другой путь: на стороне находят себе приработок, который порой больше их армейского денежного содержания, и посещают свое подразделение до тех пор, пока разгневанные их бездеятельностью начальники сами не поставят вопрос об увольнении. Уходят те без сожаления, а их сторонний приработок становится постоянной высокооплачиваемой работой. Да, они знают, что это противозаконно. Но и оправдаться в случае чего можно элементарно: детям кушать хочется. Однажды мой знакомый заместитель командира роты рассказывал, что его командир предлагал еженедельную доплату, лишь бы тот не поднимал шума и не возмущался его постоянными отлучками из подразделения в рабочее время, другой офицер таким же образом пытался нанимать сослуживцев вместо себя на дежурство.

Заместитель по работе с личным составом командира одной санкт-петербургской части подполковник Александр Иванов так и назвал их: "новые русские" в погонах. Даже определил их характерные черты: у них светлеет взгляд, исчезают усталость и мешки под глазами; они считают себя умнее сослуживцев, носят золотые перстни-печатки; выступают эдакими уставными эрудитами, неплохо знают законы и пытаются качать права; на службу ходят только в новой военной форме, всегда выглаженной и аккуратно подогнанной; на замечания старших реагируют

надменной ухмылкой. В кабинет к начальнику заходят, как референт к министру; задачи выслушивают равнодушно, по пустякам не возражают; если не удается доказать, что порученное им дело невыполнимо из-за каких-то объективных причин, молча бойкотируют его выполнение; стараются попасть на должность, которая представляла бы больше свободного времени и ни в коем случае не была связана с частыми выездами в горячие точки. Никогда не расстраиваются по поводу служебных неудач.

Заметки о человеке, о котором речь пойдет ниже, должны были появиться на свет более года назад. И построить их я собирался несколько по-иному. Но незавершенность уголовного дела о гибели солдата в его батальоне не дала возможности взяться за перо раньше. Хотя офицеры части, узнав, что я представляю войсковой журнал, в один голос просили выступить с публикацией в защиту Комбата (будем называть его так). Сам офицер, подавляя нотки обиды и горечи в голосе, рассказал свою историю.

Перешел он во внутренние войска из Российской армии. Вскоре назначили командиром батальона. Служил хорошо, получал поощрения, поступил в Военную академию им. М.В.Фрунзе, после рождения третьего ребенка перевелся на заочное отделение. Со своим "летающим батальоном" не вылезал из горячих точек. И вот случилось это несчастье: на почве неуставных взаимоотношений погиб солдат. Забегая вперед, скажу, что убийца так и не был найден, а подозреваемый отпущен на свободу за недостаточностью улик. Зато Комбат получил на полную катушку: его после двух лет учебы отозвали из академии, не дали возможности получить очередное воинское звание подполковника, сняли с должности и назначили с понижением аж на капитанскую. Сначала смирился, понимал, что есть доля и его вины. Надеялся, что добросовестной службой заработает возвращение на прежнюю должность. Тем более что длительное время она так и оставалась вакантной. Все десять человек, коим ее предложили, отказались наотрез. Кому охота постоянно летать в горячие точки? А когда часть нужно было срочно отправлять в зону осетино-ингушского конфликта, Комбату предложили возглавить подразделение временно исполняющим обязанности с неопределенным намеком, что, может быть, его и восстановят в должности. Согласился, выполнял задачи добросовестно, заменил получившего ранение начальника разведки полка. Хотел служить и все еще не терял надежды на возвращение в свой батальон.

Я не был свидетелем перемены его

взглядов на службу. Но только когда в очередной раз оказался в этой части и спросил о судьбе офицера, мне сказали, что его теперь на должность комбата не заманишь никакими кренделями с медом. Ни в какой защите он больше не нуждается, не собирается он восстанавливаться и в академии, да и очередное воинское звание вроде как ни к чему. Неплохо Комбату и на "ссылной" капитанской должности. Он единственный в полку подписал контракт по пункту "б" статьи 33-й Закона Российской Федерации "О воинской обязанности и военной службе" (о прохождении военной службы в кадрах конкретной военной части), уже несколько раз побывал за границей, у него появилась машина, он строит дачу и с оптимизмом смотрит в будущее. Он уверен, что всех социальных благ, так недостающих когда-то гражданину страны развитого социализма да и нынешнему защитнику Отечества, он добьется своим трудом. Правда, для этого ему придется изображать если не научную или преподавательскую, то уж "кипучую творческую деятельность" — это точно. Это надо уметь: и с законом быть в ладах, у строгих командиров гнев не вызывать, и успешно вершить свои дела на стороне.

Этот майор не искал себе теплую должность, начальники "наказали". Похоже, напугали ежика голым задом. Нет, службу он несет исправно, без замечаний. Теперь его заботит только одно: не подать повода для того, чтобы командование поставило вопрос о его увольнении до выслуги лет, дающей право на пенсию.

Два майора оказались на капитанских должностях по разным причинам. Первого назначили после окончания академии с перспективой на должность командира батальона, второго перевели на нижестоящую должность в качестве наказания. Хочу высказаться не столько в защиту конкретного человека, хотя, считаю, и это сделать необходимо, сколько в защиту войск. Можно сколько угодно сетовать с высокой трибуны военного совета, что "уходят опытные и работоспособные офицеры, падает профессионализм кадров", но, если на местах кадровики-дилетанты к тому же будут еще и "уходить" подобным образом опытных офицеров, утолить кадровый голод удастся не скоро.

Командир части в Санкт-Петербурге как-то сказал мне: "Сегодня в армии служат или истинные патриоты, или глупцы, которые ни на что в жизни больше не способны".

Хочется надеяться, что все-таки большинство — истинные патриоты.

Майор И.МУЧАК.

Наболело!

“ПОШУМЕЛИ СТРЕЛЬЦЫ”

ХОРОШО живет семья прапорщика! В новом районе Санкт-Петербурга свой дом уцелел, деревянный, в четыре окна. А где дом, там и огородик, пять яблонь, на которые пацаны из обступивших домик многоэтажек летом бросают алчные взгляды. Завтрак, обед и ужин натуральные, без обмана и химий всяких: квашеная капуста и картошка. Все на своей земле выращено. Хорошо! Вот хлебушек, правда, из солдатской столовой, нарезанные искрошившиеся куски. С лотка остатки. А где еще взять хлеб военному для семьи, ежели зарплату не платят два с лишним месяца? Даже отпуск свой полуторамесячный, выслуженный за двадцать лет, без копейки отгулял. Дети же как галчата, знай рты раскрывают. Дочери младшей завтра в школу — каникулы кончились, так на чистые тетради последнюю зачанку потратили. И смех, и слезы...

В ВОИНСКОЙ части оживление. Привез с Севера “купец” сорок с лишним солдат, решивших подписать контракт на службу в Санкт-Петербурге. Довольны солдатики: для них Питер после Коми, как Париж для д’Артаньяна — город больших возможностей. Думаю бойцы: вот контракт о государственной службе подпишем — и отсыпят каждому “мешок ливров, пистолей и эю”. Опять же в увольнение хоть каждый день. А то, что форму придется три года носить, так что ж, форма — это не просто пальто с погонами, форма — это социальный статус. Вот как разъяснил заманивший их в Питер “купец”.

...РЯДОВОЙ Вадим Родин на вышку поднялся, принял пост. Дело привычное — караул. Три часа на вышке, три часа на подмене, еще немного — и сутки долой. Ночь отдохнешь в казарме, снова служба

— через день на ремень. Впрочем, солдату к ней не привыкать.

Светят прожектора, рассеивая холодный мрак. С вышки станцию видно, железную дорогу. Всю ночь поезда идут. Сначала из Питера в Москву, а ближе к смене, в шесть утра, из Москвы в Питер. Окна вагонов темные, спят пассажиры. Через год и Вадим Родин по этой же дороге домой поедет. Уж он-то спать не будет, обязательно посмотрит из окна вагона в последний раз на вышку свою и на колонию, которую охранял.

РАНО утром, перед службой, прапорщик собирал в школу дочку. Проверял, что сложили в старенький ранец с вечера: учебники, ручку, карандаши и тетрадки, доконавшие семейный бюджет. Ну ничего, зато теперь “экипировка” на уровне.

А вот и в дверь позвонили. Верно, старшая подружка за дочкой зашла. Самому-то отцу семейства нет времени ее до школы провожать, на службу пора, чтобы, как дочка говорит, плохих дядей стеречь. Да только не подружка с бантом на пороге стояла. Монтер пришел с мастером из РЭУ свет отключать. И сразу в крик в два голоса:

— Что же вы, а еще военный?! Вам и льготы дали, а не платите. Вот провода перережем, посидите со свечкой, небось сразу деньги найдутся!

Пытается прапорщик объяснить, что не найдутся, что третий месяц только за счет огорода и живет. А у самого от унижения руки дрожат. Попробуй тут объяснить! Все верно: задолжал — плати.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ командира части подполковник Владимир Пешня хмурится в усы. Вроде радоваться надо: столько волонтеров в одночасье получили. А он невеселую думу думает. Пришло время охранные задачи “союзникам” из ИТУ пере-

давать, подразделения же должны быть укомплектованы контрактниками минимум на 70 процентов. Где те проценты? Вот и везем солдат из глубинки. Конечно, было б лучше местных жителей заохотить. Они и с жильем, и с семьями, люди, как правило, степенные, надежные. Не то что зеленые мальчишки, у которых ветер в голове. Да только послужив несколько месяцев, помыкавшись без зарплат, кланяется питерский контрактник и говорит:

— Извиняйте, товарищи дорогие, пойду-ка я дальше счастья искать. У меня семья, чувством долга ее не накормишь. У меня перед ней долг, чтобы дети сыты были.

Ну а солдат, он чему рад? Что вчера получал гроши, а сегодня ему финчасть сотни тысяч нащелкивает. Правда, больше на бумаге. Обманываем, стало быть, и солдатика...

Сегодня укомплектуем роты охраны в пожарном порядке, передадим из внутренних войск в СИД (служба исправительных дел), а завтра руководители СИД за голову схватятся. Ведь ни у кого из стражей ни квартиры, ни комнаты в общежитии. Семьями обзаведутся, и сразу — дай. С радостью дали бы, да откуда взять. Офицеров вон селить негде. Стало быть, и контрактники, набранные щедрым на обещания "купцом" в медвежьих углах, тоже вскорости сделают ручкой. Словом, куда ни кинь, все клин.

И все же познакомиться с парнями надо, поговорить по душам.

— Товарищ подполковник, рядовой Арутюнов по вашему приказанию прибыл.

— Присаживайтесь, Сурен Ремилевич. Что же, будем контракт заключать?

— Никак нет, не будем, — глядя заму в глаза, весело говорит рядовой.

— Как же так? — удивляется офицер. — Или в документах напутали?

— Никак нет, не напутали, — объясняет Сурен. — Мать у меня в Петербурге на рынке торгует, помогать надо, а тут возможность в Питер перебраться... На контракт не пойду, денег мало-мало. На рынке больше.

Одно только и можно сказать в утешение, что случай этот нетипичный. Подполковник Пешня в своем блокноте так и пометил. А рядовой Арутюнов поехал назад в Республику Коми, дослуживать срочную.

***

МЕДЛЕННО тянется ночью время на посту. Днем хоть осужденные по зоне без дела слоняются. Наблюдаешь за ними, следишь, как бы кто из жуликов к запретке не приблизился, и часы бегут быстро-быстро, как скорый поезд Петербург—Москва. А ночью вокруг ни души. Тоска. Однако тосковать до потери бдительности часовому не положено. Тем более участок под охраной рядового Родина самый по-

бегоопасный. Вышка на углу стоит, к городу и станции ближе всего.

Словно прочитав мысли часового, угадав тоску караульную, двое осужденных вынырнули из тени у барака и быстрым шагом — прямо к вышке...

***

В КОМНАТЕ отдыха караула чайник закипает, и беседа идет под струю, на точке кипения:

— Это принцип такой, — объясняет товарищам сержант, — голодная собака всегда злее. Ты ее примори, потом только скажи "Фас!". Так и нам скажут: это те нехорошие дяди в наших бедах виноваты, ату их, ребята!

— Выборы скоро, — мечтательно говорит прапорщик. — К выборам непременно должны долги вернуть. А то совсем невмоготу. Народ кругом бастует, вот и наши контрактники отказались нести службу, пока зарплату не выплатят.

А третий в кругу бодствующих караульных книгу читает, историческую, "Петр Первый". И охота ему слово вставить, да больно книжка интересная: "Пошумели стрельцы. Истребили бояр: братьев царицы Ивана и Афанасия Нарышкиных, князей Юрия и Михайлу Долгоруких, Григория и Андрея Рамодановских, Михайлу Черкасского, Матвеева, Петра и Федора Салтыковых, Языкова и других — похуже родом. Получили стрелецкое жалованье — двести сорок тысяч рублей, и еще по десяти сверх того рублей каждому стрельцу наградных. (Со всех городов пришлось собирать золотую и серебряную посуду, переливать ее в деньги, чтобы уплатить стрельцам.) На Красной площади поставили столб, где с четырех сторон написали имена убитых бояр, их вины и злодеяния".

***

ПОКА в караульном помещении кипит беседа "за жизнь", осужденные к вышке подбираются и на ходу солдата охмуряют начинают:

— Земеля, слышь, земля, — тихонько окликает часового первый, коренастый белообрый крепыш. Голову запрокинул, прямо в глаза Вадиму смотрит заискивающе. — Как служба, браток?

Не обрадовался им "земеля", связался с караулом, чтобы прислали ДПНК и резервную группу. Запрещено ночью по промышленной зоне ходить, нельзя с часовым на вышке разговаривать. Да видно, приперло этих двоих. Белообрый умолк, второй заговорил, серенький такой, приметный:

— Служба! Будь человеком, отпусти прогуляться. Сели по глупости, статьи смешные, 146 и 148 (разбой и рэкет, между прочим, хотя по сегодняшним дням

дело обычное. — Авт.). Да срок навесили не смешной. Давай, служба, мы тебя сказочно богатым сделаем. Ну, что молчишь? Ты что, немой?

А что тут ответишь? Клацнул рядовой Родин затвором автомата:

— Стой, ни с места!

Убедительней ответа и не бывает.

***

В ЧАСТИ ЧП. Нет, речь не о зарплате. Что ее нет, это давно уже не ЧП.

И пальбы с кровью не было. Хотя дело к тому шло.

Значит, взял прапорщик утром автомат из пирамиды и почувствовал, как руки ходуном ходят, и больше всего захотелось ему, зарядив оружие, с недостижимыми обидчиками поговорить, которые после двадцати лет верной службы до последней черты его довели. Да что толку! Такие разборочки только себе дороже... Подумав об этом, прапорщик скрипнул зубами, от греха подальше автомат в пирамиду поставил, еще и предохранительную коробку сверху накиннул, на всякий случай.

А ЧП вот какое: пятнадцать военнослужащих-контрактников отказались в караул заступать. Поскольку, говорят, "из-за повышенного эмоционального состояния боимся брать в руки оружие".

***

УБЕДИЛ осужденных аргумент рядового Вадима Родина. Как затвор автомата клацнул, кинулись они от вышки подальше:

— Эх ты, служба, мы тебе хотели пятнадцать тысяч отстегнуть. — Это уже Родин из-за баракос услышал. — Но ты все же, солдат, подумай.

А чего тут думать?! Конечно, пятнадцать "кусков" больше его одиннадцати тысяч восьмисот рублей солдата срочной службы, что государство за службу платит. Вот только счет здесь другой, уж больно деньги "грязные".

У КОМАНДУЮЩЕГО округом своя головная боль: как войска накормить. При денежном дефиците вопрос о хлебе насущном поглотил все другие проблемы. А ну-ка, посади бойцов на голодный паек — что они запоят? Сегодня доведенные до отчаяния контрактники во весь голос заявили о своих правах, а завтра...

Выделил командующий из своего резерва по сто тысяч рублей каждому "бастующему" волонтеру, чтобы притупить конфликт. Ну а что дальше? Ведь сумма долгов округа растет с каждым днем.

НЕДОЛГО рядовой Вадим Родин на посту "скучал" после визита непрошенных гостей. Не успели ДПНК с контролерами до вышки добраться, как вернулись двое ночных собеседников часового. Лестницу с собой приволокли метра на четыре и

сумки. Так сказать, с вещами на выход. Только вот незадача: "на выходе" этом часовой упрямым оказался.

— Служба! Ты не понял, наверное, — запели осужденные дуэтом, — мы тебе пятнадцать тысяч не рублей, а долларов отстегнем. Легко. Слышь, ты только отвернись на минутку.

Хватает Родин трубку связи с караулом, торопится. Слова горло пересохшее царапают:

— Товарищ старший прапорщик, они снова здесь, они с лестницей, они деньги предлагают, — говорит Родин, а сам с осужденных глаз не сводит, крепче сжимает автомат.

И знает Родин, что он один сейчас предотвратит побег может, всеми средствами, вплоть, вплоть... Палец часового лег на спусковой крючок.

— Стой, назад!

— Так что, договорились? — смотрит на него осужденный, демонстративно не реагируя на окрик. — Когда тебе еще пятнадцать тысяч "зеленых" предложат?

Увидел краем глаза Родин, что подбегают к вышке ДПНК и начальник караула старший прапорщик Иван Гринюк с резервной группой, снял палец с крючка, застыл:

— Теперь лезьте.

***

"ЗА ЧЕСТНОСТЬ и неподкупность". Строки приказа о поощрении рядового Родина можно адресовать и многим другим военнослужащим внутренних войск. Проверки на честность, неподкупность устраивают им каждый день. И не только уголовники.

Пятнадцать тысяч долларов — ровно столько и надо, в пересчете на рубли, чтобы выплатить зарплату воинам этой части. Такие деньги легко находят преступники. А государство? Вместо того чтобы честно рассчитаться с долгами армии, силам правопорядка, государство продолжает испытывать терпение своих защитников.

Идет время, ничего не меняется. Канули в Лету одни предвыборные обещания. На очереди — новая лапша на уши доверчивым россиянам. А на столы финансистов густо, как снежинки в метель, ложатся телеграммы из частей: денег нет... Крики о помощи.

Жестокое и несправедливое испытание. Неужели кому-то надо, чтобы вновь "пошумели стрельцы"? Нельзя допустить этого. Никак нельзя!

Капитан А. МАКАРОВ.

Северо-Западный округ внутренних войск.

Литература и мы

ВАРИАЦИИ
НА КОНВОЙНУЮ ТЕМУ

Конвойная тема в литературе. Что это такое? Да то же самое, что, скажем, производственная, деревенская, военная, милицейская, семейно-бытовая... То есть изображение писателем жизни конвойных частей и подразделений с их специфическим предназначением.

Не претендуя на полноту исследования, я как рядовой читатель беру лишь некоторые заинтересовавшие меня произведения последних лет.

Несомненно, своего рода пионером конвойной темы, ее бесспорным авторитетом стал А. Солженицын с его "Одним днем Ивана Денисовича", увидевшим свет в конце 1962 года уже на излете хрущевской "оттепели" и вызвавшим взрыв восторга у одних и негодование у других.

Следом голоса хулителей и разоблачителей "конвойки" (а точнее — конвойной охраны системы ГУЛАГа) звучали многократно: в воспоминаниях бывших узников, известной лагерной литературе — книгах В. Шаламова, Л. Разгона и других. Но там речь шла, подчеркиваю, об охране, к современному внутреннему войскам никакого отношения не имеющей.

Немалую дань конвойной теме отдал С. Довлатов в своей "Зоне", опубликованной вначале за границей, а затем и в России. Вне сомнения, одаренный, ныне покойный писатель, в свое время служивший в одной из наших частей в Коми АССР, предупредил, что у него "имена, события, даты — все подлинное". И, читая "Зону", я встретил там знакомые фамилии командиров, названия населенных пунктов. Довлатов, правда, службы солдат касается лишь частично, ибо смотрит на мир осужденных глазами надзирателя, или, как позднее стали именовать, контролера по надзору. Но везде повествование ведет ровно, без злопыхательства.

А что же у других?

Вот, отложив в сторону незавершенную рукопись финальной части своей "главной книги о войне", Виктор Астафьев к 50-летию Победы выдает на-гора повесть "Так хочется жить". В ней он дарит своему герою — солдату Коляше Хахалину —

почти всю биографию Лешки Шестакова из "Проклятых и убитых" и подбрасывает Хахалина — этого вралю и пустомелю — на некоторое время покантоваться в ровенский конвойный полк. Поскольку полк такой в указанное время действительно существовал и я знал многих достойных людей, служивших в нем, не без удовольствия прочитал в прошлогодней октябрьской книжке журнала "На боевом посту" письмо Вячеслава Елагина, который фактами начисто отменил домыслы маститого прозаика. "Все было не так" называлось письмо бывшего лейтенанта. Да и как можно молчать, если часть твоя походя, ради "художественного приема" аттестуется как "червивая помойка", а на ее людей с каким-то остервенением выплеснуто столько злобы и ненависти, что легковверному читателю впору содрогнуться от ужаса и негодования.

Да и судите сами: в этом "конвойном полку" толклось множество рядовых и командиров, успешно отсидевшихся в тылу, пресмыкающихся, исподличавшихся. Израненные фронтовики, прибывшие на пополнение, не могли не вступить в конфликт с этой шайкой. И вступали. Дело доходило до мордобоя, в котором верх, конечно же, держали кадровые конвойники — отъевшиеся, здоровые ребята. Нестроевиками разбавляли в ротах это сытое и наглое кодро, которое объединенно вело подлое дело..." И это еще не все. Читаем далее: "Конвойный полк кишмя кишел доносчиками, предателями, подлецами", делеги из этого полка тащат все, что под руку подвернется — "манатки, золотишко, серебряную утварь". Если раньше они ни в чем не повинный народ выселяли деревнями, то теперь "целые районы гонят. Грузят да увозят. Прежде давали людям собраться, хоть что-то необходимое взять с собой, ныне дают час на сборы и, как скот, гонят табунами на станцию".

Впрочем, действия личного состава полка Астафьев и не так живописует. Послушать его, так они там по десятку деревень, зараженных бандеровщиной, оцепляли броневиками да танками (которых в

конвойных частях и в глаза-то не видели!) и к ночи сгоняли все население в эшелоны. По-моему, по лихости и безответственности лжи наш маститый автор превзошел хулиганствующих самостийников из УНСО и прочих постбандеровских курий, реанимированных ныне на Украине.

И ведь ясно, что и вся эта повесть, и ее "конвойный" фрагмент не прибавят славы Астафьеву. Что это лишь одно из проявлений конъюнктуры и того последовательного дрейфа к берегам оголтелого антикоммунизма, который за последние годы все ярче проявляется в творчестве этого талантливого писателя.

Но если астафьевские выдумки коснулись времени, отдаленного от нас на полвека, то М.А. Дудин как-то неожиданно, словно из-за угла ударил, сочинив своего рода антигимн конвойным войскам, появившийся в 1989 году сначала в "Ленинградской правде", а затем в журнале "Нева".

*Весь мир объемлет сразу
Смертельная тоска.
Выходят по приказу
Конвойные войска...*

Прочитав такое, офицеры старшей конвойной части города на Неве были буквально ошеломлены. Они ведь помнили, как незадолго перед тем Михаил Александрович, будучи их гостем, произносил проникновенные слова о том, сколь важна, сложна, а главное — необходима их служба, какого всенародного уважения достойны люди, поставленные на передний край борьбы за оздоровление общества, за искоренение преступности. Ему аплодировали. И вот вам:

*Идут железным строем
С редута на редут,
И Время под конвоем
В Историю ведут.
Их постоянный спутник —
Решительный успех.
Весь мир для них — преступник,
Они превыше всех...*

И далее в таком же агрессивно-разоблачительном ключе.

Поддержав возмущение ленинградцев, мы в совете ветеранов ГУКВВ решили направить в областную газету протестующее письмо за подписью бывшего командира ленинградской дивизии внутренних войск Героя Советского Союза генерал-лейтенанта в отставке В.И. Сентюринна. Ни ответа, ни привета из редакции, увы, не последовало.

У меня несколько раз возникало желание самому связаться с М.А. Дудиным, моим земляком, с которым встречался в Иванове еще в 1938 году, за год до его призыва в Красную Армию. Письмо с укором и сожалением я не послал, расценив,

что "перестроечный вывих" будет эпизодом, не более, в биографии выдающегося советского поэта...

Не уверен, что все негативное о конвойных войсках попало в поле моего зрения, и потому остановлюсь еще лишь на двух произведениях, из числа самых свежих, увидевших свет в популярных столичных журналах.

Нет сомнения, что уважающий себя писатель рассчитывает в первую очередь на то, что его новое произведение придет к читателю, а не ляжет тяжким грузом в ящик рабочего стола. Однако с читателем у нас сейчас, как кое-кто выражается, напряженка. Тиражи толстых журналов, достигавшие пять-десять лет назад миллионных отметок, катастрофически упали. У "Нового мира", "Знамени", "Октября" они не превышают ныне 20-30 тысяч и склонны уменьшаться и дальше. Не скажу, что поголовно "самый читающий в мире народ" сегодня уткнулся в скандальные страницы "Московского комсомольца" или детективно-сексуальную развлекаловку, но уверен — из сотен посетителей библиотек в лучшем случае встретится один-два, кто прочитал, к примеру, журнальные варианты новых книг О. Павлова и А. Бородыни. Во всяком случае среди моих знакомых никто их даже в руках не держал. А ведь обе книги на конвойную тему.

"Казенная сказка" молодого прозаика Олега Павлова появилась в июльском номере "Нового мира" за 1994 год. Более или менее регулярно следя за публикациями зальгинского журнала, я и сам сразу не обратил на нее внимания, несмотря на то, что именно этой публикацией открывался номер и посвящение у нее было броское и интригующее: "Русским капитанам... на чьих горбах да гробах покоилось во все века наше царство-государство". Лишь год спустя, узнав, что "Казенная сказка" наряду с наделавшим шуму романом Г. Владимова "Генерал и его армия" реально претендует на Букеровскую премию, я взял старый журнал. Да и как не взять, если вот так преподносит читателю новоявленного сказителя его доброхоты из демократически настроенных литературных изданий: "Возникший словно из ниоткуда(?) Олег Павлов открыл нам совершенно неисхоженный угол России (с каких пор Караганда, а именно там происходит действие, оказалась в России?—И.Б.), привел читателя к вертухаям, солдатам и командирам, вроде бы стерегушим лагерь. Этим бедолагам еще страшнее, еще безысходнее: ни надежд, ни желания жить". Перед нами "драматичная повесть об идиотизме армейской жизни в "мирное" время".

Олег Павлов и человек еще молодой, и писатель тоже. В 1988-1989 годах он что-то около полугода — так мало, что, по собственному признанию, даже стрелять не научился, — прослужил в конвойной части в Караганде и, отлежав в госпитале с травмой головы, был комиссован по болезни. Однако наблюдений "со службы" сумел вынести изрядный запас, которого хватило сначала на цикл "Караульных элегий" и "Записок из-под сапога", а затем и на заманувшуюся на Букера "Сказку".

О карагандинском полке, а если точнее, о затерянной в глухой степи, в поселке Карабас его 6-й роты с капитаном Хабаровым во главе рассказывается Павловым. Что ж, и поселок такой — давнего, еще "лагерного" происхождения — есть, и рота там службу свою несла. Но "по-сказочно-му" ли? Вот в чем вопрос.

Повесть Павлова по духу своему, по мраку и безысходности чем-то близка астафьевским "Проклятым и убитым". Отличается же от исходящего злобой астафьевского письма этакой снисходительной добротой, сострадательностью, щадящим авторским режимом в отношении главного героя, которого он тем не менее не спасает от гибели.

Тяжко, безмерно горько читать о беспробудном быте роты, которой командует доброй души служивый человек Иван Яковлевич Хабаров. Все там пьют, воруют, грызутся, иногда занимаются мордобоем. А над ними глумится, измывается подлый, невежественный "особист" прапорщик Скрипицын, перед которым и сам командир полка полковник Победов лебезит. Словом, картина воистину сказочно-кошмарна: солдаты бегут из роты, зеки — из колонии, дозорные на вышках спят пьяные, офицеры вообще безбожно спиваются. Перед читателем предстают бесправные и униженные командиры, замороченная, безликая, лишенная каких-либо интересов, кроме самых примитивных, солдатская масса, или "солдатня"...

Если бы речь шла о каких-то мифических, созданных бредовой фантазией автора фигурах, иначе говоря, действительно сказочных персонажах — еще куда бы ни шло. Но тут совершенно конкретный адрес. К тому же наверняка и рота, и полк эти в суверенном Казахстане сохранились... После всего этого о нелепостях, несуразностях, проистекающих просто от элементарного незнания, некомпетентности автора уже и говорить не хочется.

Абсурдом, модными в нынешней литературе постсоциалистического реализма бредовыми ассоциациями заполнены и страницы романа Александра Бородыни "Гонщик", увидевшего свет в десятом номере "Октября" за прошлый год. И опять-

таки географические координаты происходящего обозначены довольно точно: женская колония в приморской тайге даже с экзотическими уссурийскими тиграми.

Повторять весь набор нелепостей, которыми избобилует повествование, не то что не хочется — неприятно. Скажу лишь, что часовые там спят на вышках привязанные к барьеру, дабы не рухнуть вниз и не быть похищенными зечками. Вышки же эти оснащены пулеметами, а по колючей проволоке, ограждающей периметр, пропущен электрический ток. Одна из "героинь" — надзирательница прапорщик Иванова внутри зоны ходит с заряженным пистолетом, бьет им осужденных, открывает стрельбу. И опять-таки все беспробудно пьют. Даже генерал, командир дивизии, отправляясь с Дальнего Востока по делам службы в Москву, самолету предпочитает поезд, чтобы за долгую дорогу власть поьянствовать... Вот такая она, служба в войсках, называемых внутренними, с задачами конвойными.

Между прочим, весь этот бредовый сумбур на лагерно-конвойную тему в журнале, редактируемом А. Ананьевым, тоже поставлен в голову номера — стало быть, гвоздевой. Что ж, приходится лишь констатировать, что поливание грязью армии, войск МВД, вообще людей в погонах, начатое при Горбачеве, и по сей день остается признаком хорошего тона.

Да, армия и ее люди не без греха, они из того же материала, что и все наше общество. Но эти люди зачастую еще и подставлены, и преданы политиками, бросающими их в пекло межнациональных конфликтов. Так что "идиотизм армейской жизни", о котором так много говорят иные писатели и критики, не что иное, как идиотизм нашего сегодняшнего дня. Так может быть, хватит нам в литературе придурка Чонкина? Надо ли плодить новых, ему подобных?

Непосредственно в конвойных частях я не служил. В 60-е годы вопреки высокому начальственному суждению о том, что служба по охране ИТУ почетна, я высказывался за более скромную и точную ее квалификацию — без акцента на почетность, а подчеркивая ее государственную важность. За это был публично критикован. В общем, литературные описания на конвойную тему не наносят мне личных обид. Но за тех, кто в конвойных частях служил и служить продолжает, мне становится обидно, читая иные литературные произведения. И за убожество такой литературы тоже обидно.

И. БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

Вышла книга* о Чечне. Первая, написанная не витиевато-дипломатичным языком полшника или метким, оплоченными фразами публициста, а языком участника тех событий, языком пахаря войны — российского офицера.

Этой "раненой весной" 1995 года Андрей Евгеньевич Кулаков, заместитель командира соединения внутренних войск, исполнял обязанности заместителя военного коменданта Грозного по работе с личным составом и среди населения. А уже к концу года в Красноярском издательстве "Горлица" вышла книга "Раненая весна" — своеобразный отчет о работе, проделанной комендатурой Грозного, состав которой в тот период был полностью сформирован из офицеров Сибирского округа внутренних войск. Сергей Глебович Быков, предприниматель и меценат, чья помощь и позволила книге увидеть свет, в предисловии пишет о ней: "Эта книга о войне пронизана искренней любовью к России, к солдатам — этим мальчишкам, одетым в военную форму, живущим на российской земле и умирающим за российскую землю. Уверен, придет время и им поставят памятники. А пока пусть эта небольшая, но честная книга солдата о чеченской войне будет памятником этим парням, честно выполнившим свой долг".

Да, памятников эта война оставит немало. И не только доблести и героизму российского солдата, но и неповоротливости нашей экономики, предательству государственных интересов, пренебрежению правами тех людей, которые проливают кровь свою за целостность государства Российского. Уже с первых страниц книги, когда читаешь написанное сугубо гражданским человеком, генеральным директором муниципального торгового дома "Центр Сибири" Сергеем Быковым, становится ясно, какая это война и для кого "гражданский долг" не пустые слова. "К нам... стали обращаться за помощью военные, уезжающие на Кавказ. В это трудно поверить, но люди, отправленные правительством могучей державы на войну, просили помочь им теплой одеждой, продуктами, палатками и спальными мешками... Невозможно представить себе, чтобы в какой-либо другой цивилизованной стране мира солдаты, посылаемые

* А. КУЛАКОВ. *Раненая весна*. Красноярск: Горлица, 1995.

государством на смерть, сами собирали себе на войну одежду, харчишки!"

Но несмотря на это воины-сибиряки достойно показали себя в ходе боевых действий, во время восстановления нормальной жизни населения на освобожденной от боевиков территории. Находясь в составе комендатуры, многие офицеры по сути представляли органы местной власти даже и после того, как таковые были сформированы из представителей коренного населения. Ведь разрешение многих вопросов было по силам только военным. А сделать действительно предстояло немало.

Андрей Евгеньевич в своей книге четко обозначил ту сложнейшую задачу, которая стояла перед офицерами комендатуры, руководством территориального управления, правительством Чеченской Республики и мэрией Грозного: организовать переход от того экономического хаоса и беззакония, царившего в городе до начала боевых действий против криминального режима сепаратистов, к мирной

жизни людей, работе предприятий и организаций на основе федерального законодательства. Задача усложнялась тем, что разрушена была не только система управления (ее разрушили еще при Дудаеве), но и в ходе боевых действий была физически уничтожена материально-техническая база, которую и нужно было использовать для разрешения накопившихся за годы правления Дудаева социально-бытовых проблем. "В мартовские дни 1995 года Грозный представлял собой жуткую картину, — пишет полковник А. Кулаков. — Не было воды, газа, электричества. Кругом разрушенные дома, битый кирпич, стекла, балки. Центр пуст и просто страшен. Ни одного пригодного для жилья дома нет. У большинства зданий нет крыш, рухнули перекрытия, разворочены снарядами стены. Везде кучи мусора, завалы обрушившихся строений, а под ними погребенные их жители..." Такое состояние усугублялось отсутствием в городе каких-либо правоохранительных органов, которые могли бы противостоять грабёжам, воровству, растаскиванию имущества граждан и предприятий.

Людям нужно было дать почувствовать, что жизнь входит в нормальное русло. Остро стояла проблема снабжения продуктами питания, одеждой, медикаментами, необходимо было решать вопрос с вводом в строй коммуникаций электро- и газоснабжения, восстанавливать водопроводную и канализационную системы. Разрешением всех этих проблем и занималась комендатура Грозного.

Андрей Евгеньевич Кулаков в своей книге показывает истинное лицо "борцов за свободную Ичкерия". В те дни, когда столица Чечни была освобождена от боевиков Дудаева, это было особенно заметно. Люди, которые хотели мирно жить и работать, приходили в комендатуру, предлагали свои услуги, самоотверженно трудились над восстановлением разрушенного города. Другие, кто с падением преступного режима потеряли определенные привилегии, оставались непримиримыми и оказывали всяческое сопротивление. Вести боевые действия сил у них уже не было, оставалось единственное — теракты. И если военные всячески старались вдохнуть жизнь в разрушенный город, помочь людям, то непримиримые направляли оружие против своих же сограждан. Объектами их пристального внимания становились больницы, дома престарелых, хлебопекарни. В одном случае они наносили вред, нарушая систему водо-

снабжения и обеспечения продуктами питания обитателей этих самых социально незащищенных учреждений, в другом — просто пускали в ход оружие, как это было с хлебовозкой, где на месте теракта побывал автор книги.

"Раненого солдата уже доставили в госпиталь. Мы увидели лишь засыпанную крошевом разбитого стекла кабину, пятна крови. И еще — хлеб, горячий, недавно из пекарни, развернутой "эмчээсовцами". Душистый запах цукотал ноздри..."

Фургон цепляют тросом за БТР, один из офицеров комендатуры садится за руль разбитой хлебовозки. Двадцать минут бережной буксировки до места. Там в ожидании хлеба собрались человек сорок: старики, женщины, дети. Засуетились.

— Сыночки, родненькие! Хлебушек привезли, спасибо! Деточки, ай спасибо..."

Недобитые боевики не останавливались на откровенных террористических актах. Свои зверства в отношении мирных жителей они пытались приписать военнослужащим внутренних войск, Российской армии. Иногда им это удавалось посредством провокаций, обстрелов населенных пунктов, грабежей под видом российских солдат. С каждым днем рос поток жалоб и заявлений граждан в комендатуру по поводу "противоправных действий" военнослужащих. Разоблачая подобные выходы людей, поставивших себя вне закона, автор приводит ряд примеров из собственной практики, когда ему приходилось принимать участие в расследовании конфликтов.

"8 апреля в 11 часов дня со стороны леса из подствольных гранатометов и стрелкового оружия было обстреляно село Пригородное, находящееся на окраине Грозного. Пострадали два человека".

"11 апреля 1995 года в с. Автуры неизвестные в военной форме обстреляли дома жителей из минометов. Ранения получили трое детей, сеявших кукурузу около своих домов". Почти в это же время и в этом же районе был обстрелян армейский вертолет. В ходе детального разбирательства, анализа всех донесений и документов по организации артиллерийско-минометного огня в этот день стало ясно — провокация.

Редкая ночь выдавалась без налетов и обстрелов блокпостов, комендатур районов Грозного и комендантских участков. Зачастую приходилось не просто отражать нападения, но и вести продолжительные ночные бои. Если в дневное время обстановку в городе полностью кон-

тролировали федеральные силы, то ночью инициатива переходила в руки боевых групп дудаевцев. Журналы учета оперативной обстановки пестрели характерными пометками: каждые 30-40 минут обстрелы комендатур, блокпостов, мест временной дислокации.

В освобожденном от боевиков Грозном для офицеров комендатуры, как и для всех военнослужащих, представляли опасность не только с отработанной периодичностью повторяющиеся обстрелы из стрелкового оружия, но и различные смертоносные взрывоопасные предметы, которые оставались еще со времени зимних боев. Ежедневные доклады о подрыве военнослужащих на минах свидетельствовали о том, что город буквально напичкан этими коварными железками. "Оставались целые штабеля боеприпасов как дудаевского "запаса", так и российских войск, — пишет полковник А. Кулаков, — особенно в центре города вдоль берега р. Сунжа. Кроме этого, боевики, покидая город, минировали здания, ларьки, улицы, скверы. Ощущение такое, что почти каждый объект был заминирован". Впереди любой строительной, ремонтной бригады шли саперы. Ежедневно в городе работали по 9—11 групп разминирования из состава приданного инженерно-саперного батальона. За весь период командировки на войну офицеров-сибиряков саперами были освобождены от смертоносного металла 392 объекта, извлечено и уничтожено почти десять тысяч взрывоопасных предметов.

Весна, весна... Независимо от того, в Чечне ее встречают или в Сибири, она несет с собой самый светлый праздник — День Победы. Этот праздник "со слезами на глазах" в Чечне становится таковым на самом деле. И, к сожалению, это не только слезы радости. 8 мая боевики пятнадцать раз обстреляли позиции российских войск. От смертельной раны скончался рядовой Евгений Визиров. Получили ранения еще четверо военнослужащих, которые в канун полувекового юбилея Великой Победы на бронетранспортерах развозили подарки ветеранам Великой Отечественной. 9 мая обстрелы участились, ранения различной степени тяжести получили пятеро военнослужащих. Это все сведения из сообщений пресс-службы внутренних войск МВД России. Сам же Александр Евгеньевич приложил недюжинные усилия, чтобы этот праздничный день стал хоть небольшой отдушиной для бойцов и чтобы в этот день не почувство-

вали себя брошенными ветераны. Все торжественные мероприятия проходили по инициативе и при непосредственном участии офицеров комендатуры. Участники Великой Отечественной войны от правительства национального возрождения республики получили по 100 тысяч рублей, от Министерства по чрезвычайным ситуациям России им были вручены праздничные продуктовые наборы. 7 мая в Доме правительства состоялся прием ветеранов. "Были поздравления, звучали слова благодарности воинам сороковых за их ратный подвиг и доблестный труд, вручались юбилейные медали и были, как полагается, фронтовые сто грамм..." — пишет полковник Кулаков.

"День 9 мая подошел к концу, когда сумеречное небо Грозного расцвело огненным фейерверком. Но не таким, как обещали нам накануне. То был салют незапланированный, стихийный из всех видов стрелкового и артиллерийского оружия. В воздухе висела пороховая гарь, и было светло от разноцветных трассеров, вспышек орудийных залпов и осветительного огня минометных выстрелов. Так, видимо, солдаты и в победном сорок пятом отмечали конец войны и наступление мира". Автор приводит слова журналиста Юрия Беличенко, который в те дни заметил: "Я не знаю, что ждет нас завтра. Но если суждено нам вновь, как того хочет сердце, на какой угодно основе объединиться, объединение это начнется именно отсюда, где мы навеки слиты, спаяны и соединены общей бедой и общей Победой".

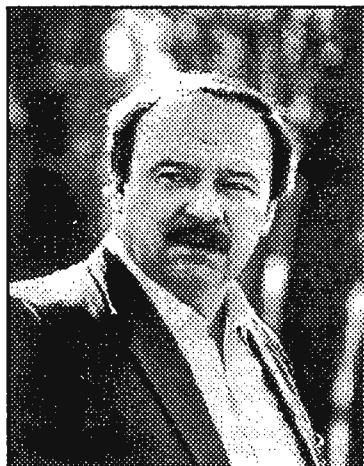
Сменяют друг друга в Чечне российские офицеры. Но трудно сказать, когда мир и спокойствие воцарятся на этой земле. А люди не перестают верить, что разум восторжествует.

Само собой напрашиваются выводы и уроки, о которых пишет Андрей Евгеньевич Кулаков. Но об одном, высказанном руководителем издательства, хотелось бы сказать особо. Анатолий Статейнов пишет: "Чеченская трагедия по-новому заставила посмотреть как на политику России, так и на ее силовые структуры, в том числе Вооруженные Силы и внутренние войска. Заблудившиеся в "потемках" реформирования, подвергнутые критике сверху, непониманию снизу, наша армия и войска МВД сумели сохранить дух патриотизма и государственности".

А пока жива армия, будет жить и Россия!

И.ЗАБРОДИН.

Геннадий КАСМЫНИН

Геннадий Григорьевич КАСМЫНИН родился в селе Казачка, что в Саратовской области. Два года срочной служил во внутренних войсках, затем работал и заочно учился в Литературном институте им. А.М. Горького. В 1975 году в издательстве "Молодая гвардия" вышла его первая поэтическая книжка "Горький клевер", а вслед за ней в различных столичных издательствах увидели свет и другие — "Грибница", "Вещий камень", "Не говорю "Прощай!", "Однажды и навсегда", "Дни и сумерки". Член Союза писателей. Живет в подмосковном городе Реутово.

ПОЛЕ БОЯ

СОН БЫЛИННЫЙ

Быть может, выплусь я однако
И заимею бравый вид,
Как высыпается собака,
Когда вполглаза спит — не спит.

Как будто спит, но чтобы тут же
При шорохе открыть глаза:
Закройте дверь как можно туже,
Сюда чужим входить нельзя!

Но мне был послан сон былинный...
И все из дома унесли,
Осталась горсть сухой малины
И горсть отеческой земли.

Тогда я встал прямой и резкий,
Подпрыгнул искоркой в огне
И не увидел занавески
На светлом — вдаль — своем окне.

И мне открылось все, что должен
Я видеть был еще тогда,
Когда до сытой жизни дожил
И занавесился когда.

Поля. Народ. И крест на храме.
И кровососы в небесах.

И риза царская на хламе.
И гнев, и горечь в голосах.

Открылось мне мое жилище,
Где оставался только я —
Теперь такой же чистый нищий,
Как горсть от всей земли, — земля.

Все начиналось только-только —
И я проснулся в самый раз —
Великий путь... Большая стройка...
И жизнь текла, и кровь лилась.

ПЕРВЫЙ

Заложили в путь земной
Мины древние саперы...
Хочешь жить? Иди за мной.
И оставим наши споры.

Посвященные пройдут,
Все другие — подорвутся.
Поле жизни. Мины тут.
Ждать умеют. И дождутся.

Встанут люди за спиной —
Я пойду по минным нервам!
Хочешь жить? Иди за мной.
Скоро будешь самым первым.

ПОИСКИ ГЕРОЯ

*Ненастья Родины, вы ищите героя.
Он растворен, он в тысячах — один.
Мы вышли все. Стоим на поле боя.
И ждут вождя и раб, и господин.*

*Явись и встань под огненное знамя!
Вели начать! И укажи на тьму.
Тогда вскипим. Тогда пойдем. И с нами
Не совладать на свете никому.*

*А мы все ждем. Не начинаем дела.
Мы в ожиданье мужество сожгли.
Вождя все нет... И сила перезрела.
Враги не стали биться. Обошли.*

*Друзья мои! Соъем по капле в чашу
Из жил своих...
Возьмем от плоти плоть.
И сами сотворим надежду нашу.
И пусть ее благословит Господь!*

* * *

*Мы жили разно... Нынче розно
Живем с остатками стыда,
Как бы условно, несерьезно,
Едой и жвачкой, как стада.*

*Позор и слава — эти годы...
И вспоминается совет:
"Паситесь, мирные народы..."
Для вас над брюхом сердца нет.*

*Как будто вся краса и слава,
И все, чем горд покорный люд,
Для нас была и есть управа,
И вечно будет плеть и кнут.*

*К тому еще добавить нужно,
Что пастбища не так плохи.
Не ссорьтесь... И паситесь дружно,
И вас не тронут пастухи.*

* * *

*Роди волчонка в буреаке,
Где бурелом угрюм и пуст.
Пусть вырастут клыки для драки
И ноги для погони... Пусть!*

*И сверх добычливой повадки
Учи его любить свое:
Бобров-строителей при хатке,
Осинники, поля, распадки,
Тайгу, как родину... Ее.*

*Смиранный скот проходит... Слышно.
Стада идут, голов не счесть.*

*Но вот из леса стая вышла,
Огонь в глазах и сила есть.*

*Он встал на холм — хозяин далее —
И утвердился, как взлетел.
Ни с кем впустую не скандалил
И брал свое, когда хотел.*

*Роди волчонка, мать-волчица,
Подарок сделай небесам,
И пусть в кошмарном сне приснится
Матерый волк брехливым псам!*

БЕРЕЗА

*Жизнь когда-то дошла до обрыва,
Ровно шаг оставался, никак.
Тут и встретилось дивное диво
Все в веснушках, лучах, мотыльках.*

*Я вцепился, почти улетаю,
Обнял ствол за предельной чертой,
И остался с тобой, золотая,
Нежно-ржавый, почти золотой.*

*Пахнет севером и бездорожьем,
Никого не видать за версту,
И уйти от обрыва не можем,
И не можем шагнуть в пустоту.*

*Неподвижно, ни дальше, ни ближе,
Мы летим высоко-высоко
Вместе с ветром по облачной жиже,
Прокисающей, как молоко...*

* * *

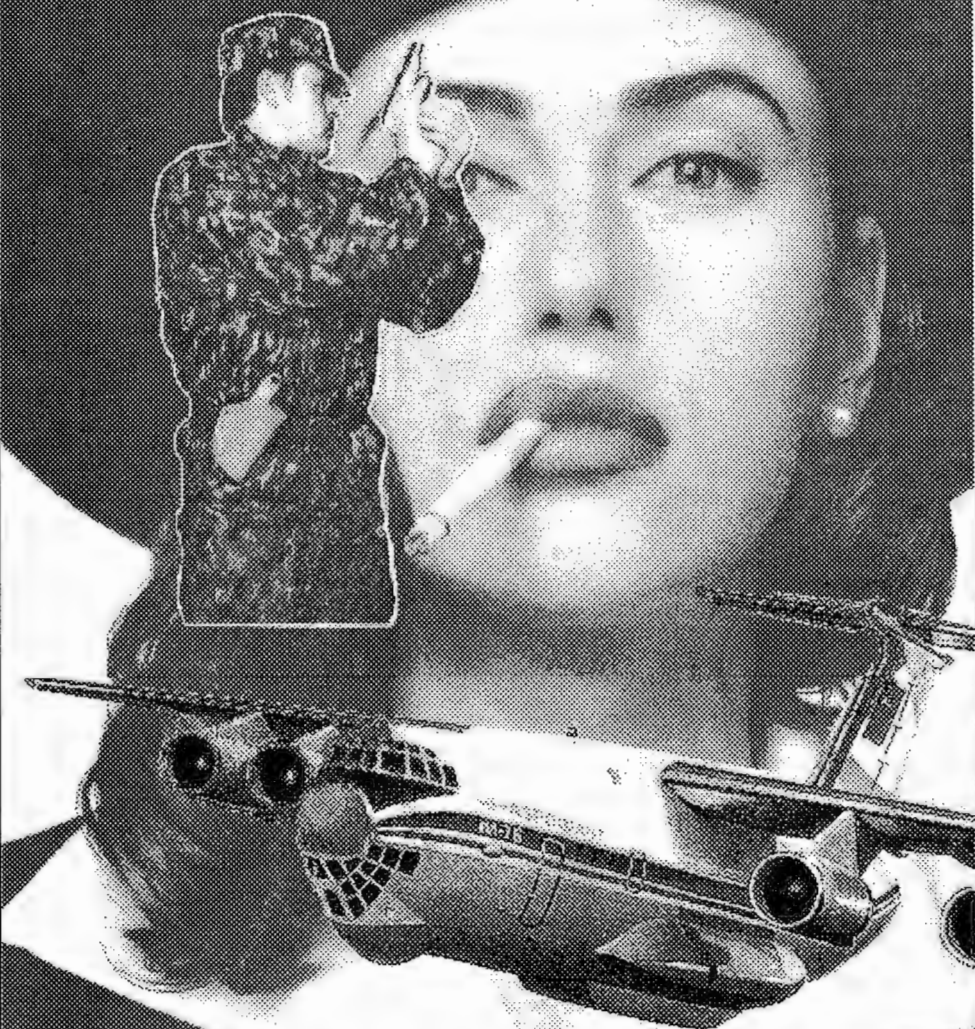
*Невеселый, волокнистый,
Бесконечно серый вид...
Дай же, небо, влаги чистой,
Пробуди родник,
Он спит.*

*Пыльной мглой закрыты очи,
Русло спряталось в песок,
А к нему все дни и ночи
Шел и кланялся лесок.*

*Изнемог, устал, повисли
Редкой ветошью листья...
Так пролейся, ливень мысли!
Человек, проснись и ты!*

*Погляди, в какой пустыне,
Для костра спилив кресты,
Будет жить твой сын отныне,
Если не проснешься ты.*

Иван ЧЕРНЫХ

ШКОЛА ТЕРРОРИСТОВ

Роман*

* Журнальный вариант. Окончание. Нач. в № 2,3.

21

В десять часов за мной заехал на "Волге" высокий, крепкого сложения мужчина лет сорока с фотоаппаратом и диктофоном. Иона Георгиевич представил его:

— Анвар Друце, специальный корреспондент "Цары". Он поможет тебе, если возникнут какие-либо затруднения.

За рулем сидел мужчина с шеей борца и волосатыми ручищами гориллы. Вел машину он, как профессиональный гонщик, обгоняя попутные, мастерски лавируя между ними и не обращая внимания на шарахавшихся в стороны слабонервных.

Вскоре мы подкатили к светлому многоэтажному зданию с массивными колоннами, у главного подъезда которого стояло немало припаркованных машин — отечественных и иномарок. Наш супершофер лихо зарулил между двумя "мерседесами" и резко дал по тормозам. Я хотел было открыть дверцу, но мой напарник меня остановил:

— Еще раз сверим планы, — сказал он, доставая сигареты и закуривая. — Чтоб все было в темпе, четко и ясно.

— У нас ограниченное время?

— Разве у партаппаратчиков бывает подругому? Да и нам задержка ни к чему.

Опасения мои подтвердились: коль и молдавский лжежурналист (физиономия у него была явно гангстерская) торопится повернуть дельце, значит, полагает, что Кочур вряд ли станет церемониться с нами. Возможно, только пуля или просто угроза пистолетом смогут удержать его от вызова охраны...

Мы дождались назначенного часа и, оставив в запасе около пяти минут, зашагали к центральному подъезду.

В приемной партийного босса, кроме секретарши, никого не было; она тут же доложила о нашем прибытии, и Михась Кочур пригласил нас в кабинет за массивный стол с тяжелыми полированными креслами по бокам.

Представившись, мы сразу приступили к делу.

— Уважаемый товарищ Кочур, — начал я. — В последнее время политическая и экономическая обстановка в Советском Союзе резко обострилась. Особенно в западных республиках, в том числе и Молдове. Вновь созданные партии, такие, как Национальный фронт, требуют самоопределения. Военным людям и читателям "Красной звезды" небезынтересно узнать точку зрения на этот счет компартии Молдовы.

Кочур откинулся на спинку кресла. Его

симпатичное, тронутое морщинами лицо омрачилось; он глубоко вздохнул.

— Вы правы, ситуация очень серьезная. Падение производства ведет к снижению жизненного уровня народа. А это, соответственно, вызывает недовольство, поиски иных путей, чтобы поправить положение. И самоопределение — один из них.

— Как в таком случае вы относитесь к стремлению гагаузов и жителей Приднестровья тоже стать самостоятельными? Вы считаете, это улучшит их материальное положение?

— Не думаю. Но люди хотят жить свободнее. Многолетняя эксплуатация одних наций другими вызывает недоверие.

— Разве при советской власти какие-то нации пользовались преимуществом? К примеру, русские разве жили лучше молдаван? И разве молдаване не сами управляли республикой?

— Непростой вопрос, и объяснить ныне народу, кто куда тянет, невозможно — авторитет компартии упал; нам не верят.

— В чем вы видите причину утраты авторитета компартии?

Кочур нервно забарабил пальцами по столу, усмехнулся.

— Авторитет, как и платье, требует безукоризненной чистоты и прочности.

— Особенно у наших вождей, — вставил я.

— Совершенно верно, — согласно кивнул Кочур.

— Для вас, товарищ Кочур, не ново, что в средствах массовой информации усиленно муссируются слухи, что партийная казна уплывает за границу, что некоторые партийные деятели прикарманивают чужие денежки и готовятся отправиться за ними. Вы ведаете партийной казной, как обстоят дела у вас?

Я смотрел на лицо партийного босса и видел, как оно становится суровым и жестким.

— Это тоже интересует читателей "Красной звезды" или только ее специального корреспондента, надеющегося завоевать популярность жареными фактами? — Кочур не скрывал сарказма.

— Популярность нужна тем, кто борется за власть; задача журналистов — правильно освещать события, чтобы народ не ошибся в выборе своих лидеров. Вы затрудняетесь ответить на мой вопрос или не желаете?

— Вы коммунист?

— Да.

— Тогда должны понимать, что есть вопросы, не подлежащие обсуждению.

— И все-таки, вы отправили в швейцарский банк тридцать миллионов вот по

этому счету? — я положил перед ним листок с номером.

Кочур взял его и долго вертел в руках, пытаюсь скрыть удивление. Наконец он оправился от замешательства. В первый раз внимательно посмотрел на сидевшего рядом со мной Анвара.

— Почему вы решили, что это мой счет?

— Я ничего не решил. Меня интересуют только факты.

— Вы намерены их опубликовать?

— Если вы не опровергнете их, — я сделал паузу, — или не примете наши условия.

Пауза затянулась.

— Ваши условия? — не выдержал первым Кочур.

Я положил перед ним другую бумажку, данную Петрунеску.

— Перевести в тот же банк на этот счет семьсот тысяч.

Кочур повертел бумажку в руках.

— Это счет "Красной звезды"?

— Нет. И не мой, разумеется.

— Я так и думал. — Кочур встал и в задумчивости прошелся вдоль стола. Остановился напротив меня. — Вот что, молодые люди. Передайте тому, кто вас послал, что ни копейки он не получит, даже если вы опубликуете свою стряпню в "Правде" или в "Нью-Йорк таймс". — Он решительно прихлопнул сильной рукой по столу, ставя точку в нашем разговоре.

Анвар выключил диктофон.

— Хреново, — сказал он, когда мы селись в машину. — Шеф будет очень недоволен.

Едва мы отъехали от здания ЦК компартии Молдовы, он приказал шоферу остановиться у телефонной будки. Вылез из машины, позвонил кому-то, вероятнее всего Петрунеску. Вернулся с непроницаемой физиономией.

— Назад, к Герпинеску, — махнул он рукой водителю.

— И что мы там будем делать? — поинтересовался я.

— Сначала пообедаем. Потом ты будешь писать свое интервью, а я готовиться к его продолжению. — Он непонятно чему рассмеялся.

Уже в школе Анвар добавил чуть ли не приказным тоном:

— Ты много не расписывай, только самую суть. Надо продумать, как проучить этого коммуняка.

— Что ты имеешь в виду? — Мне еще никак не верилось, что Петрунеску рискнет пойти на такой шаг.

— Нам с тобой приказано отправить господина Кочура в мир иной.

— В киллеры я не нанимался! Тебе приказали, ты и выполняй.

Анвар пожал плечами.

— У тебя нет другого выхода. У меня есть: я возьму другого напарника. А тебя куда? Подумай. Тем более полдела мы уже сделали и обратной дороги нет...

Он так считал. А я верил, что есть. Есть еще время, есть Дониц, который может помочь...

22

После обеда я сел за интервью. Писал не торопясь, пообещав к вечеру предоставить "сочинение" Анвару. Черкнул короткую записку Доницу на случай, если не удастся с ним переговорить.

Вечером Анвар повез интервью в редакцию, а меня стал неотлучно опекать Мирча. Обвести его вокруг пальца не представляло большого труда: я пригласил Мирчу после ужина в бильярдную, куда пришел и Дониц и где я незаметно передал записку.

Анвар вернулся довольно быстро, когда мы еще гоняли шары, и позвал меня:

— Говорят, ты капитан. Хочу посмотреть, как учат в Советской Армии стрелять.

Он повел меня в тир — в капитальное подвальное помещение с кирпичными стенами и железобетонным потолком, где я не раз уже бывал. В руке Анвара покачивался небольшой кейс, и я решил, что тренироваться будем в стрельбе из пистолета. Но ошибся. Анвар извлек три черные трубки и похожий на музыкальный инструмент какой-то треугольный предмет, тоже состоящий из трубок. Каждая из них имела резьбу, и он ловко все соединил. Получилось нечто напоминающее автомат с оптическим прицелом и глушителем. Затем к нему был присоединен рожок с патронами. Закончив приготовления, Анвар включил мишенный экран, и мишени побежали, запрыгали, поползли, то исчезая, то появляясь в разных местах снова. Почти не целясь, он произвел три одиночных выстрела. Загорелись две красные лампочки, фиксируя два попадания.

— Плохо, — констатировал Анвар, снова упирая в плечо приклад. Прозвучали еще семь выстрелов, шесть из которых пришлись в цель. — Вот это уже лучше.

Он сменил магазин и протянул автомат мне.

Я преднамеренно долго прилаживал его к плечу и цели выбирал не спеша. Выстрелил трижды, и все в "молоко".

— Ты что, придуриваешься или партийного босса жалеешь?

— Штука мне эта не нравится, — повертел я в руках автомат. — Уродина какая-то. А что касается жалости — ты это брось. Сам же сказал, что у меня нет другого выхода.

— Тогда не строй из себя дурачка: я ведь знаю, как ты стрелял.

Симулировать дальше не было смысла, и я отстрелял как положено, поразив из семи мишеней пять.

Анвар отобрал у меня автомат, развинтил его и уложил в кейс.

— А теперь спать, — коротко бросил он. — Подъем в три. Могу дать снотворное.

— Спасибо. Лучше давай обсудим, что и как...

— А что обсуждать? — оборвал он меня. — Птичка сама сядет на ветку, тебе останется только прицелиться и нажать на спуск.

На том мы и расстались.

Одна надежда жила во мне — на Дони-ча. Если он сумеет предупредить наших, они не допустят убийства. А если не сумеет? Тогда... Тогда умрет Анвар... Или я.

Мне показалось, что только-только я задремал, как раздался стук в дверь. Анвар вошел в комнату. На сборы ушло не более пяти минут. В термосе у меня был кипяток, в холодильнике сыр и колбаса. Мы выпили по чашке кофе и отправились к машине, где уже поджидал вчерашний шофер.

Светало. На западе, у самого горизонта, обозначились белесые облака, похожие на ключья слежавшей шерсти. Перистокучевые — предвестники грозы...

"Волга" остановилась недалеко от здания ЦК, где мы были вчера. Вышли из машины, и Анвар повел меня по противоположной стороне к зданию напротив. Вошли в один из подъездов и поднялись на шестой этаж.

Анвар ориентировался здесь как у себя дома: видимо, не раз бывал. Завел меня в однокомнатную квартиру с незапертой дверью, и я, глянув в окно, все понял: напротив располагался кабинет Михаса Кочура. И невооруженным глазом просматривались тюлевые занавески, цветок на подоконнике и даже часть стола, за который усядется ничего не подозревающий партийный казначей.

Анвар раскрыл кейс и собрал автомат. Я окинул взглядом комнату. Обстановка была прямо-таки нищенская: узкая кровать, заправленная простеньким покрывалом, однотумбовый обшарпанный стол, два стула, на окне — выгоревшие пыльные шторы, стены и потолок некрашенные, местами потрескавшиеся, в углах — паутина...

Мы передвинули стол к окну. Анвар поставил на него стул, прикрутил к тому штатив, а к штативу — автомат. Это нарушало мои планы: теперь молниеносно перенацелить оружие не удастся. А ведь ничего другого у меня нет.

— Как сматываться будем? — поинтересовался я.

— Через чердак и запасной выход четвертого подъезда. Хотя... пусть тебя это меньше волнует: держись за меня и все будет, как в кино.

Он достал бинокль, осмотрел кабинет Кочура и протянул мне:

— Посмотри. Все как на ладони. Целиться будешь в голову.

Оптика оказалась сильной, просматривался почти весь кабинет. Тот же большой стол буквой "Т", массивные кресла...

— А если он будет не один?

— Подождем, нам торопиться некуда. Кстати, можешь вздремнуть, партаппаратчики рано на службу не приходят. — Он кивнул на кровать.

Что ж, дельное предложение. Голова у меня была тяжелой, да и видеть перед собой хладнокровного убийцу было невмоготу.

Я лег на чужую кровать и закрыл глаза. Вспомнилась мать — больная, испуганная моим долгим отсутствием, обрадованная, что я наконец-то оступился, приехал к ней с невестой. Как ей не хотелось умирать! Как она молилась за меня! А я? За два с половиной месяца заточения будто закаменел сердцем: учу убийц приемам насилия, и сам готовлюсь стать убийцей.

За последние двое суток я здорово вымотался и уснул неожиданно для себя так крепко, что не услышал, как в комнату вошел шофер, как Анвар разобрал и укладывал в кейс автомат, о чем они разговаривали. Вскочил я только тогда, когда Анвар с силой потряхнул меня за плечо. В первые секунды я не мог даже сообразить, где мы и зачем сюда приехали.

— Ну и здоров же ты спать. Железные нервы! — с восторгом сказал мой "напарник". — Вставай, все кончено. — Он достал портсигар и неторопливо стал прикуривать.

Неужели он все сделал сам? Но почему тогда не торопится сматываться, раскуривает, как ни в чем не бывало?

— Дай-ка бинокль, — попросил я.

— Зачем? Твое перо оказалось страшнее пистолета, — перефразировал он Грибоедова и протянул мне газету.

Я развернул "Днестровскую правду" и на второй полосе внизу в колонке "Хроника" прочитал сообщение: "Бывший член

политбюро компартии Молдовы, хранитель партийной кассы Михась Кочур, готовясь скрыться за границей, перевел крупную сумму денег на свое имя в швейцарский банк. Дотошные журналисты докопались до истины и попросили Кочура дать интервью. Этим делом также заинтересовалась прокуратура. Чтобы уйти от ответственности, сегодня ночью Кочур покончил жизнь самоубийством — выбросился с балкона своей квартиры".

— Так это заслуга прокуратуры, а не моя, — возразил я, возвращая газету.

— Не скромничай, — усмехнулся Анвар. — Откуда нашей прокуратуре было знать про швейцарский банк?

"Действительно, откуда? — подумал я. — Шантаж это был, или Петрунеску и в самом деле удалось проникнуть в святая святых?"

23

Еще два дня были прожиты за каменными стенами школы террористов. Отработка до седьмого пота приемов каратэ, стрельба в тире, изучение нового оружия и взрывных устройств — все это надоело до чертиков. И никакого просвета. Радио и газеты сообщали, что обстановка в Молдове накаляется: правительство республики все больше склоняется к насильственным методам борьбы с гагаузами и жителями Приднестровья, стремящимися вырваться из-под опеки. Шла открытая борьба националистов с просоветски настроенным населением. Продолжались нападения на оружейные склады, на наших военнослужащих, депутатов, выступивших против объединения с Румынией, арестовывали, убивали...

Донич уговаривал меня потерпеть еще немного, сообщил, что Токарев (он с ним все время поддерживал связь) доволен мною, и просил быть поближе к Петрунеску, не терять его доверия. Легко сказать "быть поближе, не терять доверия", а вот как это сделать?

Не поеду же я к нему без приглашения. А от радиоприемника, вмонтированного в электробритву, толку было мало — то ли он убрал ее далеко ватно, то ли микрофон в авторучке не срабатывал. А, возможно, разгадал Иона Георгиевич наш подлог.

На третий день после гибели Кочура меня вызвал Герпинеску. Настроение у него было хорошее, и начал он по-свойски, почти анекдотично:

— Звонила твоя кобыла, просила передать, что скачки состоятся.

Я понял, кого он имел в виду. Приезд

Альбины обрадовал и насторожил одновременно.

— Ну, коли вы разрешаете...

— А как откажешь дочке президента? Я тоже люблю весело пожить и сам не отказался бы подцепить такую. В общем, собери свои пожитки и перебирайся в мягкую постель. Да помни: станешь большим начальником, не плюй в нашу сторону.

А вот этого я не понял. Неужто меня насовсем выпускают из этой клетки? Не насмехается ли Герпинеску, не приготовлена ли мне какая новая каверза? Больше всего меня беспокоила подsunутая ручка. Не дай Бог она сломается или просто писать перестанет: разберет ее Петрунеску и сразу поймет, чья это проделка...

Сложить свои пожитки было делом пяти минут: но как предупредить Донича? Вызвать с занятием — нельзя, передать через кого-нибудь... Конечно! Подарю что-нибудь Мирче на память. Хотя бы электробритву. Скрывать от него, что за мной приехала Альбина, не стану, а он, несомненно, похваляется своей осведомленностью...

Альбина приехала в полдень, на том же рубиновом "Жигуленке". Распахнула дверь и указала на водительское кресло:

— Прошу.

— Ты забыла: я с некоторых пор боюсь красного цвета.

— Не придируйся, не такой уж ты трусливый! К тому же — теперь это твоя машина. — Она протянула мне техпаспорт и права. Я раскрыл права и увидел свою фотографию. Прочитал и странную двойную фамилию — Джабира-Казаров.

— Ты ошиблась адресом, — сказал я, возвращая документы.

— Э, нет! Это чтоб не спутали тебя с Семиречиным. Советую отпустить усы, тогда станешь настоящим молдаванином. А вот и твой паспорт. — Она достала из бардачка новенький документ. — Отныне ты свободный человек. Езжай куда хочешь. Я обещала тебе это и свое обещание выполнила.

Я слушал, стараясь уличить ее в неискренности. Я знал, что такие, как Альбина и ее папочка, просто так меня не отпустят. Но на улыбающемся лице Альбины читалось только одно: "Что, обалдел от радости?" И все-таки я не верил этой наигранной легкости.

— Значит, с сегодняшнего дня я Джабира-Казаров? Хотелось бы узнать свою родословную: кто мои предки, ближайшие родственники?

— Всему свое время. А теперь поехали. Надеюсь, ты не укажишь сразу в Москву, не простившись с папой?

— Разумеется! Тем более не знаю, как и чем вас отблагодарить.

— Перестань строить из себя черт-те кого! Едем! — Она порхнула на заднее сиденье.

Я сел за руль и включил зажигание. Дежурный на проходной открыл ворота.

"Жигуленок" стремительно рванулся, набирая скорость, словно обрадовавшись вместе со мной долгожданной свободе.

Почти всю дорогу молчали. Не знаю, о чем думала Альбина, а я — о своей новой фамилии Джабира-Казаров. А ведь я уже встречал ее. Конечно же! Федор Джабира-Казаров — военный комиссар Молдовы!

— Хорошего вы подбросили мне родственника, — похвалил я Альбину. — И кем же я довожусь вашему военному — сыном, братом?

— Племянником. Устраивает? — усмехнулась она.

— Сыном бы лучше...

Через час мы были на квартире Альбины. День продолжал подкидывать мне сюрпризы: Иона Георгиевич вышел на встречу с перевязанной головой и ссадиной на своем массивном подбородке.

— Что с вами? — невольно вырвалось у меня.

— Пустяки. Царапина, — махнул рукой Петрунеску. — Хорошо, что ты приехал. Хотелось бы поговорить, прежде чем примешь решение. Или ты уже принял?

— В моем-то положении?... Куда ни кинь — всюду клин.

— Да, — посочувствовал Иона Георгиевич. — Москва тебя по головке не погладит. И у нас неспокойно. Может, вам и вправду махнуть пока в гости к Джону Лепски? А хотите, поезжайте в Италию. У меня друг там, на Сицилии, примет как родных. Поживете, кое-чему поучитесь. Все быстро меняется: Союз разваливается, к власти приходят новые люди. Кстати, и Горбачеву вашему скоро, видимо, придется распрощаться с президентским креслом. Неумный он человек, не вырос из комсомольских штанишек, чтоб таким государством управлять...

Его политический монолог прервал телефонный звонок. Он снял трубку, что-то ответил по-молдавски, положил трубку и прошел в спальню, откуда, будто вытолкнутая, вылетела Софья Михайловна с красным лицом и сверкающими гневом глазами. Кивнув на дверь в комнату Альбины, она прошептала: "Ты — за дверь, у нее уже другой кобель. Тоже летчик, Скородумов", — и юркнула в туалетную комнату.

— Что она тут прошипела? — спросила появившаяся Альбина.

Я пожал плечами:

— Это тебя надо спросить — что вы не поделили.

— Слишком многого хочет...

"И здесь идет борьба за власть, — усмехнулся я. — А поначалу показалось, такая милая, дружная семейка. Нет, не хотел бы я иметь таких тещу и тещу. А Альбина-то какова! Это когда же они успели снюхаться? Вспомнилось, как Скородумов хотел поговорить о чем-то с ней, но она сердитым взглядом шуганула его. Почему они делали тайну из своего знакомства?"

Иона Георгиевич вышел из спальни.

— Так вот, и Горбачев ваш, и Снегур считают, что правят нами, — продолжил он как ни в чем не бывало. — А все у нас в руках. — Он перенес руку с затылка на свой квадратный подбородок, помассировал его. — Или все же хочешь в Москву?

— Вы же сами сказали, что Москва меня по головке не погладит.

— Это уж точно! Коль за миллион не захотели тебя выкупить, потом и за пятьсот тысяч, значит, не очень ты им нужен. Да и что тебе Москва? Ни родителей, ни жены. А работа... С твоей головой и способностями она всюду найдется: журналистом, тренером, даже летчиком. Кстати, у нас скоро будет своя авиация: ваша армия уйдет и оставит всю технику и вооружение. И уж поверь мне, должностью тебя не обидим. Многие ваши летчики уже сейчас дают подписку остаться у нас. Решай.

— А что ты скажешь? — глянул я на внимательно наблюдавшую за мной Альбину.

Она насмешливо скривила губы:

— По мне хоть завтра за бугор. Хочется мир посмотреть.

— Да, что касается ваших отношений, — встрепенулся Иона Георгиевич, — тут сами разберетесь, не маленькие. В общем, думай. На днях приглашаю тебя на авиационную прогулку. Слетаем в один заповедный уголок. Вот и все. Размещаясь пока напротив с двумя моими телохранителями — нынче без них нельзя. — Он потрогал повязку на голове, пояснил: — Вчера вечером на меня покушались. Анвар погиб.

Петрунеску ушел в спальню и тут же вернулся с пистолетом в руках:

— Это тебе на всякий случай. Если, конечно, не возражаешь и готов постоять за себя и меня.

Я взял пистолет. Новенький "Макаров",

1990 года выпуска. Возможно, со склада, на который напала наша группа месяц назад. Магазин снаряжен, патроны свеженькие, без налета окиси. Неужели Петрунеску так уверен во мне, что доверил свою жизнь? Скорее считает, что у меня нет другого выхода, кроме как служить ему. До поры до времени, разумеется. А к тому сроку он и сам определит, нужен ли я ему. Что ж, будем играть по-крупному.

— Спасибо за доверие, Иона Георгиевич, — поблагодарил я как можно прочувствованнее. — Постараюсь его оправдать.

— Надеюсь. Ты, Игорь, умный парень и на горьком опыте убедился, что за жизнь надо бороться. А теперь ступай отдыхать. Альбина, проводи его.

Когда мы вошли в комнату, где мне предстояло жить, я сразу узнал в одном из мужчин за шахматной доской дежурного по подъезду, три дня назад встретившего меня недружелюбным взглядом.

Альбина представила меня:

— Ваш новый коллега, Дмитрий Джабара-Казаров. Прошу любить и жаловать. Вот твоя кровать, — указала она на койку у окна.

Я подошел к крутоплечим ребятам и протянул руку. Телохранители Петрунеску переглянулись, и старший неохотно пожал ее.

— Руссу, — представился он.

Младший, лет восемнадцати, назвался Саракучей.

— Меня можете называть просто Дмитрием, — закончил я знакомство с новыми "сослуживцами", и чтобы окончательно дать им понять, с кем имеют дело, повернулся к Альбине:

— Мы обедаем вместе?

— Нет, я ухожу в школу. И вернусь поздно, — ответила она.

Меня несколько не огорчила возможная отставка. Беспокоило другое: если нашлась замена, нужен ли я буду ее отцу? И почему Альбина в свое время отшила Скородумова? Видимо, из-за его прокола с контрабандой вещичек: это могло подставить под удар более серьезный "бизнес" папаша — контрабанду оружия. Если дело обстоит так, то нетрудно догадаться о причине гибели Андрея. Узнав, чем занимается будущий тесть, он, по своей наивности, как-то хотел вразумить его, за что поплатился жизнью. А ведь я знаю намного больше, чем Андрей... Не потому ли и подсадили меня к этим костоломам? Эти придушат и глазом не моргнут, но не безопаснее ли было ухлопать меня в школе? Нет, я еще нужен Петрунеску. Для чего?..

24

Два дня прошли без изменений. Петрунеску сделал меня своим шофером: прежний убит, а нового пока не подобрал — так пояснил он мне свое решение. Иона Георгиевич снял с головы повязку. Его "царапина" не что иное, как след от пули. Покушение словно подстегнуло его, придало энергии: целыми днями мы колесили по городу из одного учреждения в другое, объезжали спортклубы, встречались с разными людьми от представителей власти до бродяг (по его утверждению, бывших известных спортсменов, нынче никому не нужных, которых он поддерживает материально и морально). Возможно и так. А вот какие его поручения они выполняют?..

Мои отношения с Альбиной стали неопределенными: то она одаривала меня улыбками и ласками, то словно не замечала. Я старался подлаживаться под нее. Мы играли в кошки-мышки, только трудно понять, кто из нас кто. Ясно одно — оба мы во власти страшного хищника — ее папаша...

В субботу, после очередного собрания в футбольном клубе, Иона Георгиевич чувствовал себя неважно. Вернувшись домой, выпил рюмку коньяка и пошел отдыхать, а мне велел никуда не отлучаться.

Было около часа, Альбина крутилась у зеркала в гостиной. Я знал, что она продолжает встречаться с капитаном Скородумовым: сама как-то проболталась мне, что видела его в городе, разговаривала с ним — он снова допущен к полетам, летает теперь вторым пилотом на "Пчелке". Мое подозрение, что Альбина с папой ищет знакомства с летчиками, окрепло...

— Тебя не интересует, куда я собираюсь? — спросила Альбина, глядя на меня в зеркало.

— Я знаю, — уверенно ответил я.

— Куда же? — насторожилась она, а я преднамеренно выдержал длинную паузу:

— К подруге.

— А если на свидание?

— Пожелаю удачи.

— И тебя это несколько не задевает? Тебе все равно?

— Наоборот. Если тебе хорошо — и мне приятно.

Она недоверчиво глянула на меня. Я взял газету и чуть не вскрикнул, прочитав заголовок на первой полосе: "Гибель депутатов Приднестровья". Быстро пробежал текст: "В ночь на 14 августа в Бендерах злодейски убиты народные депутаты П. С. Рыжов и Г. Н. Матуш, ярые сторонники отделения Приднестровья от

Молдовы, ведшие активную пропагандистскую работу среди населения. На недавней встрече депутатов со своими избирателями произошло серьезное столкновение сторонников отделения с представителями "Неделимой Молдовы". Лишь вмешательство полиции предотвратило кровопролитие. Но, видимо, мирный исход не удовлетворил конфликтующих. И вот результат — двое убитых. Прокуратура Молдовы ведет поиск преступников".

Я вспомнил, что накануне Иона Георгиевич, разговаривая с кем-то по телефону, называл эти фамилии. У меня не вызывало сомнений, чьих рук это дело...

— Значит, если мне хорошо, то и тебе приятно? — прервала мое чтение Альбина. — Спасибо! У цивилизованных людей так и должно быть — никакой ревности. Хотя мне обидно. За последнее время ты как-то охладил ко мне.

— Ты же знаешь обстановку.

— Знаю. Папа всех их до одного найдет... Может, хочешь прогуляться? Махнем на Днестр, покупаемся?

— Твой отец не разрешил отлучаться.

— Папа! — позвала Альбина.

— Чего тебе?

— Отпусти Игоря на пару часиков.

— Нет, — категорично отрезал отец. — Мы сейчас на аэродром поедем.

— Жаль. — Альбина поджала губки, потом решительно взяла меня за руку и увлекла в свою комнату. — Я тут кое-что сочинила, хочу, чтобы ты послушал и оценил. — Взяла со стола тетрадь и стала читать с выражением:

Два дня тянулись без тебя.

Ждала, кляня, боясь, любя...

И снова вечер.

Сдавило сердце не шутя —

Несовременное дитя! —

Дышать мне нечем.

Вошел — знаком и незнаком,

Пригладил волосы рывком.

Подсел несмело.

И валидол под языком

Я заливала коньяком

И что-то пела.

И тихо плакала потом,

Скрипел нелепо старый дом,

Качалась ива,

Махала пестрой бахромой.

И ты решил, хороший мой,

Что я слезлива.

А дело просто было в том,

Что это был случайный дом,

Как оказалось.

И виноват был не коньяк,

*А счастье, что никак, никак
Нам не давалось.*

Я был удивлен. Она способна на высокие чувства? На возвышенную любовь? Интересно, кому она посвятила стихи? О каком "случайном доме" идет речь, с кем пила там коньяк, даже заливала валидол?..

— Ну и как? — Альбина напряженно ждала приговора.

— Я небольшой знаток поэзии. Но мне кажется, хорошо, — искренне похвалил я. — И давно ты пишешь?

— Со школы. Так, для себя. Тебе первому прочитала...

— Джабира, по коням! — крикнул из холла Иона Георгиевич, и я, поблагодарив новоиспеченную поэтессу за оказанную честь, поспешил к нему.

— В аэропорт! — сказал Петрунеску, садясь в "мерседес".

Следом за ним на заднее сиденье полез Руссу, рядом со мной плюхнулся Сарауца. Оба настроены зыркают по сторонам, пронзая подозрительными взглядами прохожих. Что же, пуганая ворона куста боится. Хотя покушения, как учили в школе террористов, удобнее всего совершать при выходе из квартиры или рабочего кабинета. Правда, итальянцы чаще практикуют убийства из засад или с мотоциклов (так легче скрыться в узких улочках или подворотнях), но мы, слава Богу, не в Палермо, а в Кишиневе, где улицы не такие тесные.

Новенький лимузин быстро набрал скорость. Выехав на проспект Ленина, недавно переименованный, нынешнее молдавское название которого и выговорить-то трудно, я заметил маячившую впереди черную "Волгу", а позади — словно приклеившуюся к нам "тойоту". Случайные попутчики?.. Нажимаю на газ. "Волга" тоже увеличивает скорость, не давая себя обогнать, не отстает и "тойота".

Ловлю в зеркале лицо Петрунеску. Оно ничем не выдает беспоконья, хотя такой профессионал не мог не заметить "конвою". Значит, своих троих телохранителей ему мало. Серьезные, видно, у него враги. Из его разговоров по телефону я уловил, что он подозревает коммунистов-депутатов из Приднестровья. На другой день после убийства в Бендерах Рыжова и Матуша в Кишиневе были застрелены два сотрудника из управления полиции и один из помощников президента спортивной ассоциации. А вчера, как сообщило радио, приднестровцы недосчитались еще семерых руководителей движения за отделе-

ние от Молдовы. Так что ход теперь за нами.

Перед аэропортом "Волга" и "тойота" свернули. У административного здания в машину подсел мужчина лет сорока в форме гражданской авиации.

Мы обогнули здание. У ворот, ведущих на аэродромное поле, гость вышел из машины, что-то сказал охраннику, и нас пропустили на самолетную стоянку.

— Вон к той "Пчелке", — кивнул Иона Георгиевич на приютившийся около Ту-154 маленький двухкилевой самолет со звездами на хвостовом оперении.

Было непонятно, как военный самолет оказался на гражданском аэродроме, но, находясь рядом с Петрунеску, я уже перестал удивляться чему бы то ни было. Нет, не зря он говорил, что государством управляют те, кто имеют деньги и силу! Мужчина в форменной фуражке не иначе как начальник аэропорта или один из его заместителей. Меня не удивит, если министр обороны Молдовы лично будет встречать Петрунеску у трапа.

Иона Георгиевич вышел из машины и, приказав отогнать ее за хвост самолета к забору, позвал меня и Руссу.

Экипаж был уже в кабине. Мы поднялись по трапу за Петрунеску. Он прошел к летчикам, а мы остановились неподалеку от двери в ожидании указаний.

Вернувшись, Петрунеску кивнул нам на кресла, а сам уселся впереди у столика. В ту же минуту заработали двигатели, бортмеханик поднял трап и закрыл дверь, и "Пчелка" покатила на взлетно-посадочную полосу.

Все происходило так быстро и отлажено, что я не успевал анализировать обстановку. Куда мы летим? Зачем я потребовался ему?

"Пчелка" уверенно оторвалась от земли, начала набирать высоту. Я посмотрел в иллюминатор. Позади остались аэродромные постройки, впереди угадывались прямоугольные поля, виноградников.

— Красота! — восторженно воскликнул Иона Георгиевич. — Люблю авиацию: все перед тобой как на ладони, и все земные проблемы остаются далеко внизу.

"Если бы!" — с грустью подумал я.

— А не хочешь за штурвал? — вдруг спросил Петрунеску и, не дожидаясь ответа, направился к летчикам. Коротко переговорил, что-то сунул одному и другому (скорее всего — деньги), вернулся, кивая мне на кабину:

— Иди, покажи, на что ты способен.

Второй пилот тем временем уже освоил кресло. Я взглянул на командира.

Его лицо было знакомо — не в Варкулештах ли я видел его? Но полной уверенности в этом у меня не было: за свою летную и журналистскую бытность мне со многими доводилось встречаться. Да и какая разница, где и когда я его видел, коль он куплен Петрунеску. На его помощь можно не рассчитывать.

Я пристегнул ремни, поставил ноги на педали и взялся за штурвал. Командир — усатый капитан (в отличие от второго пилота, парившегося в кожанке, он сидел в кителе) — понаблюдал за мной, а когда я кончил приготовления и легким покачиванием штурвала дал ему понять, что взял управление на себя, он сообщил курс:

— Двести тридцать два.

"Значит, летим на запад", — машинально отметил я.

А тем временем шустрая "Пчелка" начала терять высоту. Пока я "загонял" авиагоризонт на место, прерывая снижение, компас вышел из-под контроля: сказывался мой двухлетний перерыв в летной работе. Но вскоре стрелки приборов успокоились, самолет пошел ровно, точно по курсу. И усатый одобрительно кивнул головой.

— Курс триста сорок, — скомандовал он.

Я довернул вправо. Теперь мы полетели на север, и я мысленно вспоминал, какие города должны встретиться на нашем пути: Страшны, Калараш, Лазовск, Фалешты... Идем параллельно границе с Румынией. Не туда ли нацелился босс? Но там, насколько мне известно, местность очень гористая и поблизости нет аэродромов. Хотя на "Пчелке" можно сесть на любую мало-мальски подходящую площадку...

— Хорошая машина, — говорю я, чтобы завязать разговор. — Давно на ней летаете?

— Года еще нет, — ответил командир. — Но мне по душе более тяжелые. А эта стрекоза — баловство, и только.

— Налетаетесь еще и на тяжелых, какие ваши годы.

Капитан только покачал головой:

— Где уж там! Да и разве это военная авиация, если по уши ушла в коммерцию, сама себе на жизнь зарабатывает.

— И кому вы теперь служите? — рискнул я спросить, заметив, что Петрунеску занят разговором с Руссу. Но капитан ничего не ответил.

Летели мы минут сорок и приземлились, по моим грубым расчетам, где-то невдалеке от Калараша — то ли на полевой аэродром, то ли просто на лужайку, затерянную среди виноградников. Неподалеку я заметил белый "Москвич" и около него пятерых парней. Четверо сразу направи-

лись к нам. Петрунеску пошел им навстречу, поздоровался с каждым за руку и после недолгого разговора вернулся обратно вместе с ними, подав летчикам знак готовиться к взлету.

Я обратил внимание на руки наших новых пассажиров — у всех четверых густо синели наколки. Такие "украшения" присущи бывшим зекам, но этим ребятам на вид не более восемнадцати. Когда же они успели насидеться?

Поднялись в салон. Я было устроился на прежнее место, но Петрунеску кивнул на кабину пилотов:

— Давай туда, тренируйся, пока есть возможность. Глядишь, навык сгодится.

"Все может быть", — мысленно согласился я, занимая кресло второго пилота.

Невольно вспомнилась юность: как я мечтал попасть в летное училище. И какое счастье испытал, когда впервые сам поднялся в небо. И вот теперь сижу за штурвалом самолета, и ни малейшей радости в душе, только горькое сожаление: а ведь я мог бы летать и не подневольно, как сейчас!

Капитан уловил мое "подкисшее" настроение, но ни о чем не спросил, лишь помог с управлением на взлете. Так мы и летели всю обратную дорогу.

Едва приземлились в кишиневском аэропорту, Петрунеску поинтересовался у командира экипажа, как я выдержал экзамен.

— Можете поставить ему пятерку, — улыбулся усач. — Приезжайте к нам еще, Иона Георгиевич. Всегда рады помочь.

— Приеду, — пообещал тот.

Мы спустились на землю, а пилоты подняли трап и порулили на взлетную полосу.

Петрунеску объяснил привезенной четверке, куда им идти, где их ждет машина, а мы сели в свой "мерседес" и покатали не в сторону Кишинева, как я ожидал, а в обратную — туда, куда меня уже однажды возила Альбина, на виллу с бассейном и сауной.

Хотя я привык ничему не удивляться в "хозяйстве" Петрунеску, встреча на вилле с Мирчей Хадырке поразила меня: что делает здесь этот гориллоподобный тупица? Мы столкнулись в холле первого этажа, он помогал нести чемодан другому моему знакомцу — Михаилу Михайловичу. А комитетчик зачем прикатил из Москвы? Уж не за убийцами ли, которых обещал ему Иона Георгиевич?

Мирча, увидев меня, обрадовался:

— Вот и опять я под вашим началом, — бросил он на ходу, поднимаясь на второй

этаж за генералом. Я пошел за ними, мой номер оставался прежним.

Петрунеску остался у проходной дать распоряжения охране. Ключ от его номера торчал в двери. Я вошел. Кондиционер нагнетал приятную прохладу; затененные гардинами окна создавали уют... Рай, да и только! Но иллюзии мгновенно исчезли, едва взгляд мой упал на картину в дорогой золоченой раме, висевшую над диваном. На ней не известный мне художник изобразил сцену нападения стаи волков на овечье стадо. Не знаю почему, но она вызвала у меня воспоминания о семье капитана Савина, растерзанной в собственном доме. Да сколько же еще разного рода твари будет бродить по земле, верша свои черные дела под руководством вот таких ион георгиевичей, михал михальчей?!

Я достал из кейса запасной портативный радиопередатчик, похожий на обыкновенную анодированную булавку, воткнул в гардину. В этих складках ее и при желании найти непросто...

Из окна хорошо просматривалась проходная. Хозяин все еще был там. Он размашисто жестикулировал, явно выражая свое недовольство...

25

Иона Георгиевич и Михаил Михайлович встретились как родные — обнялись, расцеловались.

Генерал разместился в номере Альбины. Из открытой балконной двери доносился его густой баритон и веселая мелодия: "Пан поручик, вашу дочку капитан обидел..."

Вышел комитетчик минут через пятнадцать в легких спортивных брюках, в белоснежной футболке довольный, улыбающийся.

Я стоял в коридоре, поджидая Петрунеску, чтобы выяснить дальнейшие планы. Михаил Михайлович подошел ко мне игривой походкой двадцатилетнего удалца, изрек многозначительно:

— Вот теперь можно отдохнуть и расслабиться. Как ваша прекрасная сауна, еще функционирует?

— У нас все функционирует, — опередил меня появившийся из своего номера Иона Георгиевич. — Если не проголодался, можно начать и с сауны...

— Для аппетита и для стимула, — хохотнул генерал.

У входа в "стимулятор" нас поджидал Мирча, подобострастно вытянувшись, словно солдат-первогодок перед грозным начальством.

Как и в прошлый раз, сауна была с деви-

цами, с массажем и дубовыми веничками. "Врачевания" перемежались с купанием в бассейне, поцелуи запивались шампанским. После омовения все отправились в ресторан. Михаил Михайлович, изрядно захмелевший уже в сауне, совсем раскис. Его пассия, длинноногая блондинка, подтрунивала над ним и настойчиво напрашивалась ночевать. Я серьезно обеспокоился: ведь эдак вечером не даст поговорить президенту и кагэбэшнику о деле. А завтра — гадай, где они станут обсуждать свои проблемы? Возможно, не в номере. Тогда я ничего не узнаю. Но на то Петрунеску и был президентом, чтобы держать ситуацию в руках. Около полуночи он скомандовал по-военному: "Отбой", и Мирча проводил девиц к машинам.

Иона Георгиевич повел гостя к себе. Я, пожевав им спокойной ночи, спустился в холл.

— Надо было оставить хоть одну на двоих, — пошутил я, останавливая Мирчу у двери. — Все равно нам до утра не спать. — Я и так еле отвязался от этих кобылиц.

— Может, попьем чайку?

— Какой чай! Да и босс может вызвать в любую минуту.

— Причем здесь ты? Тебя прислали следить за порядком на вилле, а у босса полно своих крутых ребят.

— Ничего подобного! Герпинеску послал охранять его, а не виллу.

То, что нужно, я выяснил. Быстро поднялся в номер, запер дверь и достал электробритву. Ножи взвизгнули и затихли, а изнутри послышалось слабое бульканье, словно кто-то наливал в корпус бритвы воду.

— ... За хорошую весть, — узнал я несколько измененный то ли акустикой, то ли прибором голос Ионы Георгиевича, — и за тебя, друга нашей Молдовы.

Зазвенели рюмочки, а следом послышался голос гостя:

— Только зря вы торопитесь с Приднестровьем и Гагаузией. Пуго может опередить нас...

— А ты уверен, что Горбачев без них не рискнет на введение чрезвычайного положения?

— У него не хватит ни смелости, ни решимости пойти на это. Военных министров он боится больше демократов и без них станет более сговорчивым.

Снова забулькало. Сколько они уже выпили? И генерал, казалось, лыка не вяжет, а рассуждает ясно...

— Если надо, могу еще ребят подкинуть,

— предложил Петрунеску. — Скажи только, сколько и когда им надо убить?

— В понедельник. Следующим за мной рейсом. Там их встретят и разместят. А сколько, завтра после встречи с Косташем решим... Хватит, не наливай, давай лучше чайку сообрази.

— Можно и чайку. — Зажурчала вода из крана. — Не нравится мне эта мышиная возня. И Горбачев ваш не нравится. Какой из него политик, если в своем доме порядок не может навести? А не получится так, что устранение Крючкова и Пуго будет поводом прийти к власти новому Сталину?

— Не получится. Все продумано. Только дай надежных ребят...

— Когда планируется ввести чрезвычайное положение?

— Думаю, не раньше сентября. Во всяком случае, до подписания договора с союзными республиками.

— Вот и чаек закипел. Тебе с жасмином или с мятой?

— Сделай просто индийский, да покрепче.

— Зря. Жасмин и мята способствуют быстрейшему очищению крови от всякой всячины.

Потом они пили чай и вели разговор на чисто житейские темы. У генерала, узнал я, двое детей: старший сын — офицер, дочь, не закончив университет, выскочила за сокурсника замуж; приходится обоим помогать. Иона Георгиевич сожалел, что Альбина никак не может сделать выбор, и он беспокоится за ее будущее.

Закончив чаепитие, тепло распрощались, и Михаил Михайлович ушел в свой номер. В комнате Ионы Георгиевича погас свет. Я выключил радиоприемник. Новости, привезенные генералом из Москвы, взбудоражили меня. Петрунеску и его гость играют по-крупному. Теракт, который они готовят, судя по всему, может привести к непредвиденным последствиям.

Но что можно предпринять в моем-то положении?..

Я еще долго лежал с открытыми глазами, думая о происходящем в стране, о кагэбшном генерале, обнимающемся с торговцем оружием и убийцами. Куда мы идем?..

Утром Петрунеску кому-то позвонил и сказал лишь два слова: "Мы ждем".

В одиннадцатом часу на вилле появился черный лимузин — на таких в Москве разъезжают правительственные чиновники. Иона Георгиевич с Михаилом Михайловичем сели в него и укатили, судя по вчерашнему разговору, к самому Косташу.

Я побродил по территории виллы, убедившись еще раз, что вырваться отсюда так же сложно, как и из школы Герпинеску: высокий каменный забор с натянутой поверху колючей проволокой хорошо просматривался с постовых вышек. Вернувшись в номер, я почти целый день отсыпался.

Петрунеску со своим столичным гостем возвратились поздно вечером, изрядно нагрузившиеся, и, приказав разбудить себя в три утра (генерал улетал в Москву), сразу же отправились по номерам отдыхать. А ко мне зашел Мирча.

— Ты повезешь генерала в аэропорт? — спросил он.

— Возможно. Но пока такого приказа не получал.

— Если повезешь, возьми меня сопровождающим.

— Но ты же говорил, что Герпинеску прислал тебя охранять Иону Георгиевича.

— А, — отмахнулся Мирча, — у босса свои телохранители бездельничают. Вон целый день в карты режутся. А мне... Мне позвонить до зарезу надо.

— Узнать на месте ли жена? — не удержался я, чтобы не съязвить, но, видя, как надулся Хадырка, переменил тон: — Хорошо, замолвлю за тебя словечко.

Я догадывался о цели внезапного появления Мирчи здесь, на вилле. Как и во многих государственных органах, тут налажена многоступенчатая слежка друг за другом, и Герпинеску, не раз видевший меня и Хадырку в бильярдной и зная мои отношения с дочкой своего патрона, а стало быть, и с самим Петрунеску, решил воспользоваться этим, подсунав не очень сообразительного, но раболепски преданного телохранителя на виллу. Я на девяносто процентов был уверен, куда торопился Мирча, когда шеф с генералом КГБ пошли в номер: не иначе, что и Хадырка был снабжен подслушивающим устройством. Только на кого он с Герпинеску работает? Я с удовольствием бы взял Мирчу в попутчики и проследил, кому он передаст микропленку переговоров. А то, что именно для этого он набивается мне в провожатые, яснее ясного.

Ровно в три я разбудил Иону Георгиевича и генерала. Пока они умывались, поступал Мирче. Пускать меня в номер тот явно не желал, загородив своей могучей фигурой дверной проем.

— Оденься на всякий случай, — сказал я, даже радуясь этому: ведь мне тоже нужно было послушать, о чем они будут говорить за завтраком.

Генерал собрался по-военному быстро: через пять минут он был уже у Петрунеску,

который все еще плескался в ванне. Потом они пили кофе и больше молчали.

Мы с Мирчей почти одновременно вышли в коридор, когда Иона Георгиевич пошел провожать своего московского гостя.

— Разрешите? — подсуетился Мирча, забирая у генерала чемодан.

Я спустился за ними к поджидавшему у подъезда черному "мерседесу". Будет ли Мирча напрашиваться в провожатые?.. Мне так хотелось побыстрее вернуться на второй этаж.

— Разрешите остаться? — спросил я у Ионы Георгиевича.

Он одобрительно махнул рукой.

Я почти бегом поднялся по лестнице к номеру Мирчи. Ключ торчал в двери. Я открыл и в тусклом утреннем свете увидел scomканную постель, телевизор на тумбочке, стол с кофеваркой и чашкой. Ничего, заслуживающего внимания, в глаза не бросилось.

Заглянул в ящики стола: чистые листы бумаги, затрепанный порнографический журнал. В шифоньере — одежда Мирчи.

Открыл тумбочку и сразу наткнулся взглядом на электробритву. Точь-в-точь как у меня! Подошел с ней к столу, где больше света, снял головку вместе с колпачком, и под тонкой пластмассовой пластинкой едва различил крохотную катушку с микропленкой. Что ж, неплохо лишить наших противников столь ценной информации (в том, что Мирча с Герпинеску работают не на моих друзей, я не сомневался. Оба — упертые националисты, не желающие ничего видеть и слышать, кроме самостоятельности).

Забрать бритву? Может хватиться. А вот вытащить микропленку и заменить другой...

Я вернулся к тумбочке, где видел пачку "Мальборо". Открыл, прощупал каждую сигарету. Вот она с твердым наконечником! Я вытащил ее, подошел к столу и плохо повинующимися от волнения пальцами заменил кассету. Но положить бритву назад не успел: в комнату вошел Мирча.

— Вы... ты?... — глухо и с ненавистью выдал он.

— Да, я, — отозвался как можно спокойнее и беспечнее, чтобы сбить его с толку и не дать опомниться. — Как видишь, Иона Георгиевич не зря не доверяет чересчур услужливым помощникам. Кто тебя послал? На кого ты променял благодетеля, который спас тебя от тюрьмы и платит больше, чем министру? Кто поручил тебе шпионить за ним?

Мирча только беззвучно шевелил губами.

— Не хочешь сказать мне, идем к шефу, — напирал я, занимая на всякий случай более выгодную позицию.

— Не надо... Я все объясню. — Мирча отступил в прихожую, загораживая мне выход. — Ничего это хорошего не даст ни мне, ни вам. Да и шефу. — Он помялся и решил: — Это большой начальник. С самого верха... Мне приказали...

— Наверху начальников много. Кто конкретно?

— Не знаю. Герпинеску этого не говорил... Если хочешь, будем работать вместе. Петрунеску коварный человек, и не надейся, что он возьмет тебя в зятья: он с неприглянувшимися женихами дочери расправляется только так.

Я понял, что Мирча что-то знает о гибели Андрея Болтунова.

— Скажи, кто убил жениха Альбины и за что?

Мирча опустил голову, пряча глаза, и мне подумалось: а не участвовал ли он в той инсценированной автокатастрофе?

— Старлей узнал, кто на самом деле его тесть и где хранится оружие... А кто убивал?.. Кто-то из нашей школы.

— Врешь! Ты был там!

Мирча напрягся, и в его глазах я прочитал гнев:

— Не ори! Ты тоже приговорен. Отдай пленку, и я тебя выпущу отсюда.

— Что, и через проходную меня проведешь?

— Я выпущу тебя из номера. А дальше — твои проблемы. — Он глянул на пистолет, висевший у него под мышкой, и повторил увереннее: — Давай пленку!

Я неторопливо полез в карман и, резко отбив протянутую руку, попытался ударить его по сонной артерии. Но, видно, не зря я учил Хадырке — кое-чем он все-таки овладел — успел прикрыть шею подбородком, и удар мой пришелся в скулу. Он покачнулся, но тут же бросился на меня. Отпрянув в сторону, я ударил его ногой в промежность. Мирча взвыл от боли и, падая, схватился за пистолет. Но выстрелить не успел. Каблук моего ботинка попал ему в висок. На какое-то мгновение Мирча вырубился и этого мне хватило, чтобы покончить с ним.

Сообщение Хадырке о том, что я приговорен к смерти, не стало для меня открытием: и без того было ясно, что эта шайка просто так меня не отпустит, что Петрунеску держит меня лишь до поры до времени, преследуя какую-то цель. После

убийства Мирчи он вряд ли станет тянуть со мной...

Бежать? Но как? Охрана у Петрунеску поставлена не хуже, чем у настоящего президента: днем и ночью вилла под наблюдением, рядом с ним — телохранители. Даже если удастся выбраться за ворота, его люди бросятся по следу, как борзые... Моим объяснениям и доказательствам, что Мирча шпионил, грош цена. Первые же вопросы Петрунеску: зачем я зашел в чужой номер и как догадался, что подслушивающее устройство спрятано в электробритве, загонят меня в угол. Единственное, на что можно рассчитывать, это если Петрунеску утром куда-то поедет и Мирча ему не потребует... Эх, мне бы только выбраться за ворота, а там будет проще искать выход...

Я вытащил из пистолета Мирчи обойму, заменил на свою и вышел в коридор. Шум борьбы, к счастью, никого не потревожил. Сердце учащенно колотилось, и все мое тело было как сжатая пружина. Мысли метались от одной крайности к другой, то толкая на решительные действия, то приказывая выжидать. Надо было успокоиться, я достал из серванта бутылку коньяка, налил рюмку и осушил одним глотком. Потом лег на кровать и расслабился.

Не знаю, сколько я пролежал недвижимо, но, когда за окном послышался шум машины, я вскочил как от выстрела. Выглянул в окно. К подъезду подкатил желтый "Жигуленок" с синей полосой и синими крупными буквами на капоте — ГАИ. Из кабины вышел... Я не верил своим глазам — Дониц! Видно, и в самом деле есть Бог на свете. Или я родился под счастливой звездой!

Дониц захлопнул дверцу и быстрым шагом вошел в здание. Я чуть не бросился ему навстречу, но вовремя спохватился: без дежурного на этаж он не поднимется.

Я достал электробритву, включил в сеть. Тут же услышал, как в покоех Петрунеску раздалась телефонная трель. Иона Георгиевич поднял трубку. Из обрывков фраз удалось понять: прибыл посыльный от Герпинеску по очень срочному и важному делу.

Что случилось в школе? Уж не перешли ли наши к решительным действиям?

Иона Георгиевич приказал пропустить к нему прибывшего. Через минуту послышались шаги. Как я и предполагал, Дониц поднимался не один. Щелкнул замок открываемой двери, и прямо с порога раздался доклад:

— Беда, Иона Георгиевич. В аэропорту арестован генерал. Школа оцеплена солдатами. Нам с Герпинеску еле удалось

уйти — мы как раз возвращались из Кишинева.

- Подкрепление вызвали?
- Связь оборвана. Радио глушат.
- Напали русские?
- Я видел и наших полицейских.
- Сволочи!

Петрунеску крутнул диск телефона и снова выругался.

— И тут отрубили... Подними шофера и телохранителей, — приказал он дежурному. — Через десять минут выезжаем. На "Волге".

Когда дежурный постучал в мой номер, я уже был готов к выезду. Они ведь вот-вот могут обнаружить труп Мирчи. Это подхлестывало меня, заставляло шевелиться, и я сам спустился на первый этаж к Руссу и Саракуце, чтобы поторопить со сборами.

Гараж размещался под домом, закрылся кодовым замком, секрет которого, кроме меня и Петрунеску, вряд ли кто знал.

Я запрыгнул в "Волгу", включил зажигание и, не дожидаясь прогрева двигателя, выехал за ворота. Тормознул у подъезда, моля Бога, чтобы Петрунеску не вспомнил о Мирче.

Первым появились телохранители, за ними шеф в светлом костюме и при галстуке. Он окинул всех беглым взглядом и вдруг спросил:

— А где Хадырке? Почему не разбудили?

— Я стучал к нему, — начал оправдываться дежурный. — Думал, что он уже вышел.

— Разыщите! Да быстрее же!

Сердце у меня замерло: что делать? Выйти из машины или попытаться прямо в салоне выхватить пистолет и... Нет с такой оравой не справиться, даже вдвоем с Доничем. Одна надежда: Петрунеску махнет рукой и не станет дожидаться, когда найдут Мирчу. Но нет! Он не из тех, кто не доводит дело до конца.

Наконец вернулся дежурный — бледный, перепуганный.

— Хадырке мертв, — с трудом выдавил он из себя.

— Как мертв?! Убит? Умер? Вы можете по-человечески доложить?!

— Похоже, задушен. На полу...

— Свалить такого буйвола! — Петрунеску подозрительно-пронзающе посмотрел на меня. Я выдержал его взгляд, и он снова повернулся к дежурному:

— Оружие при нем?

— Все на месте...

— Разберитесь! И найдите обрыв теле-

фонных проводов. Это где-то рядом. Мы скоро вернемся. — С этими словами он тяжело опустился на заднее сиденье.

— Разрешите мне следовать с вами? — Донич вскинул руку к голубому берету, лихо заломленному набекрень.

— Поезжай в аэропорт, — распорядился Иона Георгиевич, достав из кармана две визитки. — Эту отдашь начальнику аэропорта или его заместителю. А вот по этому телефону позвонишь через час, доложишь обстановку и получишь дополнительные указания. Вперед! — хлопнул он меня по плечу.

"Пронесло или нет?" — гадал я, выжимая сцепление. А "Волга" стремительно набирала скорость, словно стараясь как можно скорее унести меня подальше от виллы. Лишь через четверть часа я начал успокаиваться: опасность на время отступила.

С узкой гравийной дорожки съехали на шоссе. Солнце уже оторвалось от горизонта и, пробиваясь сквозь кроны деревьев, столпившихся на обочине, отражалось от асфальта, как от зеркала, слепя глаза. День обещал быть знойным.

Дорога была пустынна, но я не гнал, обдумывая ситуацию, стараясь предугадать дальнейший ход событий. То, что Петрунеску заподозрил меня в убийстве Мирчи и порче телефонной связи, было видно по его взгляду. Этот взгляд окончательно убедил меня, что отсрочка приговора заканчивается. Надо быть начеку. В любой момент Петрунеску может приказать остановиться и выйти из машины, а Руссу или Саракуца, притихшие в напряженном ожидании, выполнят любой его приказ. Правда, патроны в моем пистолете уже не холостые и просто так убить меня им не удастся.

26

У первого же появившегося на пути селения, я увидел три бронетранспортера, два грузовика и группу наших солдат около них. Зачем они прибыли сюда? Учения или очередная разборка между приднестровцами и националистами?

В соседнем селе такая же картина — бронетранспортеры, солдаты...

Иона Георгиевич заерзал на сиденье. Я глянул на часы: начало седьмого, а в Москве — начало девятого. Включил приемник, и голос диктора, твердый, решительный, словно произносящий приговор, приковал к себе: "... идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспе-

чению законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок шесть месяцев с четырех часов по московскому времени девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года.

Второе. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

Третье. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе..."

"Наконец-то! — чуть ли не крикнул я. — Наконец-то в стране будет наведен порядок, покончат с бандитскими формированиями, заставят удельных князьков жить по общим законам. Наконец-то я вырвусь на свободу!"

Смотрю в зеркало заднего вида: Петрунеску сидит, низко опустив голову, насупившись и багровея.

— Ты что, уснул за рулем? — вдруг зарычал он, толкая меня в спину: я так заслушался, что сбавил скорость чуть ли не до пешеходной.

Даю по газам, и машина, поперхнувшись большой дозой бензина, рывком устремляется вперед.

"...Четвертое, — продолжает диктор. — Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР. Янаев, Павлов, Бакланов."

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — выдавил Петрунеску с сарказмом. — Ошибся со своим прогнозом Михаил Михайлович! — И, подумав, спросил у меня: — А где же ваш Горбачев?

— К этому все и шло, — ответил я.

— Думаешь, Крючков с Пуго будут лучше?

— Почему Крючков с Пуго? Им и своей власти хватит.

— Вот именно! Сколько теперь голов полетит...

"Да уж, — мысленно согласился я. — И с тебя бы первого начать".

Подъехали к Кишиневу. Дорога стала оживленней, и все чаще нам попадались бронетранспортеры, боевые машины десанта, машины связи. В городе у административных зданий стояли солдаты в бронжилетах и касках с автоматами наготове.

— Останови вон у той будочки, — указал Иона Георгиевич на пост ГАИ.

Сквозь стекло я видел, как он кому-то позвонил. Вернулся Петрунеску минут через пять успокоенным и решительным. Махнул рукой:

— Ко мне домой!

Но остановиться приказал за квартал от дома. Он послал меня на квартиру и велел переодеться в военную форму.

Улицы были еще пустынные — горожане только просыпались. Дежурный, бодрствовавший в подъезде, пропустил меня без вопросов. Здесь все было спокойно, и это удивляло: почему Токарев оставил без внимания главное гнездо? Или сейчас не до этого?

Альбина, была уже на ногах, подставила щеку для поцелуя и обеспокоенно спросила:

— А где папа?

— Скоро будет. Я заскочил на минутку, чтобы снова стать капитаном Семиречинским.

— Понятно, — кивнула она. — Я слушала радио... Но объясни все же, что в вашей Москве происходит? Горбачев действительно болен?

— Разве это имеет значение? Помоему, его песенка спета.

— А нашего Снегура?

— Не знаю. Отцу никто не звонил? — в свою очередь поинтересовался я.

— Звонили. Просили, как появится, перезвонить.

Я не стал уточнять, кому, чтобы не показаться излишне любопытным: сейчас надо особенно держать ухо востро, развязка, судя по всему, близка.

— А Софья Михайловна дома? — решил я выяснить одни ли мы в квартире.

— Ей здесь нечего больше делать! — зло ответила Альбина. — Ты, что, соскучился по ней? — Прищурила она свои большущие цыганские глаза.

— А как же! За тебя переживаю: как ты теперь без мамочки? Она же кормила тебя, обихаживала...

— Да пошел ты!.. — вскипела Альбина.

— И вправду пошел. — Но едва я сделал шаг, как в прихожей раздалась трель звонка. Альбина чуть ли не оттолкнула меня, устремляясь к двери. Щелкнул замок, и я услышал ее радостное восклицание:

— Ты что, с неба свалился?!

— Почти, — ответил знакомый мужской голос. Но чей? Этого я никак не мог вспомнить и вошел в прихожую. Ну, конечно же, Скородумов! Собственной персоной.

— Привет, молочный брат, — протянул я ему руку.

Он явно растерялся и лишь ревниво посмотрел на Альбину. Но та молчала. И моему сопернику ничего не оставалось, как ответить на приветствие:

— А я думал, вы уже в Москве...

— Да вот Альбина не отпускает. Боится, что ты один не справишься.

— Ах, какая самореклама! — пришла на помощь Скородумову наша общая возлюбленная. — За него я как раз не беспокоюсь. А вот за тебя... — Она грустно усмехнулась. — Тебе действительно пора в Москву.

— И рад бы, да еще не выполнил редакционного задания. Никак не могу найти автора одного письма.

— Вы еще занимаетесь этим? — удивился Скородумов.

— А как же! Я человек военный. Привык выполнять приказы. А вот как ты оказался здесь, когда объявлено чрезвычайное положение и в полку наверняка тревога?

— Меня это уже не касается: я не летчик ВВС Союза и даже не военнослужащий Вооруженных Сил СССР. Я — военный пилот Молдовы — суверенной, свободной страны.

Я даже присвистнул:

— Быстро сориентировался!

— А как же. У меня и квартира здесь, и родные.

— И невеста из хорошо обеспеченной семьи, — дополнил я.

— И невеста, — согласился Скородумов. — А хотите, я продам секрет, кто написал в редакцию?

— Интересно... сколько это будет стоить?

— Суший пустяк. Отдаете мне красный "Жигуленок" и все. А я, к тому же, избавляю вас от хлопот при выезде из Молдовы.

— Губа не дура. Но то, что ты просишь, подарок Альбины, и он дорог мне как память, — я посмотрел на нее. В глазах Альбины сверкали молнии, ноздри раздувались, как у взнузданной дикой лошади. Скородумов же делал вид, что не замечает ее гнева, и мне вспомнилась беседа с ним, его признание, что жадность фрайера сгубила. Видно, урок не пошел впрок, и я как можно спокойнее заметил:

— К тому же мне известен анонимщик. — Скородумов не выдержал моего взгляда.

— Да, я написал! — зло выкрикнул он. — Потому что Вайкулевич — сволочь! За чепуху отстраняет от полетов. Ну да черт с ним, он свое еще получит... Так как насчет "Жигуленка"?

— Прекрати! — не выдержала Альбина. — Ты... Ты как базарная торговка!

— Вот видишь, к чему приводит жадность, — усмехнулся я. — Тебе мало, что уступаю Альбину? Или она меньше стоит?

Я повернулся и решительно направился к двери.

27

Иона Георгиевич сидел, вжавшись в угол, тяжело свесив голову. Видно, невеселые думы одолевали его.

— Поехали к дому, — приказал он.

Я остановил машину у подъезда. Петрунеску и Руссу вылезли.

— В случае чего, просигналишь: два коротких и один длинный, — предупредил Петрунеску. — Мы скоро вернемся.

"Самый подходящий момент исчезнуть, — мелькнула спасительная мысль. — Прихлонуть Саракуцу труда не составит..." Но что-то меня удержало от этого.

— Черт, совсем забыл Альбину предупредить, — сказал я, открывая дверцу. — Пойду, звякну ей.

Телефонная будка через дорогу. Набрал "аварийный" номер, который дал Донич на экстренный случай. Сразу же ответил мужской голос:

— Вас слушают.

— Говорит Семиречин. Я от Петрунеску. Какие будут указания?

— Ждите. Пока все нормально. — И в трубке раздалась короткая гудка.

Что ж, нормально — так нормально. Подождем еще немного.

Иона Георгиевич и Руссу вернулись минут через пятнадцать. Телохранитель нес большой увесистый чемодан. Я открыл багажник.

— Сходи к Альбине, возьми бутылку "Камю" и чего-нибудь перекусить, обедать нескоро придется, — приказал мне Петрунеску.

Я поднялся на этаж. Скородумов все еще был у Альбины.

— Ты вернулся объявить, что передумал? — съязвил он.

— Нет. Чтобы спросить тебя, кто и за что убил Андрея?

— Это не по моей части, — посерьезнел Скородумов. — Могу поклясться, что я к этому никакого отношения не имею.

— Может, вдова его что-нибудь прояснит? — глянул я в глаза Альбины, тут же вспыхнувшие негодованием.

— Убирайся! — прошипела она. — Меньше будешь знать, дольше проживешь.

— Отец просил передать ему бутылку "Камю" и закуску.

Она ушла на кухню и тут же вернулась с полным полиэтиленовым пакетом.

— Что же он сразу не взял, я же предлагала...

Я лишь пожал плечами, а про себя подумал: значит, ему надо было выпроводить меня из машины, чтобы дать какие-то указания телохранителям. Вероятнее всего, касающиеся меня...

— На центральную и к югу, — скомандовал Петрунеску, доставая из пакета пузатую бутылку.

У поста ГАИ снова остановились. В будке было пятеро. Один из них — капитан, который допрашивал меня после подстроенной аварии, — вышел к нам, и Иона Георгиевич повел его в сторону от машины. Что-то внушительно стал ему втолковывать, размашисто жестикулируя. Тот только виновато кивал.

«Да, на Петрунеску работает не одна школа террористов, — убеждался я. — Просто так его не возьмешь...»

Когда мы тронулись от поста ГАИ, за нами покатали «мерседес» с мигалкой и желтый «Жигуленок», в каждой машине сидело по трое полицейских. «Мерседес» вскоре нас обогнал и держался впереди.

— Не отставай от него, — приказал Петрунеску.

Чем дальше отъезжали от Кишинева, тем свободнее становилась дорога; и в пронесившихся мимо селах людей не было видно, словно они повымерли или затаились в ожидании опасности. Тишина настораживала, давила, как бывало в Афганистане, когда, пробираясь по горным склонам, за каждым камнем ожидаешь засаду...

Мы все дальше мчались на юг, у Чимишлия «мерседес» свернул направо. Уж не надеется ли Петрунеску днем пересечь румынскую границу?

Минут через сорок свернули влево на малоезженную грунтовую дорогу, засыпанную в низинах гравием. Виноградники и сады по обочинам сменились лесом, поначалу молодым и редким, а затем густым и ядреным.

Наконец, перед нами открылась небольшая поляна, на которой слева возвышался двухэтажный деревянный терем, какие мне доводилось видеть лишь на картинках: резное крыльцо, резные наличники окон, резные карнизы. Все однотонное, чистое, словно выточенное из янтаря; и солнце, отражаясь от стены, слепило огненным бликом. Судя по всему терем построен недавно — нет еще и ограды, в обозначенном столбами палисаднике видны молодые саженцы яблонь, черешни, винограда.

Я припарковал «Волгу» рядом с «мерседесом» под кроной могучего дуба, подо-

ждал, когда выйдет патрон, и пошел за ним к терему. Навстречу Петрунеску уже спешил мужчина в белой сорочке, расшитой у ворота и на рукавах причудливым орнаментом, в синих просторных шароварах и легких чукьяках. Ему было лет пятьдесят. Запорожские усы выдавали в нем скорее украинца чем молдаванина. На крыльце стояла женщина тоже в национальном одеянии — белой вышитой блузке и широкой черной юбке. Она была моложе мужчины лет на пятнадцать — симпатичная, ясноокая, хотя и рано располневшая.

Петрунеску поздоровался с хозяевами, раболепно склонившими перед ним головы, и пошел в терем.

Внутри оказалось гораздо просторнее, чем я представлял. Пять комнат только на первом этаже. Правда, обставленные по сравнению с виллой прямо-таки по-спартански.

Управляющий — так я понял роль мужчины — повел хозяина на второй этаж, рассказывая, что сделано за последние дни, женщина заторопилась на кухню, а я остался в гостиной, наблюдая из окна за ребятами из «мерседеса», улегшимися на траву под дубом и весело о чем-то болтавшими. Шофер «Жигулей» из машины не вышел, а его спутники — гаишники, лейтенант и сержант, в форменных рубашках с короткими рукавами, из-под которых выглядывали бугристые бицепсы, — вошли в гостиную и бесцеремонно уселись на диван. За ними явился и Руссу. Саракуца присоединился к компании из «мерседеса».

Из разговора гаишников, обсуждавших события в Москве, я уловил, что в Молдове вместе с войсками за порядком наблюдают и полицейские, что якобы Снегур поддержал гэкачепистов. Правда, говорили стражи порядка об этом с насмешкой, явно недовольные своим президентом.

Управляющий спустился со второго этажа и передал, что Иона Георгиевич просит меня и Руссу подняться к нему.

Комната, где в мягком кресле восседал Петрунеску, была обставлена в его стиле — дорогой мебелью с коврами на стенах и полу.

— Садитесь, — кивнул он на диван напротив. — Итак, мой любезный Игорек, скажи как на духу, кому ты звонил из телефона-автомата? — уставился он на меня своим пронзающим взглядом.

— Когда ходил переодеваться, у меня был крупный разговор со Скородумовым о подаренных Альбиной красных «Жигулях». Он требовал отдать их ему. Я отказал, а

потом передумал. Вот и решил позвонить. Но телефон был занят.

— Ты интеллигентный человек и знаешь, что подарки не передариваются, — отрубил Петрунеску. — И знаешь, что этот подарок не столько Альбины, сколько мой. Но допустим, ты говоришь правду. Допустим, — повторил он, давая понять, что не верит моему объяснению. — А за что ты убил Хадырке?

— Так получилось. Он напал первым. Я застал его за подслушиванием вашего разговора с Михаилом Михайловичем.

— Почему сразу не доложил?

— У вас были более серьезные и срочные дела, и я...

— Пожалел! — прервал мои оправдания Петрунеску. Он встал и прошелся по комнате.

— Разреши, шеф? — вмешался в разговор Руссу.

— Давай, — снисходительно кивнул Иона Георгиевич.

— Этот москаль сразу мне не понравился. Все он врёт! Дайте мне его, и через десять минут я вытрясу все из него вместе с говном.

— Подожди. Он еще не на все вопросы ответил. — Петрунеску остановился на против меня. — На кого работал Хадырке?

— Не знаю. Говорил, что на большое начальство. И мне предлагал. — Я достал из кармана пленку и протянул Петрунеску. — Можете удостовериться.

Он взял ее, повертел в руках. Спросил, не скрывая сарказма:

— И чем же я заслужил такую твою преданность?

— Вы сами говорили, что у меня нет другого выхода.

— Да уж, положение твое незавидное. И что же ты думаешь делать дальше?

— Что прикажете. Я в вашей власти.

— А что я могу приказать?.. Нас обложили со всех сторон. И ваши генералы церемониться не станут... Выбирай: Италия, Америка, Ирак? Временно, разумеется. Думаю, у власти эти новоиспеченные президенты долго не удержатся: шторм одной волной не кончается. — Он помолчал. — Можно, конечно, и в Москву, если считаешь, что сможешь оправдаться. И не боишься, что мы тебя найдем.

— Мне все равно. Куда прикажете.

Лицо Ионы Георгиевича смягчилось, и он опустился в кресло.

— Хорошо. Ответь мне еще вот на какой вопрос: может ли небольшой самолет уйти ночью от перехватчиков и вообще от средств ПВО?

Вот зачем я нужен ему! Вот для чего он

катал меня на АН-14! Теперь мне все стало ясно.

— Трудная задача. Многое зависит от того, каков летчик, от его смекалки и умения выбрать маршрут, — решил я не лишать Петрунеску надежды. — До Румынии — рукой подать. И если уж Русту удалось сесть на Красной площади...

Глаза Ионы Георгиевича лукаво заблестели.

— А ты рискнул бы на такой эксперимент?

— Кто же мне доверит самолет? — усмехнулся я.

— А вдруг... К примеру?

— Если к примеру... Почему бы не попробовать? Двум смертям не бывать, горючат у нас.

— И у нас так говорят! — весело заключил Петрунеску, вставая: — Что-то хозяйка долго возится, кишки уже марш играют.

Мы спустились на первый этаж.

Женщина заканчивала накрывать стол.

— Зовите хлопцев, все готово, — пропела она, почтительно и одновременно игриво глянув на Иону Георгиевича.

— Крикни, — указал мне на дверь Петрунеску.

Под дубом желтых "Жигулей" уже не было, тройца из "мерседеса" и Саракуца играли в карты. Я позвал, и они не заставили себя ждать.

Петрунеску с нами не обедал, поднялся с управляющим на второй этаж. Уходя, запретил даже пиво, и обед прошел быстро и скудно. Затем Петрунеску разрешил всем, кроме старшего из "мерседеса" и Саракуцы, отдыхать. Молодцы из ГАИ предпочли поваляться под дубом, а я отправился в отведенную комнату.

Я лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок, думая о происходящем и пытаюсь предугадать ход событий. Аэропорт, по логике вещей, должен быть взят военными под контроль. Но вдруг наше командование не решилось "осложнять" отношения с местными властями? На что-то же Петрунеску рассчитывает? В конце концов он может попытаться захватить самолет силой: боевиков у него предостаточно. Да и Скородумова Альбина завлекла, конечно же, не ради любовных утех — он тоже пилот. И еще неизвестно, кому скорее доверит штурвал ее папаша.

От напряженного бега мыслей разболелась голова, но я сумел взять себя в руки, не запаниковать. Постепенно мною овладело безразличие — чему быть, того не миновать, — мрачные мысли улетучились, я стал вслушиваться в тишину приютившегося на опушке терема, еще пахну-

щего смолой, навевающего воспоминания о далеком детстве, когда я на все каникулы отправлялся в деревню.

Из оцепенения меня вывел гул вертолета. Я быстро встал и спустился вниз. Передо мной предстала довольно странная картина: на полу с окровавленным лицом лежал наш гостеприимный управляющий, а по бокам от него стояли двое дюжих молодцев из "мерседеса". Иона Георгиевич чуть в стороне восседал в кресле — как судья перед пойманным вором или убийцей. Руки управляющего были связаны, сквозь стон он пытался что-то объяснить.

— Поднимите его, — приказал Петрунеску.

Несчастного тут же усадили на стул, приказали поднять голову и смотреть в глаза хозяину.

— Чей это вертолет? Кому ты продался? — спросил тот.

— Не знаю... Они пришли на другой день, как тут началось строительство, — хрипло, с перерывами заговорил управляющий. — Предъявили удостоверения МВД Молдовы. Сказали, что вы работаете на КГБ русских, что они все знают обо мне и о вас. И если я не хочу снова за решетку, должен информировать их о том, что будет здесь происходить.

— Как часто ты с ними встречался?

— По пятницам, когда ездил в Кишинев.

— О чем докладывал?

— А много ли я знаю? Кто приезжал, что привозил, о чем говорили...

— Их имена, фамилии?

— Одного, кажись, называли Мыколой Семеновичем. А фамилия... Дарануце, похожему. Других не знаю.

— О чем договаривались в последний раз?

— Велели, как только вы появитесь здесь, сообщить. И вон ту бандуру для этого привезли, — управляющий кивнул в сторону передатчика.

— И что же ты доложил?

— Сколько вас...

— А еще?

— Что приехали денька на три отдохнуть... Они и улетели.

На скулах Петрунеску негодующе заходили желваки:

— Забыл, собачий сын, кто тебя из тюрьмы вытащил? Забыл, во сколько это мне обошлось?

— Не забыл, Иона Георгиевич, — заскулил управляющий. — Я слова плохого о вас не сказал им... Я ж... Да что я мог сделать?

— Что с ним говорить, дайте его мне, —

прервал молчание стоявший в дверях Руссу.

Петрунеску ничего не ответил. В это время к дому подкатил желтый "Жигуленок". Из него выскочил лейтенант и торопливо направился к крыльцу. Все повернулись к двери. Лейтенант вошел без стука, козырнул по-военному:

— Иона Георгиевич, русские совместно с нашей полицией блокировали дорогу. Бронетранспортер и два грузовика стоят на перекрестке.

Петрунеску встал.

— Пес поганый! — презрительно бросил он управляющему. — Повесить бы тебя там, на чердаке, откуда вел передачу, да некогда. Здесь прикончить его!

Молодцы подхватили несчастного под руки и поволокли к выходу. Не успела закрыться дверь, как в комнату влетела жена управляющего и упала в ноги хозяину. Размазывая слезы по щекам, она стала умолять пощадить мужа.

Иона Георгиевич лишь кивнул Руссу:

— Убери.

— Сейчас я ее успокою, — с усмешкой отозвался тот и потащил упирающуюся женщину на улицу.

Нас в комнате осталось трое. Петрунеску попросил лейтенанта уточнить, где остановился бэтээр, сколько солдат и полицейских прибыло на машинах. Тот достал карту и указал точку:

— Вот здесь. Всего бойцов человек тридцать. По шоссе курсируют бронетранспортеры.

— Как вас пропустили?

— С трудом. С час продержали, все в машине перетряхнули. Потом связались по рации с нашим управлением и только тогда отпустили.

Петрунеску долгим изучающим взглядом осмотрел карту.

— Зови всех, — наконец приказал он лейтенанту. — Надо уходить.

28

В лесу под густыми кронами было парко и душно. Местами путь наглухо преграждал валежник — вековые сосны и осины, вязы и клены, которые не так-то просто было перелезть или обойти. Через час пути мы напоминали взмыленных лошадей, нещадно подгоняемых жестоким, охваченным паникой наездником, спасающимся от безжалостных преследователей.

Шли впятером: Петрунеску впереди держал путь по компасу, за ним управляющий, скособочившийся под тяжестью чемодана, а далее Руссу, я и Саракуца замыкающим. Покидая терем, Петрунеску

вытащил из тайника два автомата Калашникова с запасными рожками. Один АКМ он отдал Руссу, второй оставил себе.

Желтый "Жигуленок" с гаишниками должен был к вечеру пробиться на трассу и ожидать нас в условленном месте, известном только боссу. "Мерседес" и "Волга" остались у дома — пусть наблюдатели считают, что все на месте.

Если верить карте, то до трассы напрямую километров десять, но по такому лесу, где приходится постоянно петлять, набегит и более двадцати.

Петрунеску частенько поглядывал на часы, торопясь выйти к трассе засветло: ночью тут сам черт ногу сломит. Управляющий пыхтел, но шел, понимая, что босс вытащил его из петли не потому, что сжалился: кому-то надо нести этот проклятый чемодан, в котором килограммов тридцать. Смекнул он, видно, и то, что его ждет, когда дойдем до места встречи. Поэтому не торопится мужик, старается подольше перелезть через валежник, несмотря на окрики и пинки Руссу. Если ночь застанет нас в пути, уверен, он пойдет на риск. И я стрелять по нему не стану...

Лес становился все гуще. Спортивная куртка на плечах Петрунеску промокла до нитки. Жировой запасец для него не менее тяжел, чем чемодан для управляющего. Судя по всему, Иона Георгиевич давненько не совершал такие марш-броски — все на машине, да на машине, а одной утренней гимнастики тут маловато.

Он первым и не выдержал взятого темпа. Где-то на третьем часу пути у очередной преграды Петрунеску опустился на ствол поваленного дерева, дав знак рукой на привал.

Он сдернул с шеи автомат, расстегнул ворот куртки и сорочки, вытянул расслабленно ноги. Похоже, темнота перестала его беспокоить.

Управляющий делал вид, что отдыхает, но лохматые брови напряженно шевелились, и глаза рыскали.

Лишь Руссу и Саракуца не напрягали мозги, их задача проста: в случае чего, стрелять без предупреждения...

— Надо поискать воду, — вдруг оживился Руссу, нюхая, как овчарка, воздух. — Кажется, вон там низина.

— Потерпи, — не глядя на него отозвался босс. — Немного осталось.

Мне показалось, что к медвяному запаху листвы, который усилился с заходом солнца, примешивался едва различимый запах отработанного бензина. Я догадался, что Петрунеску раньше меня уловил его и понял, что шоссе недалеко.

В лесу быстро темнело. Зной спал, за-

звенели комары. Руссу и Саракуца закурили. Босс поднялся и, отойдя за куст, стал справлять малую нужду. Тут-то и случилось то, чего следовало ожидать: управляющий столкнул чемодан на Руссу и мгновенно метнулся за дерево.

Саракуца и я выхватили пистолеты. Грохнули подряд два выстрела.

— Не стрелять! — рявкнул Руссу, поднимаясь с земли и вытирая лицо — чемодан угодил ему в голову. — Я сам.

Он рванулся на удалявшийся хруст веток. Вскоре из чащи глухо донеслась автоматная очередь, и минут через десять Руссу вернулся, смачно выругался, сообщив, что прикончил беглеца.

— Коль проворонил, тащи сам. — Петрунеску взглядом указал на чемодан.

Руссу отдал автомат Саракуце, подхватил ношу. Но идти и впрямь долго не пришлось — вскоре мы вышли к шоссе. Справа, метрах в двухстах от нас фары проезжавших машин высвечивали небольшой мосток через речку-переплюйку. Петрунеску смотрел то туда, то на часы. Видимо, здесь должна была состояться встреча с желтым "Жигуленком". Но он не появлялся, а машин на дороге становилось все меньше.

Подождав еще с полчаса, Петрунеску приказал Руссу и Саракуце ловить попутку. Боевики, пристроив автоматы под одеждой, пошли к дороге. Ждали недолго. Со стороны Чимишлия приближался свет фар.

Что произошло на дороге, не было видно, но вскоре Саракуца вернулся и сказал, мол, все в порядке.

На обочине стоял военный газик. Ни водителя, ни пассажиров не было, в последнем свете дня на асфальте виднелась сохнувшая цепочка из капель крови, тянущаяся к мосту.

— Быстро! — Заторопил Петрунеску, указав мне на шоферское сиденье. Рядом, как и прежде, уселся Руссу...

К аэропорту мы подъехали в начале двенадцатого. Еще издали увидели на стоянке множество военных машин. Я притерся к ним, чтобы на нас обратили внимание.

Было тихо, у аэровокзала беспечно расхаживали военные и штатские. К нам никто не подходил, и мы просидели в машине несколько минут, пока Петрунеску кого-то высматривал. Наконец он не выдержал, послал Руссу к начальнику аэровокзала:

— Пусть придет сам или его заместитель.

А Саракуце приказал:

— Поищи машину Альбины. Она где-то здесь.

Я внимательно всматривался в каждый силуэт, мелькавший в свете аэровокзальных огней. Где-то здесь должен быть Дониц, Токарев и его люди. Но где?

Первым вернулся Руссу. Один, встревоженный, без былой самонадеянности. Заговорил торопливо и сбивчиво, что "Пчелка" в аэропорту не приземлялась; каждый самолет усиленно охраняется военными и полицейскими; начальник аэропорта передал, что органы безопасности ищут Петрунеску, потому, мол, пока лучше не встречаться. Он советовал переждать где-нибудь...

Потом пришел Саракуца. Развел руками — нигде "Жигуленка" с Альбиной нет.

Внешне Петрунеску никак не отреагировал и на это сообщение. Но чтобы принять решение, ему потребовалось минут десять:

— Поехали, — зло бросил он мне.

— Куда?

Он не ответил, а лишь махнул рукой в сторону города.

И в это время невдалеке мелькнула знакомая фигура.

— Дониц! — крикнул я, приоткрыв дверцу.

Он подбежал сразу.

— Я ищу вас уже минут пятнадцать... А вы на газике...

— Садись! — приказал ему Петрунеску, подвигаясь.

Дониц сначала замешкался, оглянулся и нехотя полез в машину. Я включил скорость.

— Докладывай! — потребовал хозяин.

— Плохи дела, Иона Георгиевич, — говорил он опечаленно. — Не знаю, с чего и начать. Снегур, слышал я, поддержал гэкачепистов. Косташ в одной упряжке с советскими частями. Арестовали нескольких наших боевиков, ищут вас. И с дочкой вашей, Альбиной, несчастье...

— Что с ней? — схватил Доница за плечо Петрунеску.

— Она ехала с капитаном Скородумовым... Видимо, сюда, в аэропорт. Машина взорвалась.

— Какая машина?

— Красный "Жигуленок".

— Я же ее предупреждал! — в отчаянии воскликнул Петрунеску.

— Судя по всему, кто-то подложил мину, — продолжил Дониц.

О, я-то знал кто! Хороший же подарочек приготовил мне "тестюшка"! Но, выходит, и Альбина знала обо всем. Так зачем же поехала?!

— Что с ними? — машинально спросил я.

— Насмерть.

— Куда едем? — переспросил я, сбавляя скорость. Петрунеску будто не слышал. Нагнув голову, он сидел отрешенно. Признаюсь, в эту минуту мою ненависть к нему сменила жалость. Человек потерял дочь — свою любовь, радость и надежду. Она погибла так нелепо и от его же рук. Мину он заложил, наверно, вчера утром, когда мы заезжали на квартиру.

— Босс, очнись, — буркнул Руссу. — Потом отомстим. Сейчас надо сматываться.

Петрунеску поднял голову.

— В Варкулешты! — приказал он властно прежним командирским голосом.

Мне показалось, что я ослышался, и я переспросил:

— В военный гарнизон?!

— Да, — подтвердил он. — Прямо на аэродром.

Что он еще задумал?.. Выходит, я не ошибся, что видел усатого капитана в Варкулештах... Но если в гражданском аэропорту все самолеты под охраной, то на военном... Хотя как знать, некоторые наши как раз в такие ответственные моменты бывают беспечны.

29

В гарнизоне было тихо и спокойно. Лишь в немногих окнах горел свет. Петрунеску ориентировался здесь, как в собственной вотчине — видно, бывал не раз. Он приказал заехать на аэродром со стороны штаба — откуда всегда въезжали служебные машины и где не выставлялась охрана.

Часовые маячили дальше — около самолетов и командно-диспетчерского пункта.

У поворота к КДП дорогу преграждал шлагбаум, предупреждавший водителей, что дальше проезда нет. Петрунеску приказал Саракуце выйти из машины и поднять его.

Мы подъехали почти вплотную к часовому. Тот, заведя военный газик, нажал кнопку вызова дежурного.

— Мотор не глуши! — приказал Петрунеску, вылезая с Саракуцей из машины.

От КДП вместе с дежурным — молодым лейтенантом с красной повязкой на рукаве — к нам навстречу шел сам подполковник Вайкулевич. Он первым протянул руку Петрунеску, сказал с улыбкой:

— Чего не спится, Иона Георгиевич. В такую чудесную, тихую ночь?

— А потому и не спишься, дорогой Василь Петрович, что ты не выполняешь своих обязательств. Где самолет, за который я тебе аванс заплатил в три раза больший, чем того стоит сама "Пчелка"?

— Вы же знаете обстановку, все полеты запрещены.

— Это не моя проблема. Скажи, Петрунеску тебя когда-нибудь подводил?

— Не подводил, Иона Георгиевич. И спасибо, что всегда выручал.

— "Спасибо" оставь себе. Из спасибо кашу не сваришь! — Петрунеску нервничал и акцент, как никогда раньше, вкрадывался в его речь. — Я тоже шел против закона, доставая тебе деньги, чтобы ты рассчитался с летчиками. Почему вам не выдают зарплату, у тебя не спрашивал. А ты?! Где экипаж "Пчелки"?

— Арестован.

— За что?

— За то, что хотели улететь самовольно.

— Вот видишь! Летчики хотели, а ты... Кто их арестовал? — пронзаяще глянул Петрунеску в глаза Вайкулевича. — Ты?

— Я, — твердо ответил подполковник.

— Тогда сам и повезешь нас, куда я прикажу!

— Не повезу, Иона Георгиевич. — Вайкулевич положил руку на кобуру пистолета. И в ту же секунду Саракуца так ловко и сильно ударил его по голове, что командир полка пошатнулся и... оказался в машине.

— Гони к самолету! — крикнул Петрунеску, заскакивая с Саракуцей в машину прямо на ходу.

"Пчелку" я увидел недалеко слева. Она стояла расчехленная, видимо, и в самом деле подготовленная к вылету. Около нее ходил часовой. На мчавшийся газик он не обратил внимания, решил, что от КДП едет начальство.

Не успели мы остановиться, как Руссу выпрыгнул из кабины и с ходу ударил часового по голове прикладом автомата. Солдат, охнув, повалился на землю.

— Быстро в самолет! — приказал мне и Доницу Петрунеску, вытаскивая вдвоем с Саракуцей Вайкулевича.

Но дверь "Пчелки" оказалась закрытой.

Я всегда отдавал должное прозорливости Петрунеску. И на этот раз он догадался, где искать ключ — стал обшаривать карманы Вайкулевича.

А на аэродроме уже ревела тревожная сирена. Дежурный поднял стрельбу, и к самолету бежали солдаты.

— Прикройте! — приказал Петрунеску

Руссу и Саракуце, вооруженным автоматами.

Вайкулевич все еще был в шоке. Пока мы с Доницем затаскивали его в салон, Иона Георгиевич бросился к газу и притащил свой драгоценный чемодан.

Внизу уже трещали автоматные очереди. Петрунеску ударил по лицу Вайкулевича, приставил пистолет к виску.

— Или ты поведешь самолет, или...

— Не надо! — остановил я босса. — Я поведу.

Дониц остался с командиром полка, а Петрунеску пошел за мной в кабину. Я сел за штурвал и только тут с ужасом подумал, что, если с самолета сняты бортовые аккумуляторы, нам не взлететь и всем хана: в такой неразберихе трудно понять, где свой, где чужой.

К счастью, аккумуляторы оказались на месте. Я запустил один двигатель, второй. Крикнул боссу:

— Надо убрать из-под колес колодки!

Он кивнул и послушно пошел выполнять команду.

По кабине хлестнула автоматная очередь. Я видел, как Дониц повалил Вайкулевича на пол. Упал и Петрунеску, ползком двинулся к люку. На его призыв, видимо, никто не откликнулся, и он сам спустился вниз, а как только вернулся, я прибавил обороты.

"Пчелка", быстро набирая скорость, покатила к взлетной полосе. Петрунеску прибежал ко мне:

— А Руссу и Саракуца?

— Без их прикрытия нам не взлететь!

Он понимающе кивнул и закрыл люк.

Когда самолет оторвался от земли и набрал высоту, на востоке заалела заря. Прекрасная, радующая глаз заря.

Все опасности были позади. Я выглянул в салон и увидел в кресле сидящего со связанными руками Вайкулевича.

— Так ему будет спокойнее, — с усмешкой пояснил Петрунеску. Он сощурился, глядя на зарю, радостно и успокоенно потянулся, подставив лицо первым солнечным лучам. Неожиданно улыбка сползла с его лица, он забегал взглядом по приборам, ища компас. Найдя его, схватился за кобуру.

— Ты почему курс на восток держишь?!

— Тихо, Барон, — приставил ему к виску пистолет Дониц. — Летим туда, куда надо. Через час я приземлил "Пчелку" в одесском аэропорту.

Сергей ПОРОХИН

СЕРДЦЕМ ПРОЖИТО И ПЕРЕЖИТО

...

Вновь за мигом проносится миг.
Жизнь — пустой лотерейный билет.
Я безвременьем загнан в тупик,
Из которого выхода нет.

Как дожить до грядущего дня,
Пережить бесконечную ночь?
Отче наш, не оставь же меня,
Дай безвременье мне превозмочь,

Дай ума не роптать на судьбу,
Дай упорства — свой крест донести...
И клоню я повинну главу:
Ты прости меня, Боже, прости.

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

Ах, как все это было давно:
Синий лес, золотистый пригорок,
И изба — приоткрыто окно...
Тот домишко и близок, и дорог.

Память детства хмелит, как вино:
Снится-грезится спелое жито.
Все я помню. Все было давно.
Сердцем прожито и пережито.

...

Вихри темные кружат в России,
Поднимается смута опять.
Только шаг от величья к бессилью —
Сколько ж можно о том повторять?!

Ослабела Россия в раздорах,
Но не враг смог ее одолеть,
А свои государевы воры.
И у каждого княжая клять.

...

Солнце спешит за отливом,
Тени длинней на песке.
Кто ты, и что ж ты застыла,
Поручень сжав на мостке?

Зыбь серо-синего моря,
Белая пена в волнах.
Что затаилось во взоре:
Горе? Отчаянье? Страх?

Дальние сизые скалы,
Берег тревожен и строг.
Может, и ты заблукала,
Верных не зная дорог?

...

Опять на взлет машину понесло,
Гудит мотор форсажно и натужно.
А мне б лететь туда совсем не нужно,
Но есть приказ. И значит, решено.

Вот так всю жизнь:
не хочется, а надо.
И я лечу по заданной кривой.
И все никак не стать самим собой.
И все никак не вырваться из ада.

...

Смолкли раскаты военные...
Помните подвиг солдат!
Это остались последние,
Вот их последний парад.

Помните, люди живущие,
Тех, кто суровой порою
С верой в победу грядущую
Впяя в редееющий строй.

Сергей Порохин родился в офицерской семье в эстонском городке Роквер. Закончив МВТУ им. Н.Э.Баумана, был призван на службу, на два офицерских года, однако оставался в строю свыше двух десятков лет. Подполковник запаса, кандидат философских наук. Ныне живет в Киеве. Стихи печатались в газетах. Это первая журнальная публикация.

19 апреля –
день рождения
“Динамо”

Адамас ГОЛОДЕЦ,
главный тренер команды
московского “ДИНАМО”
по футболу:

“МЫ СТАВИМ ПЕРЕД СОБОЙ САМЫЕ ВЫСОКИЕ ЗАДАЧИ”

Нынешний год — год особенный. Во-первых, летом в Англии стартует чемпионат Европы по футболу. К радости миллионов наших болельщиков, в числе финалистов и в числе фаворитов тоже сборная России. Во-вторых, двадцать лет назад футбольная команда московского “Динамо” в последний раз стала чемпионом страны — тогда еще Советского Союза. Поэтому в день рождения спортивного общества мы решили затронуть именно эту, футбольную, тему. Наш собеседник сегодня — главный тренер команды московского “Динамо” по футболу Адамас ГОЛОДЕЦ.

— Адамас Соломонович, разрешите от лица воинов внутренних войск, а в их числе немало преданных поклонников динамовского клуба, поздравить вас с началом российского чемпионата 1996 года и победой над “Ростсельмашем”.

— Спасибо, спасибо. Не скрою, приятно, когда выигрываешь. Особенно, когда выигрываешь первую игру чемпионата.

— Первого тура российского футбольного первенства мы, журналисты, ждали с наименьшим нетерпением, чем вы. Помните ваши слова: говорить о готовности команды к сезону можно будет только по результатам официальных матчей. И вот первая календарная игра состоялась. Теперь вы можете сказать: в порядке ваши подопечные или нет?

— Говорить о том, что команда уже на стартовом этапе чемпионата страны находится в хорошей форме — казалось бы, победа над ростовчанами дает мне право для подобных заявлений, еще рановато. Во-первых, в подготовительный период у нас было слишком мало игр с равными по

классу соперниками, во встречах с которыми можно было бы увидеть реальное состояние команды. Во-вторых, в первых играх российского чемпионата редко какая команда способна демонстрировать блестящую игру. Никто и никогда не ставит задачу вывести футболистов на пик формы к концу предсезонной подготовки. Не позволяет демонстрировать футбол высокого класса состояние полей, подготовка которых к первым календарным играм сотрудникам стадионов стоит больших сил и нервов. Можно ли говорить о красивой игре, когда из-за погодных условий проведение некоторых матчей до последнего момента оставалось под вопросом?

По результатам первых игр можно судить лишь о настрое команды, о ее боевых качествах — готовы ли футболисты действовать на поле с максимальной самоотдачей, в состоянии ли они сохранять настрой на победу при любом стечении обстоятельств.

— В этом плане у вас не должно быть претензий к своим игрокам. В Ростове-на-Дону они проявили потрясающую волю к победе. За 20 минут до финального свистка сумели отквитать пропущенный мяч и забить решающий, победный гол. Остается только пожелать, чтобы динамовцы сохранили боевой настрой и на четвертьфинальный матч с венским "Рапидом". Кстати, какое место отводите вы этой игре и вообще играм в еврокубках?

— Любое выступление на международной арене, а тем более удачное — большой плюс команде. Поэтому все, кто пробивается в еврокубки, стараются показать красивую, содержательную игру, стараются выиграть. Не исключение и московское "Динамо". Мы готовимся к предстоящей встрече. Постараемся сыграть успешно.

Кстати, мой помощник Николай Гонтарь с оператором Владимиром Щелоковым специально ездили в Австрию, чтобы записать первый матч "Рапида" после зимнего перерыва.

— И какое впечатление произвел на вас "Рапид"?

— Команды, постоянно нацеленной на чужие ворота. Существенная деталь: физически австрийцы — очень мощные ребята. Их надо будет переигрывать вниз. Хотя на таком поле и в такую погоду сделать это будет непросто.

На что еще обратил внимание — на шикарный стадион и как фанатично болельщики свой клуб поддерживают. Нам бы такую поддержку!

(Увы, к сожалению динамовцы не сумели одолеть на столичном стадионе "Локомотив" венский "Рапид". Почему? По мнению главного тренера "Динамо", причин было несколько. Москвичи не смогли выставить на игру оптимальный состав — ведущие защитники Сергей Подпалый и Сергей Колотовкин пропускали встречу из-за дисквалификации. Не получилась игра у Дмитрия Черышева. Не лучшим образом действовали в ответственный момент защитники, втроем они позволили обыграть себя двум австрийским футболистам. В итоге, Кристиан Штумпф забил победный гол. Объективности ради, в тот день "Рапид" выглядел лучше "Динамо" и справедливо победил.)

Реабилитировались динамовцы перед своими поклонниками уже 11 марта, когда в отличном стиле обыграли сочинскую "Жемчужину". Проигрывая по ходу встречи, "Динамо" в итоге вырвало победу — 3:1.)

— Потерять зрителей легко, а вот вернуть их на трибуны стадионов — непросто. Адамас Соломонович, согласны ли вы с мнением, что наличие или отсутствие болельщиков на стадионах — лучший показатель качества футбола, демонстрируемого командами?

— Безусловно. После распада Советского Союза уровень игры в России, да и не только у нас, понизился. Результат — пустые трибуны.

Но в последние годы в России появилась целая группа команд, которые показывают интересный, красивый футбол. И, как свидетельствуют игры в еврокубках, не уступают в классе грандам европейского футбола. Это московский "Спартак", владикавказский "Спартак-Алания", волгоградский "Ротор", московский "Локомотив". Атакующий, комбинационный футбол, который нравится болельщикам, продемонстрировала в прошлом сезоне команда ЦСКА. На такой футбол зритель будет ходить с удовольствием.

— Мне довелось быть очевидцем переполненных трибун на матчах с участием "Спартак-Алании" во Владикавказе.

— Это обстоятельство только подтверждает сказанное мною.

— Адамас Соломонович, состав вашей команды по сравнению с прошлым годом практически не изменился. Но, наблюдая игру московского "Динамо" образца 96-го года, складывается впечатление, что перед тобой совершенно другая команда.

— В прошлом году в основной состав команды пришли, если я не ошибаюсь, семь новых игроков. Им нужно было время, чтобы притереться. Но даже несмотря на это обстоятельство, сезон мы начали неплохо. Какое-то время шли в лидерах. Потом был спад. Потеряли первое место. Постепенно опустились на шестое. А в конце сезона команда решила проявить настоящий динамовский характер, показать, что она умеет и может играть в футбол.

В результате — четвертое место в чемпионате и право на участие в розыгрыше Кубка кубков.

— Психологический перелом, который наступил в сознании игроков, и, как следствие, появление желания играть, и не просто играть, но и выигрывать, обретение командой чувства собственного достоинства — заслуга командного психолога?

— У нас нет профессионального психолога. На моем веку их в команде было несколько. Но никто из них не смог повлиять на состояние игроков. И в конечном итоге — на результат.

— А кто же занимается у вас психологическим состоянием игроков?

— Психологом должен быть каждый тренер. Что требуется от него в этом плане? Постоянно общаясь с футболистами, поддерживать у них боевой настрой, желание работать во имя поставленной цели.

— Но для этого тренер должен пользоваться у игроков определенным авторитетом?

— Разумеется.

— Мне кажется, что у вас нет проблем во взаимоотношениях с подопечными?

— Абсолютно. В нашем футболе миновал период, когда в моде были тренеры-диктаторы. Всем своим поведением и на футбольном поле, и за бровкой они давали понять игроку: ты — ничто, твоя судьба полностью в моих руках. Что захочу с тобой, то и сделаю. Они не щадили самолюбия футболистов и прежде всего требовали от них беспрекословного повиновения. Те же футболисты, кто пытался выступить против тренерского произвола, отправлялись на скамейку запасных, оказывались в дубле, а то и изгонялись из команды.

— А что теперь?

— Диктаторский подход изжил себя. Мое мнение — сегодня между игроком и тренером должны быть чисто человеческие отношения. Польза от этого всем: и тренеру, и игроку, и команде.

— Хорошо, из ваших слов я могу судить о том, какие отношения существуют в "Динамо" между тренерами и игроками. Теперь скажите — а сами-то футболисты ладят друг с другом?

— Наверное, в любом коллективе есть определенные шероховатости, определенные сложности. Но в целом отношения между ребятами вполне нормальные.

— Адамас Соломонович, незначительные изменения в основном составе команды говорят о том, что имеющиеся в вашем распоряжении игроки вас полностью устраивают или о том, что на покупку новых нет денег?

— Сегодня финансовое состояние нашего клуба вполне удовлетворительное. Клуб выплачивает игрокам все, что им причитается по контракту. Еще не было такого, чтобы мы не выполнили обязательства перед игроками.

— В свое время футбольная команда "Динамо" считалась детищем МВД, его руководства.

— Сейчас футбольный клуб "Динамо" совершенно самостоятельное предприятие. Мы ничего не должны Министерству внутренних дел, и оно не имеет перед нами никаких обязательств.

— Откуда же тогда берутся деньги на содержание команды?

— Живем, в основном, за счет продажи игроков. Плюс кое-какая коммерческая деятельность.

— В старые добрые времена почти все динамовские футболисты являлись военнослужащими внутренних войск. Имели воинские звания, получали денежное содержание в одной из воинских частей.

— У нас в команде тоже есть военнослужащие. Все футболисты, кому исполняется восемнадцать лет, идут служить Родине. Они, как положено, призываются. Направляются в часть. А уже оттуда, получив предписание, прибывают в распоряжение команды.

— Своего рода компромиссное решение. Раньше у тренеров и игроков в связи с этим обстоятельством возникали определенные трудности.

— Будем считать, что восторжествовал здравый смысл.

— Адамас Соломонович, я заметил, вы довольно-таки осторожно относитесь ко всякого рода прогнозам. Поэтому не буду просить вас назвать то место, которое, по вашему мнению, займет команда в нынешнем сезоне. Назовите лучше задачи, которые вы перед игроками поставили.

— Наша команда — московская. А перед столичными клубами всю жизнь ставились наивысшие задачи. Надо поддерживать престиж столичного футбола, поэтому и в нынешнем сезоне будем стремиться подняться как можно выше в турнирной таблице.

— А как вы оцениваете прошедший сезон?

— Задачи, которые мы ставили перед собой, выполнили. Команда заняла четвертое место в чемпионате страны, завоевала право участвовать в розыгрыше Кубка кубков, вышла в четвертьфинал. В четвертьфинал вышли мы и в Кубке России.

— Способна ли команда пойти дальше?

— У нас неплохой состав. Хотя определенные места нуждаются в усилении. В целом же есть все, чтобы радовать своих болельщиков хорошим, содержательным футболом.

— С кем из игроков вы связываете свои надежды в сезоне-96?

— Футбол — командная игра. Поэтому выделять кого-то из игроков и делать ставку только на них было бы неправильно. Если кто-то из футболистов сыграет плохо, то результата не будет у всей команды.

Я делаю ставку на хорошую командную игру. В каждой линии — нападении, полузащите, обороне, в каждом звене есть лидеры. Кто из них лучший, они покажут, выйдя на поле.

— А молодежь не подкачает?

— Мы рассчитываем на нее. Не только сегодня, но и в будущем. В команде есть целая группа игроков молодых и талантливых, с которыми мы работаем на перспективу. Среди них Виталий Кулев, Алексей Шерстнев, Сергей Гришин.

— Но в оптимальном варианте лучше иметь сплав молодости и мастерства, не так ли?

— Несомненно.

— А почему бы вам тогда не пригласить в команду одного из лучших полузащитников российского футбола Игоря Добровольского? Он же бывший динамовец. Неужели его опыт и мастерство не нужны московскому "Динамо"?

— Когда Игорь Добровольский сообщил о своем решении играть в российском чемпионате, то он оговорился: за любую команду, кроме "Динамо". Как бы там ни было, я его очень уважаю и ценю как футболиста.

— А если бы Добровольский все-таки изъявил желание вернуться в родные пенаты, ему бы нашлось место в основном составе?

— Понимаете, Игорь давно не играл. Он жаловался, что его замучили травмы. Поэтому сейчас невозможно определить его готовность к практической футбольной деятельности. Но, повторю, в том, что он очень хороший игрок, у меня сомнений нет. А что касается выбора команды, то Добровольский вправе решать этот вопрос самостоятельно и никто не может предъявить ему какие-то претензии.

— Адамас Соломонович, 96-й год — год чемпионата Европы. Из "Динамо" на подготовительные мероприятия, на сборы с заметным постоянством привлекается один лишь Юрий Ковтун. Ездил он со сборной в феврале и на Мальту. Участвовал во всех играх. Получается, что, кроме Ковтуна, в команде больше нет достойных сборной игроков?

— Такие игроки есть. Но будут они играть в сборной или нет, зависит от того, как эти игроки проявят себя в деле, в каком они окажутся состоянии перед чемпионатом Европы.

— Как вы оцениваете шансы российской сборной на успех? Подгруппа-то у нас очень сильная.

— По уровню мастерства игроков наша команда имеет очень высокие шансы на успешное выступление и может занять хорошее место. Все решит психологический настрой футболистов, с какой отдачей будут они действовать на поле. Еще важно, чтобы не повторилась ситуация, как накануне чемпионата мира в Америке.

— Раз уж вы вспомнили американский чемпионат, то ответьте на вопрос: кто, по вашему, в большей степени виноват в провале российской сборной — руководство или игроки?

— Виноваты в равной степени и те, и другие. Они не смогли прийти к какому-то компромиссному решению. В результате пострадал российский футбол, пострадали российские болельщики. Подобный исход не делает чести ни игрокам, ни руководству команды.

— Наверное, вы правы. И все-таки мне не понятно, как может футболист отказаться играть на чемпионате мира! Ведь нет такого спортсмена, который не мечтал бы об этом. Адамас Соломонович, неужели сегодня уже не существует таких понятий, как "честь страны", "честь команды", "верность клубу"?

— После того как наш футбол стал более профессиональным, когда за футбол стали платить деньги, и большие деньги, вопрос патриотизма отошел на второй план. Хотя нельзя говорить о том, что игрокам сегодня совершенно безразлично, за кого и как играть, что их не трогает мелодия Государственного гимна и они не чувствуют никакой ответственности перед своими согражданами, перед своими болельщиками.

Более профессиональное отношение к футболу, как к работе, средству существования — чем лучше ты играешь, тем больше получаешь — результат перемен, которые переживает не только мир спорта, но и все наше государство. И на это не стоит обижаться.

— Такая профессионализация — хорошо это или плохо для российского футбола?

— Профессионализм не только в футболе, в любом деле — это хорошо. Разве вы не заметили, российский футбол с созданием ПФЛ (Профессиональной футбольной лиги) стал лучше, стал содержательнее.

— **Какие последствия для российского футбола имеет решение Европейского суда по "делу Босмана"? (Согласно этому решению теперь не существуют ограничений на иностранцев в клубах, которые участвуют в соревнованиях, проводимых под эгидой Европейского футбольного союза, национальных первенствах и еврокубках, а за игроков, чей контракт истек, не надо платить.)**

— Очень большие. Если вас интересует мое мнение на сей счет, то суд принял совершенно верное решение. Игрок должен быть свободным. Действовавшая до последнего времени трансферная система противоречила закону о свободном перемещении рабочей силы, то есть нарушала права человека. Это искусственные были ограничения. И жизнь сама расставила все по своим местам.

— **Но ведь теперь селекционеры из европейских команд будут дневать и ночевать в российских футбольных клубах. Они переманят за кордон всех лучших из оставшихся наших игроков.**

— Отчасти я разделяю ваши опасения. Да, действительно, сегодня за границу стали увозить даже мальчишек, которые по большому счету еще ничего не умеют. Родители по сути дела сдают их за деньги. Сейчас на запад едут все, у кого есть хоть малейший шанс там зацепиться. Но не только игроки заинтересованы в сделке. Есть свой интерес и у руководителей клубов — оно зарабатывает на продаже футбо-

листов. Пусть немного по сравнению с тем, что могло бы получить со временем. Зарубежные же клубы скупают талантливых игроков оптом, по дешевке. Уже у себя дома они будут разбираться, что из них получится. Пользы от этого для итальянского, французского, немецкого и так далее футбола здесь немного. А для российского не польза, а только вред.

Но это все временное явление. Как только для футболистов будут созданы приемлемые условия здесь, в России, число желающих искать счастье за границей, поверьте, значительно поубавится.

А потом ведь не каждый футболист ходит себя за рубежом. Тот же Оношко на что уж опытный игрок, и то не все у него получается в "Овьедо".

— **Адамас Соломонович, вопрос, который нельзя не затронуть: судейство. Ни для кого не секрет, что даже в прошедшем чемпионате были матчи, где судья одним своим неверным решением сводил на нет усилия всей команды. Она теряла очки, которых ой как не хватало на финише чемпионата.**

— У нас нет иного пути, как повышать профессионализм судейского корпуса. Надо создать такие условия, чтобы судье было невыгодно ни в моральном, ни в материальном плане проявлять необъективность.

Безусловно, судья должен быть честным. Но ошибки в судействе всегда были и будут, в этом нет ничего страшного. Страшно, когда судья кривит душой.

— **А насколько решительно, по вашему, борются российские рефери за чистоту игры?**

— Это не такой простой вопрос, как может показаться на первый взгляд. Разные судьи трактуют происходящие на поле события по-разному. Грань между грубой и жесткой игрой очень тонкая. Может быть, имеет смысл в дополнение к существующим правилам выработать негласный судейский кодекс, который по возможности исключал бы двойное толкование тех или иных ситуаций.

— **Будем надеяться, что в этом сезоне судьи будут если уж не благосклонны, то хотя бы объективны к московскому "Динамо". Все остальное у команды для успешного выступления есть.**

Спасибо вам, Адамас Соломонович, за интервью. Удачи вам и вашей команде!

Беседу вел подполковник
А. ПЕТРОВ,
Фото А. КРЫСИКА.

Под редакцией
мастера спорта
А.КАЛИНИНА

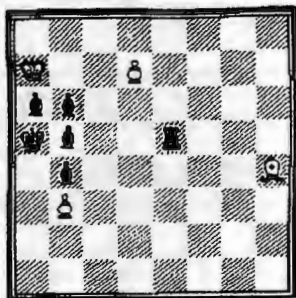
ИГРАЙТЕ В ШАХМАТЫ!

№ 15

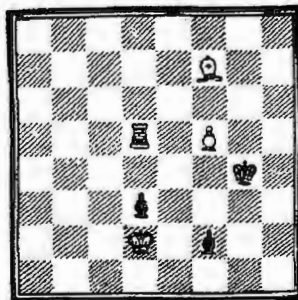
Мат в 3 хода

№ 16

Мат в 4 хода

№ 17

Выигрыш

Призыв "Играйте в шахматы!" мы слышим часто по телевидению. Да, играйте в шахматы, решайте задачи и этюды, участвуйте в конкурсах решений и, как утверждают врачи, вам не будут страшны болезни психогенного характера — гипертония, язвы и др., они покинут вас.

Посмотрите решение № 15: 1. Cd4!, цугцванг; 1...Cd8/b8 2. e 3+ Kd3 3. Ke5:a5X!, 1...a4 2. e4+! Kd3 3. Лb4X! Другие две композиции нетрудные, но эмоциональные, решите их! Эстетическое наслаждение гарантируем. После решения все окажется простым, но не забывайте — в искусстве "простота — эталон совершенства" (В. Белинский).

Любителям гетеродоксальных жанров предлагаем решить миниатюру: № 18. Кра1, Се1, п. h7 (3) — Kpd8, Ch3, п. с 7 (3), кооперативный мат в 3 хода. Напоминаем, первый ход в этом жанре делают черные.

НОВОСТИ В ШАХМАТНОМ МИРЕ

Кто станет чемпионом мира? На этот вопрос ответит чемпионат, который по решению парижского конгресса ФИДЕ состоится в декабре этого года. В нем примут участие 99 сильнейших шахматистов. Это означает, что почти всем грандам предоставлено право завоевать чемпионскую корону, никто не обойден вниманием и не обижен. Чемпионат, таким образом, будет весьма представительным.

Напомним кратко порядок его проведения. Вначале 68 сильнейших представителей стран и зон будут играть матчи из двух партий с выбыванием. Затем 34 победителя и 28 соискателей, названных ФИДЕ, продолжат борьбу также из двух партий с выбыванием. Далее 31 победитель и неудачник матча А. Карпов — Г. Камский будут играть с выбыванием до выявления двух сильнейших претендентов. Эти претенденты, победитель матча А.Карпов — Г.Камский и

Г.Каспаров, составят полуфинальную четверку. В полуфинальных встречах планируется играть по 4 партии, в финале — 6.

Итак, в конце этого года будет известен единственный чемпион мира. Так спланировано, а как будет — покажет будущее.

Приз президента ФИДЕ. Конкурс решений шахматных задач и этюдов, посвященный исторической дате — 300-летию Российского флота, проводимый газетой "Красная звезда", близится к завершению. Он оказался массовым, более 500 участников, внемля призыву: "Полундра, конкурс!", состязались в разгадывании красивых загадок. Президент ФИДЕ Кирсан Илкомжинов, узнав о конкурсе, решил выделить для победителя цветной телевизор. Он и получил название — ПРИЗ президента ФИДЕ. Благодарим президента ФИДЕ за теплое внимание к широкой аудитории любителей шахмат.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, № 3, 1996)

№ 11. Kpf1, Фа6, Сb1, Кb3, п. e5 (5) — Kpd1, Ld5, Ch5, п. с3 (4), мат в 2 хода. 1. Сg6! — 2. Фа1X, 1...c2 2.C:h5X!, 1...C:g6 2. Фе2X.

№ 12. Kpb8, Ла2, Сс2, Ке5, пп. b2, d4 (6) — Kpb4, пп. b5, b7 (3), мат в 3 хода. 1. Ла8! b6 2. Кра7!! Кра5 3. Кс6X! Дезактивация белой фигуры.

№ 13. Kpd4, Лg8, Cd3, п. e2 (4) — Kpf4, пп. d7, d5, e3, f6 (5), мат в 4 хода. 1.Ch7! f5 2. Kp:d5 d6 3. Kp:d6 Кре4 4. Лg4X!

№ 14. Kpf4, Ca1, Ке4 (3) — Kpb1, Лb3, пп. a2, b4 (4), кооперативный мат в 3 хода. 1. Лg2! Ch8!! 2. Лg7 Kd2+ 3. Кра1 C:g7X!

Указанные композиции составлены редактором "Шахматного клуба".

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Не раз приходилось наблюдать, как чертыхались рыбаки, когда при ловле на поплавочную удочку по открытой воде на крючок цеплялся ротанишка размером в мизинец. Рыбешку эту, прямо скажем, недолюбливают. Редко кто, поймав ее, отправляет в садок. Чаще просто выбрасывают. И не в воду, а на берег. Считается, "головешка" (так иногда называют ротана из-за черного цвета в брачный период) — враг рыболовов. В том смысле, что уничтожает в большом количестве икру и молодь приличных обитателей водоемов и тем самым сокращает шансы на достойный улов. Подмечено, например, если он оказывается в озере или пруду, где водится карась-ленивец, через несколько лет карасиное племя практически перестает воспроизводиться и постепенно сводится на нет.

В наших краях эта небольшая рыбка водилась не всегда. Завезли ее сравнительно недавно с Дальнего Востока, из бассейна Амура. Якобы аквариумисты-любители, котрые и запустили ротана в подмосковные пруды. Он на редкость быстро акклиматизировался и ныне есть, кажется, в любой более или менее большой заросшей растительностью луже...

Ротан очень живуч, обитает даже там, где из-за недостатка кислорода в воде погибают все другие подводные жители. Очень прожорлив, по сути всеяден. Но и сам является объектом охоты щук, окуней и иных хищников.

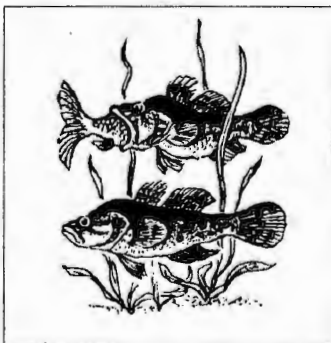
По-видимому, название свое ротан получил за чрезвычайно широкий рот, внутри которого несколько рядов мелких зубов. Этим ртом он заглатывает порой и весьма крупную добычу — иногда чуть ли не большую, нежели он сам.

Как бы негативно не относились к ротану многие, есть не-

мало и тех, кто не прочь поудить его. Поймать "головешку" нетрудно. И снасть нехитрая: удочка поплавочная, даже коротышка в метр-полтора, и вся недолга. Или удильник подлиннее с кивком на кончике. Леска годится и потолще (что немаловажно, кстати, при нередких при ловле в зарослях зацепах). Крючок тоже можно покрупнее — на резуль-

Ни чешуи, ни хвоста

А "головешка" — то
вкусная!

тат не повлияет, зато легче будет снимать улов. Поклевка ротанья верная, часто этот разбойник просто заглатывает наживку. Насадка — самая различная, хотя чаще всего это червь, кусочек червя, мотыль, кусочек рыбки. Этот монстр не упустит шанса побаловаться свининкой, говядиной. В связи с этим припоминается многолетней давности случай. Как-то, гуляя у пруда рядом с гостиничным комплексом "Измайлово", стал свидетелем, как мужчина, одетый, прямо скажем, не по-рыбацки — в таком виде в пору на дискотеку идти — потаскивал одну за другой небольших рыбешек. Действовал любо-дорого посмотреть, со знанием дела, толково. Через плечо у него была перекинута аккуратная холщовая сумка, куда он отправлял трофеи. Удилище телескопическое, шестиколенное, метров пяти. Глубина в месте забросов не более метра. На шестике укреплено

съемное пенопластовое мотовильце с запасом лески, пропущенной через боковой кивок. Вместо крючка — блесенка. Что за насадка использовалась, долго не мог понять. В конце концов решился, спросил. Оказалось, дядя ловил на мясо — маленькие кусочки говядины ярко красного цвета. От многократного использования они через какое-то время напоминали грязно-белый пучок шерстинок. Тем не менее ротан брал на эту насадку, как на свежую.

Техника лова тоже имела особенности. Подцепив добычу, рыбак отработанными движениями быстро сдвигал колена удилища, оставляя длину его такой, чтобы удобно было снять ротанчика. Потом, поправив насадку или нацепив новую, выдвигал колена удочки на полную длину и делал заброс в окошко среди водных зарослей...

Завороженный, наблюдал я за чудодейством мастера до тех пор, пока тот не засобирался домой. Будто предугадав просьбу, мужчина вытащил из сумки и показал улов. В объемистом целлофановом пакете было, поверьте на слово, не менее трех килограммов ротана.

— И что вы с этой прорвой мелочи делать будете? — невольно вырвалось у меня.

— Знаете, мой кот и собачка страсть как любят ротанчиков. Так что они меня уже поджидают — знают, перепадет свеженькой рыбки.

— А сами пробовали ее?

— Конечно. И вам рекомендую. Мясо ротана белое, нежное и очень вкусное. Как в жареном виде, так и в ущице. А шпроты из ротана, которые готовит моя благодетельная, — пальчики оближешь...

С тех пор, собственно, я и приобщился к ловле ротанов. Случалось, специально ходил за ними. Конечно, в основном, когда страсть как хотелось порыбачить, а возможности надолго и далеко выбраться не было. Благо даже в черте Москвы немало водоемов, где ротаны водятся в изобилии. Кроме Серебряно-виноградного, который я упоминал, на-

ведываюсь нередко на Черкизовский пруд. Он расположен рядом с кинотеатром "Севастополь", недалеко от стадиона "Локомотив". Его еще старожилы называют Хапиловским — от названия речки, протекавшей некогда здесь. К слову, Черкизовский пруд — исторический памятник. Он был настолько обширен, что река Яуза, в воды которой был первоначально спущен Петром I знаменитый ботик, начавший родословную русского флота, не выдерживала никакого сравнения с его гладью. И ботик, по некоторым сведениям, переселили в Черкизовский пруд. Потом были и другие "новоселья". Так что не исключено, что воды именно этого пруда бороздил первый русский корабль...

Однако вернемся к ротану. Ловить его можно не только летом, но и из-под льда. Вот совсем недавняя история, которая, на мой взгляд, убедительно подтверждает, что "геловешка", как объект рыбалки, заслуживает о-о-чень даже большого уважения.

Рыбачили мы на Биссеровом озере. Добираться до него совсем нетрудно: с Курского вокзала до станции Купавна езды примерно с полчаса, потом пешочком десяток минут от платформы. Ловили со льда в основном окуня. На блесну. Из нашей компании кое-кто здесь уже бывал. И рассказывали, что иногда наряду с окунем попадают в озере ротаны. Да какие! Грамов до 500! Вот и в тот выезд практически каждый из нас поймал по несколько ротанов-великанов. Ну не полукилограммовых, но уж точно более увесистых, чем самые крупные выуженные нами окуни.

Дочка моя младшенькая, малявка — ей всего три годика, большая любительница жареных карасей и окуней, кроме приготовленных в тот раз и поданных с пылу-жару ротанов, теперь, кажется, ничего признавать не желает...

**Полковник
В.АФАНАСЬЕВ.**

Природа и мы

Встреча в утреннем лесу

После удачной охотничьей зорьки с фоторужьем, выбравшись из топкого болота, я присел отдохнуть. Приятно бывает посидеть в утреннем лесу, послушать голоса его обитателей.

За речкой, на небольшой вырубке, азартно бормотал и "чуйфыркал" одинокий тетерев. Когда-то здесь было токовище, но со временем лирохвостые красавцы выбрали себе другое место для брачных игр. Лишь этот старый черныш вот уже несколько лет подряд остается верен былым своим пристрастиям.

Метрах в десяти от меня перепорхнул рябчик. Я срезал прутик росшей рядом рябины, смастерил из него свистульку и тихо поманил. Петушок немедленно откликнулся. Для снайперского "выстрела" из фоторужья мне нужно было выждать, чтобы он сел на открытое место. Хохлатый ухажер заодно посвистел, подзывая подругу, и, не найдя ее, умолк.

Токовавший на вырубке тетерев вдруг тоже оборвал песню.

"Лиса, похоже, спугнула", — подумал я. Подождал немного, опять посвистел в самодельную свистульку. Рябчик, видимо, уловив фальш наскоро сделанного манка, не отозвался.

Я упаковал фоторужье и собрался было переправиться через речушку, когда в поле моего зрения оказалась упавшая ель. На середине ее ствола, всего метрах в семи от меня, стояла рысь. Два зеленых глаза зорко следили за мной. В лучах восходящего солнца лоснилась дымчатыми темными крапинами шерсть. Как я пожалел о захваченном уже фотоаппарате, ведь такие встречи случаются раз в жизни.

Стоило мне чуть привстать, как хищник молниеносно развернулся и, прыгнув на противоположный берег, скрылся под густыми еловыми лапами.

Теперь стало ясно, кто спугнул токовица.

Ф.САВИНСКИЙ.

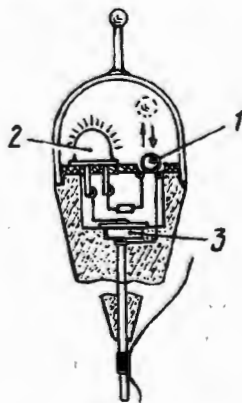
Сделай сам

Поплавок для ночной рыбалки

В рыболовной литературе подробно описана конструкция светящегося поплавка для ловли в темное время суток, где в качестве замыкателя контактов используется капля ртути из термометра.

Я отказался от этого токсичного и небезопасного для здоровья металла, заменив его в этой же конструкции каплей абсолютно безвредного галлия из набора для пломбирования зубов "Галодент-М".

Принцип действия поплавка предельно прост. Когда после заброса он принимает вертикальное положение, капля галлия скатывается к светодиоду и замыкает контакты — поплавок светится. При поклевке леща поплавок ложится на воду, капля отходит от контактов, и электроцепь размыкается — светодиод поплавок гаснет. Тут уж не зевай с поклевкой.

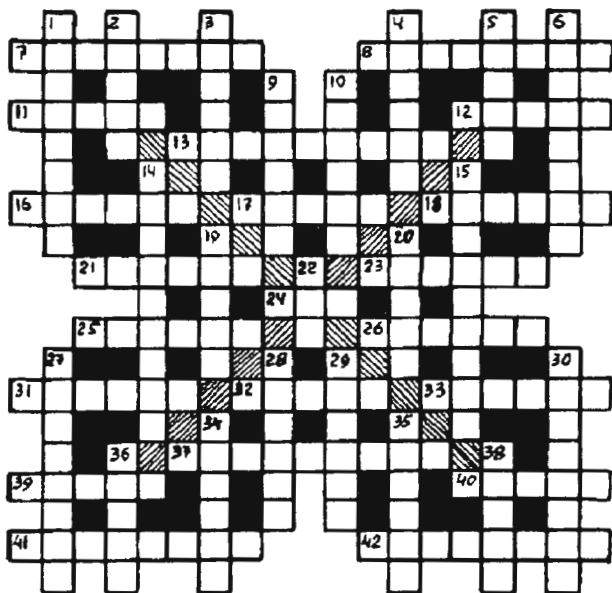
**Конструкция
светящегося поплавка**

1.Капелька галлия. 2.Светодиод с сопротивлением. 3.Батарейка для электронных часов.

**Капитан медицинской
службы
Е.ГОЛУБЕВ.**

По горизонтали:

7. Участник национально-освободительного движения, народный мститель. 8. Документ в Вооруженных Силах на право получения соответствующих видов довольствия. 11. Военачальник, маршал войск связи. 12. Оперативно-стратегическое объединение, создаваемое в военное время. 13. Боевой летательный аппарат, предназначенный для поражения с малых высот малоразмерных объектов. 16. Военные формирования непостоянного состава в Польше, Франции и других странах. 17. Деталь огнестрельного оружия. 18. Военское подразделение, назначаемое для охраны и сопровождения военнопленных. 21. Первая в России женщина-офицер, писательница. 23. Кодовое наименование морской десантной операции американско-французских войск в 1944 году на средиземноморском побережье Франции. 24. Система укрепленных полос и позиций. 25. Политическое течение и идеология, основанные на крайних формах насилия. 26. Русский конструктор стрелкового оружия. 31. Повреждение или разрушение военной техники без гибели людей. 32. Совещание, заседание для совместного обсуждения какого-либо вопроса. 33. Вооруженное подразделение для охраны и обороны военных объектов или для отдания воинских почестей. 37. Первичное тактическое подразделение. 39. Правая и левая сторона боевого порядка войск. 40. Почетная государственная награда за особые заслуги. 41. Маршал Советского Союза, командующий Брянским, Юго-Западным, Сталинградским и другими фронтами. 42. Командир стрелковой

КРОССВОРД

дивизии, героически сражавшейся под Москвой в 1941 году, Герой Советского Союза.

По вертикали:

1. Герой книги Б. Полевого "Повесть о настоящем человеке". 2. Маневр войск. 3. Длинный нож для рубки сахарного тростника, используемый как холодное оружие. 4. Генералиссимус Советского Союза, Верховный Главнокомандующий, один из организаторов антигитлеровской коалиции. 5. Кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда в 1943 году. 6. Военские части, расположенные постоянно или временно в определенном населенном пунк-

те или районе с установленными границами. 9. Высшее тактическое объединение в Сухопутных войсках. 10. Элемент высшего пилотажа. 14. Маршал авиации, трижды Герой Советского Союза. 15. Город-герой. 19. Основное средство обеспечения управления войсками. 20. Крупнейшая промышленная монополия в Германии, ведущий поставщик военной продукции для бундесвера. 22. Прямолинейный участок траншеи, хода сообщений. 27. Кодовое наименование операции по вторжению армий США, Великобритании и их союзников во Францию в 1944 году. 28. Высший военный орден СССР. 29. Людские ресурсы и запасы материальных средств. 30. Адмирал флота Советского Союза, нарком ВМФ с 1939 по 1946 год. 34. Высший орган стратегического руководства военными действиями Вооруженных Сил. 35. Военское звание военнослужащих в ВМФ. 36. Символ воинской чести, доблести и славы. 38. Вооруженные силы государства.

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 3**По горизонтали:**

7. Бруствер. 8. "Вездеход". 10. Лимонка. 11. Тесак. 12. Курок. 13. Картечь. 18. Террор. 19. Жуков. 21. Ратник. 22. Ранжир. 23. Сигнал. 26. Венерн. 27. Вилка. 29. Дренаж. 31. Одицов. 34. Стенд. 35. Обход. 36. Траншея. 37. Перископ. 38. Дивизион.

По вертикали:

1. Пропеллер. 2. Ставка. 3. Темляк. 4. Педаль. 5. Сделка. 6. Полковник. 9. Кортик. 14. Арбалет. 15. Дружина. 16. Бригада. 17. Стратег. 19. Жаров. 20. Висла. 24. "Пехотинец". 25. Танкодром. 28. Ленино. 30. Одесса. 31. Острог. 32. Ваяние. 33. Подвиг.

Составил Е. КУЛИКОВ.

ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ БАНК

Тел. 974-10-31

Суворовская площадь, 2

Председатель совета директоров Генри Зингерман

Жизненное кредо — «Что легко дается, то редко стоит брать»

Генри Зингерман — председатель совета директоров Первого профессионального банка, первый и единственный американец, создавший в России свой банк с прогрессивными западными банковскими технологиями. Работает по 16 часов в сутки. Регулярно занимается спортом — ежедневный бег, тяжелая атлетика и армрестлинг.

СПОНСОР ПАРАДА ПОБЕДЫ 1995 ГОДА

мы изготовим для вас

- Летние маскировочные костюмы из высококачественных хлопчатобумажных камуфлированных и однотонных тканей.
- Зимние и осенние маскировочные костюмы из высококачественных хлопчатобумажных и синтетических камуфлированных и однотонных тканей с водоотталкивающей пропиткой.
- Разгрузочные жилеты различных модификаций.
- Сумки, рюкзаки десантные, рюкзаки дорожные, спальные мешки.
- Широкий ассортимент трикотажных изделий: хлопчатобумажное белье (камуфлированное, однотонное), тельняшки, полушерстяные джемпера, шапочки.

ПРЕДЛАГАЕМАЯ ПРОДУКЦИЯ

успешно прошла испытания в экстремальных условиях боевых действий и получила высокую оценку. Мы всегда учитываем пожелания и предложения заказчиков по усовершенствованию моделей одежды.

ПРЕДЛАГАЕМ ПОСЕТИТЬ НАШИ ПРЕДПРИЯТИЯ

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «АНА»

197198, Санкт-Петербург,
Малый Проспект ПС, дом 3-5
Тел. (812) 235-5460
Факс (812) 235-7012